

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№1 (9) 2022

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Оглавление

№ 1 Том 9 2022

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сопоставительный анализ английских, русских и еврейских идиом золота и серебра <i>Кигель Т.</i>	4-17
Сияющая «луна», сверкающий «гром» <i>Тардиво Дж.</i>	18-34

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Язык и проблематика политической науки Древнего Рима <i>Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.</i>	35-48
«В миру пребудешь как инок»: мотив послушания и аскезы в миру у Достоевского. К 200-летию русского гения <i>Сузи В.Н.</i>	49-60
О восприятии творчества Ф.М. Достоевского в литературном пространстве Сербии <i>Никанорова О.Н.</i>	61-66
Сестра милосердия – баронесса Ю.П. Вревская. К вопросу создания художественного образа <i>Шмелева А.В., Ломатова А.Е., Лунёва Е.Д.</i>	67-82

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Русские писатели XIX века в учебниках русского языка для американцев <i>Зенкевич И.В.</i>	83-91
К вопросу о теории и практике коммуникативного подхода в обучении русскому языку как иностранному <i>Воителева Т.М., Цао Ч.</i>	92-99
Интерпретация поэтического текста Н.А. Заболоцкого позднего периода на уроках литературы <i>Воителева Т.М., Зайцева Т.А.</i>	100-107

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Творческий путь Ф.М. Достоевского, рукописное наследие и герменевтика текстов: юбилейные издания РФФИ <i>Дергачева И.В.</i>	108-119
---	---------

Context

№ 1 Volume 9 2022

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Gold and Silver Idioms <i>Kigel Tali</i>	4-17
Shining «Moon», Sparkling «Thunder» <i>Tardivo Giampaolo</i>	18-34

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

The Language and Problems of the Political Science of Ancient Rome <i>Sergey F. Vititnev, Anna V. Shmeleva</i>	35-48
“You Will Remain in the World as a Monk”: the Motive of Obedience and Asceticism in Dostoevsky's World. To the 200th Anniversary of the Russian Genius <i>Valerii N. Suzi</i>	49-60
Perception of the F.M. Dostoyevsky’s Works in the Serbian Literary Space <i>Olga N. Nikanorova</i>	61-66
Sister of Mercy – Baroness Yu.P. Vrevskaya. On the Issue of Creating an Artistic Image <i>Anna V. Shmeleva, Anastasia E. Lomatova, Evgenia D. Luneva</i>	67-82

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS.PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Russian Writers of the 19th Century in Russian Language Textbooks for Americans <i>Irina V. Zenkevich</i>	83-91
On the Theory and Practice of the Communicative Approach in Teaching Russian as a Foreign Language <i>Tatiana M. Voiteleva, Cao Chunhua</i>	92-99
Interpretation of N. A. Zabolotsky's Poetic Text of the Late Period in Literature Lessons <i>Tatiana M. Voiteleva, Tatiana A. Zaitseva</i>	100-107

CHRONICLES OF SCIENTIFIC LIFE

The Creative Path of F.M. Dostoevsky, Handwritten Layering and Hermeneutics of Texts: Anniversary Editions of the RFBR <i>Irina V. Dergacheva</i>	108-119
---	---------

Сопоставительный анализ английских, русских и еврейских идиом золота и серебра

Кигель Т.

Центр «Беахзлаха», г. Петах-Тиква, Израиль

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>, e-mail: kigelt@gmail.com

В статье исследуется около 320 английских, русских и ивритских серебряных идиом, а также сравниваются трехязычные золотые и серебряные идиомы (GOIS и SIS соответственно), которые до сих пор не были предметом исследования. В количественном отношении у золотых фразеологизмов есть преимущество перед серебряными, соотношение этих метафор в трех языках аналогично соотношению черных и серых идиом. Отмечается преобладание уникальных серебряных фразеологизмов в английском языке и их отсутствие в иврите. В статье рассматривается отсутствие противопоставления другим цветам и параллель GOIS и SIS (ГОСИС) в обозначении материальных и духовных благ, высших достижений, при этом SIS символизирует обычно меньшее богатство и всегда второе по значимости достижение. Отмечена параллель между серебряными метафорами и серыми метафорами только в смысле старшего и продуктивности ГОСИС во многих областях науки и общества в дополнение к трехязычным метафорам, существующим несколько столетий. Особая активность в настоящее время наблюдается с серебряными метафорами в значении старшего. Ассоциативные цепочки БСИ организованы в следующие микросистемы: 1. А. Природа. Флора. Фауна. Погода. Тело. Б. Человеческая деятельность. Приготовление еды. Беспокойство. Лекарство. Наркотики. Деньги, монеты. Экономично - Выгодно - Дебетовая карта - Труд-Профессионалы. Общество. Кратность 25-50. Компьютеры, техника. Спорт, соревнования. Изобразительное искусство. Фотография - Кино. С. Психические, моральные, этические проблемы. Богатство, богатство – счастливое, богатое – драгоценное, превосходное, ценность. Гармоничный, умеренный. Недостижимая мечта. Красноречивый. Обманчивый, блестящий. Предательство. Полисемия характеризует ГОСИС в меньшей степени, чем базовые цветные метафоры, но именно поэтому несколько ГОСИС могут быть связаны с несколькими микросистемами одновременно.

Ключевые слова: контрастивное колоративное языкознание, золотой, серебряный, идиома, ассоциативная цепочка, микросистема, английский язык, русский язык, иврит.

Для цитаты: Кигель Т. Сопоставительный анализ английских, русских и еврейских идиом золота и серебра [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 4–17. DOI:10.17759/langt.2022090101

Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Gold and Silver Idioms

Kigel Tali

Behazlaha-center, Petah-Tikva, Israel

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>, e-mail: kigelt@gmail.com

The article explores about 320 English, Russian, and Hebrew silver idioms, and also compares trilingual gold and silver idioms (GOIS and SIS, respectively), which has not been the subject of research until now. In quantitative terms, there is an advantage for golden idioms over silver idioms, the ratio of these metaphors in three languages is similar to the ratio of black and gray idioms. The prevalence of unique silver idioms in English and their absence in Hebrew is noted. The article discusses the lack of opposition to other colors and the parallel of GOIS & SIS (GOSIS) in the designation of material and spiritual wealth, the highest achievements, with SIS symbolizing usually less wealth and always the second most important achievement. A parallel is noted between silver metaphors and gray metaphors only in the meaning of senior and the productivity of GSIS in many areas of science and society in addition to trilingual metaphors that have existed for several centuries. There is a special activity at the present time with silver metaphors in the meaning of senior. Associative chains of GSI are organized into the following microsystems: 1. A. Nature. Flora. Fauna. Weather. Body. B. Human activity. Cooking. Anxiety. The medicine. Drugs. Money, coins. Economical - Profitable - Debit Card - Labor-Professionals. Society. A multiple of 25-50. Computers, technology. Sports, competitions. Art. Photography - Cinema. C. Mental, moral, ethical problems. Wealth, wealth - happy, rich - precious, excellent, value. Harmonious, moderate. An unattainable dream. Eloquent. Deceptive, shiny. Betrayal. Polysemy characterizes GOSIS to a lesser extent than basic color metaphors, but that is why several GOSIS can be associated with different microsystems at the same time.

Keywords: contrastive color linguistics, gold, silver, idioms, associative chains, microsystem, English, Russian, Hebrew.

For citation: Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Gold and Silver Idioms. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 4–17. DOI:10.17759/langt.2022090101 (In Russ.).

Introduction

Globalization and international migration period need for communication between people and countries, intensive L2 teaching, and comfortable multilingual dictionaries. In the early stage of L2 acquisition, to increase motivation to effective communication, students already can learn and use some equivalent colorful idioms.

Following the L2 researchers, linguistic competence also includes ... the ability to produce or understand metaphorical interpretations (Allerton et al., 2004, 3). This linguistics study is the first to analyze the lexeme silver and to choose gold and silver lexemes as the subject of a trilingual cross-

linguistic study as we know. These lexemes are not included in the color terms classification of Key and Berlin (Berlin & Kay, 1969), which included such colors as achromatic (white, black, and grey), primary (white, black, red, green, yellow, blue), basic (primaries plus brown, orange, purple, pink and grey). Gold and silver lexemes don't relate to such secondary categories, terms as scarlet, gold, livid, puce, rosy, peachy, lavender, amber, drab, vanilla, beige, milky, and lily-livered (Hamilton, 2016, 198).

The basic categories are considered distinct from other terms (for example, turquoise or maroon) because they are known to all members of a community, not subsumed within another category, and generally named with mono-lexemic words (Kay et al., 1991).

The article is devoted to the semantic analysis of phraseological units in English, Russian, and Hebrew with the lexical components gold, golden, gilded, silver / золото, золотой, позолоченный, серебряный / גולד, גולדן, כסף. Gold and silver are precious metals in jewelry and have outstanding monetary value as an important part of the global financial system. If in English and Russian, the word silver is only used to describe metal, coins whereas in Hebrew, silver has two key conceptions; both metal and money at all that sometimes leads not only to a wordplay but also to the confusion of concepts. As we know, the lexeme silver is analyzed for the first time in linguistics studies and these two lexemes for the first time become the subject of a cross-linguistic study of these three languages.

Color linguistics is a flourishing field and due to intensive cross-linguistic studies the basic colorful idioms were investigated in English (Chilens, 2007; Allan, 2009; Hamilton, 2016); French, Spanish, Italian (Sokolova, 2016); Japanese (Zavyalova, 2011); Hebrew (Ben Ami, 2015; Kigel, 2021; Kigel, 2021); Slavic languages (Gadani, 2007, Russian, Serbian, Croatian, Slovene; Kalita, 2017 Russian, Belarusian, Ukrainian, Czechs). While English GOIS covered much less in comparison with other color idioms (Batitskaya et al., 2019) the Oriental languages researchers paid more attention to them in Tatar (Kulikova, Mukhamadyarova, 2017); Khanty (Khudobina et al., 2019); Ossetian (Dzakhova et al., 2019) languages, therefore, we could learn about the importance of gold colorative and ask the question about focus color terms in these languages in relation to the theory of Berlin and Kay.

From the gold idioms studies, we learn about mostly positive connotations because color terms such as gold, silver, and platinum are derived from the names for valuable metals (Allan, 2009, 626). In the works of Dzakhova (Dzakhova et al., 2019) and Batitskaya (Batitskaya et al., 2019) analyzed the lexical-semantic groups of GOIS meanings, Khudobina (Khudobina, 466) noted that in the Khanty language, gold in the meaning of “valuable”, “sacred is especially significant dominance and ethno-priority colorative. Silver metaphors currently at all, as we know, were not covered in linguistics studies.

Method

This work is part of the English, Russian, and Hebrew Color Idioms Project (Kigel, 2021; Kigel, 2021) and the key research questions to be addressed are: What is the number of equivalents, unclassified, and unique GOLDIS in every language? What logical-semantic associative chains and microsystems of GOLDIS could be noted? What are the similarities and differences between GOSIS and SIS meanings in three languages? What are the similarities and different features of trilingual GOSIS? Below we describe the works procedure: in the initial stage, creating the lists of GRIS with meanings from electronic dictionaries and tokens on the Internet, comparing the

trilingual GOLDIS between themselves, identifying the equivalents, and unique idioms. Then various GOLDIS have been classified into logical semantic associative chains, microsystems, three key sizeable concept groups, made the quantified analysis, discussion the results, definition of universal and unique GOIS characteristics in three languages, and resuming of work done.

Results. Equivalent Idioms

A. Nature objects (color): black gold / черное золото / שחור זהב (oil); black silver / черное серебро (blackened silver is pure silver, coated on top with black, alloys of sulfur oxides of silver, lead and copper, embossed and looks very refined); the silver light of the moon, appears silver, turned silver /серебряный свет луны, казаться серебряными, стали серебряными/ כסף הירח אור כסוף.

Flora: golden autumn/ золотая осень / זהב של סתיו (sunny, with yellow foliage).

Weather: golden rain / золотой дождь / זהוב גשם (big rain during sunset with the effect of golden drops due to light from the sun in the cloud layer); silver frost/серебряный иней (atmospheric precipitation, ice crystals, shaped like snowflakes as a thin layer on the surface of chilled objects).

Body: a voice of pure gold /золотой голос (beautiful, precious, wonderful); golden curls / золотые кудри/ זהובים תלתלים; silver-haired/ שיער כסוף (English, grey-haired from aging; blue rinse, affluent older women in politics, committees, charity work; Russian – седовласый, hoary; senior citizens).

B. Human activity.

Cooking: silver foil/כסף ניר (thin aluminum sheets to cover food and keep it fresh).

Money, coins: gold certificate- silver certificate / золотой сертификат - серебряный сертификат / (U.S.,paper money that could be exchanged for gold, silver on demand); gold standard – silver standard / золотой стандарт - серебряный стандарт / כסף תקן , זהב תקן (monetary policy, the standard economic unit of account is a fixed weight of gold/silver); sterling silver /стерлинговое серебро/ כסף סטרלינג (an alloy with 92.5% of silver, 7.5% other metals, usually copper); a golden (silver) key can open any door/ отпереть золотым ключом (anything can be accomplished with enough money, bribery); золотой ключ (golden key, name of lottery, pawnshop, professional skills competitions).

Economic: Silver Economy / серебряная экономика (economic activity related to the needs and interests of older citizens - production, distribution, consumption of goods and services to older and aging people by satisfying their consumption, living, health needs; products and services including information technology, telecommunications, financial sector, housing, transport, energy, tourism, culture, infrastructure and local services, and long-term care); silver market (targeting older people; good, solutions in trade between operators, universal design and transgenerational design, adapted goods and services, physical condition and cognitive abilities to improve social integration). **Profitable:** golden triangle / золотой треугольник, полумесяц / הזהב משולש (three geographical units, forming a triangle shape; opium-producing area of SE Asia - Thailand, Laos, and Myanmar); **Debit Card:** Gold Debit Card – Silver Debit Card / Золотая карта- Серебряная карта / הזהב כרטיס, כסף כרטיס (a cardholder payment card enable to pay a merchant for goods and services with different financial benefits).

Manpower: gold collar/ золотые воротнички (the highly skilled accountants, surgeons, engineers, and lawyers, professionals); a golden hello/ золотой привет / מוזהבת יד להיצת / (lump-sum cash payment to executive-level employees as an inducement to join from a rival company);

golden parachute - silver parachute / золотой парашют - серебряный парашют / מצנח-כסף מצנח-זהב (compensation for high - middle managers if they leave a company or their position becomes redundant); gilded handcuffs / позолоченные наручники / מוזהבים אזיקים (large payment to an employee for different purposes); golden share / золотая акция / זהב מניית (special rights in the management of privatized and strategically important companies); golden handshake - silver handshake / золотое рукопожатие - серебряное рукопожатие / מוזהבת יד להצית יד להצפת מוכספת (an executive generous compensation of a company if leaves before the expiration of the employment contract, a merger or acquisition of a company - an early retirement incentive in the form of increased pension benefits for several years or a cash bonus); golden skirt (woman directorship).

Society: gold citizenship, gold passport, Golden Visa / золотой паспорт, золотая виза (the residence-by-investment in a foreign country); Silver Generation (older people population with a growing purchasing power, connect on social media); Silver Society (The young old people, active elderly people); Silver surfer (a proficient older ser of the Internet); Silver Voices /Серебряные волонтеры (active pensioners; Russian-silver volontiers); Серебряная пора (University of the Elderly);.

Multiple of 25 and 50: Golden Age, a golden - silver birthday, gold -silver jubilee / золотой /серебряный юбилей/ כסף-זהב יובל (50 - 25th anniversary, the half-year of life, a time to venture, to explore new things into the coming phase of our life); the album goes gold - silver, a gold-silver record, golden - silver album/золотой - серебряный диск, альбом/ כסף-זהב, דיסק זהב אלבום (the U.S., award on singles, album: 100,000-500,000; music, video 25,000-50,000).

Computers, technics: Golden Ticket Attack - Silver Ticket Attack / атака золотым, серебряным билетом (hacker attacker has complete and unrestricted access to an entire domain — all computers, files, folders, and most importantly, the access control system itself total and complete access to domain vs Silver Ticket Attack a forged authentication ticket allowing to log into some accounts, harder to detect than Golden); Golden Rain, golden shower (pyrotechnic, a firework shower of gold sparks); silver bullet/серебряная пуля / כסף כדור (ironic, universal and effective solution, technological breakthrough, irony, solution to very complex, hard to resolve problem, difficulty).

Sport, competition: gold – silver/золото-серебро/כסף-זהב (first - second place, prize, medal, place, result, achievement reward/ место, приз, медаль), go for gold - silver /претендовать на золото-серебро / מקום מדליה / פרס (pretend to the first – second place); Golden - Silver Boot/ Золотая - серебряная бутса, Золотой - Серебряный ботинок / כסף - זהב / זהב נהל / זהב נהל (an award to the leading football top goalscorer of the FIFA World Cup).

Photography: golden hour / זהב שעת (photography- daytime after sunrise or before sunset).

Cinema: silver screen/серебряный экран/ כסף מסך (projection screen, popular in the early years of the motion picture industry; the screen's highly reflective surface because of silver; movies and Hollywood).

Sex: golden shower/ זהב של גשם (kind of the practice).

C. Mental, Moral, Ethical issues

Richness, wealth: gold rush - silver rush / золотая - серебряная лихорадка / כסף-זהב הבהלה (the discovery of gold-silver bearing sparks a mass migration of seeking wealth; pursuit of sudden wealth); gold - silver digger / золотоискатель/ זהב כורה (prospect or digs for gold, silver; irony, pursuing of relationship for exploiting the rich - highly paid workers and middle-class person's

money and wealth); golden calf / золотой телец / הזהב עגל (cult worship of the golden idol).

Lucky, fortunated: the golden egg / золотое яичко/ זהב ביצה (an unused wonderful chance because of naivety); golden opportunity, golden chance /золотая возможность, золотой шанс / פז הזדמנות (lucky opportunity or fortune,); golden child / золотой ребенок (smart, talented, Russian - well-mannered); golden touch /золотое прикосновение / הזהב של מגע (Greek myth of King Midas, ability to turn anything he touched into solid gold); ability to be successful at anything endeavored) (Russian, a minor change leading to great luck); to hand on a (silver) platter/ של מגש על כסף (getting achieving wealth and aims very easily without hard work, Russian-на блюдецке с голубой каемочкой, on a saucer with blue rim); be born with a silver spoon in (one's) mouth (born wealthy; Russian - родиться в рубашке, born in a shirt, born lucky); golden goose/ курочка, несущая золотые яйца (folklore, goose that laid a golden egg a day until its greedy owner killed it to get all the gold at once); goldmine/ золотая жила, золотое дно / זהב מכרה (inexhaustible source of enrichment, success); золотая молодежь / זהוב נוער (ironic, ignorant young people from established homes).

Precious, excellent, value: pure gold/ чистое золото/ זהב טהור (extreme quality, superb, above praise(gold star (accomplishment, praise, commendation); a heart of gold / золотое сердце / זהב לב (excellent human qualities, good character , very well behaved); золотой человек/ זהב אדם (good community person, dear); as good as gold, equal to gold / worth its weight in gold /на вес золота / זהב שווה (excellent, superior, praiseworthy, very useful); speech is silver, silence is golden / слово — серебро, молчание — золото / זהב שווה שתיקה (silence is preferable to conversations in a delicate situation); golden words/ золотые слова (smart and appropriate saying); gilded cage/ золотая клетка/ זהב כלוב (wealth without freedom, in marriage, work) ; золотые руки / זהב ידי (skilled craftsman); золотой работник (gold worker, extremely useful).

Heydays: golden age / золотой век, золотая пора / תור הזהב (the mythologies, the blissful (“paradise”) state of primitive mankind, living in harmony with nature; flourishing period of the heyday of the arts, sciences, endeavors); golden years, golden time/золотые годы, золотое время / גיל הזהב (English, Hebrew - seniors; Russian – nice, productive).

Harmonious, moderate: golden rule / золотое правило / זהב כלל (universal rules of fair conduct); the golden rule of mechanics/ золотое правило механики/ מכניקה של הזהב הכלל (gain in strength is equal to the loss in distance); golden rule a moral, law ,ethics /золотое правило нравственности, морали/ המוסר של הזהב כלל (treating others as one wants to be treated, positive formula); silver rule a moral law, ethics /серебряное правило нравственности, морали (do not impose on others that which you yourself do not desire; negative formula); golden proportion, golden cut, golden number, section, ratio / золотое сечение, пропорция/ זהב חתך (smaller part refers to the larger one, as the larger one to the whole; a universal manifestation of structural harmony in nature, science, art); the silver ratio / серебряное сечение / הכסף יחס (mathematics, constant of geometric relationship, distinguished aesthetically); golden mean / золотая середина / הזהב שביל (the middle course between extremes, but as Aristotle suggests, the middle ground is usually closer to one extreme than the other).

Eloquent: golden mouthed, silver-tongued /златоустый (lofty or persuasive utterance); silver-tongued devil (an articulate speaker who is insincere and possibly a liar).

Unreachable dream: golden fleece /золотое руно/ הזהב גיזה (a symbol of authority, kingship); a pot/crock of gold (valuable, but elusive treasure); золотая рыбка (Russian, golden fish, a folklore and literary character, speak human language, grant wishes immediately).

Misleading, shiny: fool's gold/ самоварное золото / שוטים זהב (cheap fake that looks like gold,/' worthless); all that glitters is not gold /не всё то золото, что блестит /א לא זהב הנוצץ כל לא (not everything that looks precious is valuable).

Betray: thirty pieces of silver / тридцать сребреников/ (Judas Iscariot was paid for treachery, treason to Jesus Christ).

Analysis of Equivalent Idioms

This part represents contains 258 gold and 94 silver idioms: English 106 - 43 or 100%; Russian 90 - 28 or 85% - 65%; Hebrew 62 - 23 or 58-53%) and this is like the ratio of trilingual black idioms (361 in total; English -140 or 100%, Russian - 127 or 91%, Hebrew - 94 or 67%; Kigel, Black Idioms, in press).

Gold, silver both are precious metals and therefore can also symbolize wealth, prestige, affluence, nobility. They have positive connotations at most but sometimes a connotation is neutral (gold-silver ratio, golden - silver album), ironic (fool's gold; silver bullet) or negative (gold ticket attacks).

In general, we found many trilingual identical idioms (gold rush - silver rush, silver bullet gold age), examples of different meanings in investigated languages (golden time in English, Hebrew – senior lifetime; in Russian - productive time), and lacunar idioms in one or two languages (gold collar in Hebrew; silver economic in Russian and Hebrew).

The meaning of the highest sacredness, divinity exists in Khanty described by Khudobina (Khudobina et al., 2019, 466) didn't found in the three modern languages.

After identifying the associative chains of GOIS and SIs meanings, they combined into three key concepts: 1. The Nature object (and artificial objects) B. Human activity 3. mental, moral and ethical problems, while the second group is the largest. The notation of Niemeyer (Niemeier, 2007, 154) that color metonymies are culturally dependent but at a deeper level of analysis, they seem to rely on universal natural features, and therefore both groups are related (silver screen) is very valuable.

Quantity, there are fewer SIs, and they cover fewer issues. There is a parallel and clear coordination between GOIS and SIs on meaning - first and second place, achievement, award (gold-silver medal, gold-silver moral rule) in comparison to bronze as the third, and there is a resemblance with the relations as black and grey idioms (Kigel, Black, Grey idioms-in print). GOIS and SIs don't form antinomy with other color idioms unlike black - white, red - green; blue - rose idioms.

The modern SIS meaning senior (silver economic, silver manpower) is very productive nowadays. SIS form the second parallel with grey idioms in the meaning seniors and the Sis add to the meaning of senior the connotation of respect to the life experience and wisdom of the elderly population. SIS also form a parallel with gold idioms in mentioned above meaning (gold and silver age - senior), but SIS is more popular. They demonstrate polysemy (gold standard – money police and the best of the best) therefore, some GOIS and Sis appear in different associative chains and microsystems (gold hands - manpower and excellent; silver bullet - devices and drugs).

We found the nuances in the similar idioms meaning (golden ticket in three languages - total domain access; add to this, in Russian - luxurious, carefree life, in Hebrew - bank card).

Many identical idioms have been used many centuries ago (golden age, gold, and silver moral rule) and nowadays new modern economics and technical term turn to trilingual idioms (golden -

silver parachute, handshake; gilded handcuffs; golden share). Following the suggestion of Dobrovolsky and Pirainen (2005: 214) it's important to investigate the five types of metaphors motivations as social interaction; material culture; intertextual phenomena; fictional conceptual areas (e.g., ancient folk theories), and cultural symbols.

Unclassified and Unique Gold and Silver Trilingual Idioms

English: silver fleece (cotton); golden flake, crisp, chips, syrup, meat, bags (food of golden color); Charolais Silver Calf (fauna, hybrid a Charolais sire and a British Breed female); **Money, wealth, economy.** The Golden Thread (the link between goals, vision, values, and organization's processes, systems, and people); gold standard, solid gold (a measure of the best of the best, quality, excellent, superior, high-quality, outstanding); silver family (silverware, an heirloom of a family); gold price (good price); Golden Opportunities with the Silver Economy; **Aging.** silver workers (aging workforce, citizen aged 65 and above); The Silver Society (aging with a positive attitude to life); The Silver Hour (30 minutes before and after death); **Lucky.** golden child (a favored person); golden boy (adored, promising); golden girl (popular, successful); being golden (to be in a happy, fortunate position); strike gold (to have a great success). **Flourishing.** The Golden Age of Hollywood (1915 -1963, enormous revenue, glittering and glamorous movie stars); **Perfect, valuable.** gold master, golden master (a final version of the software for manufacturing); gold song, gold song lyrics (sonata with 14 rhyming lines); golden time (positive behavior management strategy in primary schools); gold star (signify praise, accomplishment, commendation); gold oldies (hit records, songs, movies from 30 or more years in the past); The Gold Standard of Substance Abuse Treatment (medicine); Silver Young Ambassadors (schools, support the development of school sport, trained by Gold and Platinum Young Ambassadors, work with Bronze Ambassadors); silver tongue (eloquent, artful, seductive, and/or persuasive); every cloud has a silver lining (the sun is behind a cloud, a good situation followed after bad or negative); **Award.** "In silver!" (a goal, touchdown, triple in darts); Silver Star Medal (U.S. Armed Forces, for gallantry in action against an enemy);

Alerts, codes. Hospital Code Gold (Bomb Threat); gold alert (hospital's public address system, an incoming patient(s) with multisystem unstable trauma); Silver Alert (U.S. public notification system to broadcast information about missing persons – especially senior citizens with Alzheimer's disease, dementia, or other mental disabilities – in order to aid in locating them); blood gold (brutal mining practices and illicit profits);

Negative. goldbricking (maintaining the appearance of working, less work than is able to); SilverBack (slang, a very large "ape-like" male); sell the family silver (the part with a valuable resource in order to gain an immediate advantage); silver bullet (kind of drug).

Russian: белое золото (white gold, cotton); золотая рыбка (smoked fish); серебряная вода (silver water, colloidal silver with the addition of the smallest particles of silver); Золотая звездочка (Balm "Golden Star" at flu; colds; headache; rhinitis; insect bites).

Money, wealth: золотой мешок(богач); золотой теленок (ironic, search for a quick get-rich); золотой миллиард (golden billion, highly developed industrial countries, members of the Organization for Economic Cooperation and Development); бессребреник (unmercenary). **Lucky.** вытасить золотой билет (luxurious, carefree life). **Perfect, valuable.** золотое время терять, упускать (to waste gold time, not use the valuable work, learning time); золотое детство (golden childhood, happy, carefree); золотой фонд (gold fund, inalienable property, cultural works that

have left a long-lasting mark, Hebrew - ברזל צאן נכס, inalienable property); золотце (gold heart, appeal to a dear and beloved person); мал золотник, да дорог (small spool, but expensive, value is not measured by size); золотые пески (golden sands, seaside resorts); Золотое кольцо (Golden Ring, tourist route through the ancient cities of North-Eastern Russia with unique monuments of the history and culture, folk crafts); золотые мозги (golden brains, science workers); золотой стежок (полное руководство по кройке и шитью).

Flourishing: Золотой век русской литературы (the Golden age of Russian literature, the beginning of the 19th century, including Pushkin, Turgenev, Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov and other classics); Серебряный век (Silver Age, the beginning of the 20th century, many enlightened flourishing art lovers; Europe - Belle Epoque, beautiful era). **Award:** золотая медаль (gold medal of high school graduation, 2022, 70 points and above in Russian and mathematics, silver medal was canceled in 1968); Золотая звезда ("Golden Star" Medal, Russian award for services to the state and people associated with the accomplishment of a heroic deed); **Misleading.** сулить, обещать золотые горы (to promise gold mountains, impossible).

Hebrew: זהב של ירושלים (Gold Jerusalem); תפוח, תפוח, זהב (orange); לישראל הקיימת הקרן של הזהב פרס (donor names); ב"זה משמרות, ב"זה זהירות משמרות, ב"זה משמרות (schoolchildren, volunteers helping to cross the road after school); ב"זה מערכת, ב"זה מספר, ב"זה העברת (immediate bank money transfer; English acronyms for RTGS - Real Time Gross Settlement; Hebrew acronyms – ב"זה, gold); "ביתנת מדינה אין" ("no state can be given to the people on a tray of money", Weizmann's words, great effort is needed to build the Israel state); גולדסטאר-גשם (transliteration, beer); גשם (book by Dr. Moti Sharir, deadly biological bomb).

Analysis of Unclassified Gold and Silver Trilingual Idioms

This part includes 66 unclassified and unique trilingual gold and 17 silver idioms: English – 32-17 or 100%, Russian – 25-4 or 78%-33%, Hebrew – 9-1 or 28%-1%), with great advantage of English and Russian idioms that, commonly, expand on the key themes of the classified idioms as wealth, wealth, preciousness, value, and luck (golden old men; golden key). In addition, they have the meaning of a warning, a code, and are adjectives in metaphors referring to the elderly population. Gray idioms are also associated with older people (grey pound, gray strength), but SIS has an added connotation of respect for the experience and wisdom of older people.

Due to the ambiguity, the GU can belong to several microsystems at once, so the golden ratio can be associated with both the value of harmonious and the value of beautiful. The greatest similarity is observed between English and Russian GU (13 lacunae GIs in Hebrew), then Russian and Hebrew (four lacunae GUs in English), and then English and Hebrew GUs (two lacunae GUs in Russian). GIs have different connotations: rarely, neutral (golden ticket), mostly positive (golden child), sometimes, ironic, slightly sarcastic and judgmental (gold rush, fool's gold, silver bullet) and even negative (blood gold) compared to golden idioms, they have more negative connotations (thirty pieces of silver, silver-tongued devil).

Discussion and Conclusions

The study focused on learning about 320 golden and silver idioms (English about 140-55 or 100%, Russian 120-32 or 86%-58%, and 71-24 or 50%-44% Hebrew).

In the article, for the first time, trilingual silver idioms are studied, and a comparison of English, Russian, and Hebrew golden and silver idioms is made, which has not been the subject of research until now. In quantitative terms, there is an advantage of all these idioms in English and Russian, an

advantage of **gold metaphors above silver idioms**. The ratio of these metaphors in the three languages is similar to the ratio of black and gray idioms (Kigel, Black - Idioms: Gray Idioms - in print). Noteworthy is the prevalence of unique silver idioms in English that are lacunary in Hebrew. About two-thirds of the total number of trilingual GSIS is equivalent, which indicates the similarity of mentality, a third, or a significant part of unclassified and unique idioms, is associated with the national and cultural characteristics of the speakers of three languages.

Unlike black and white, red and green idioms, gold and silver metaphors do not come into opposition to other colors, but GI and SIS many times act as a parallel in the designation of material and spiritual wealth, the highest achievements and SIS refer to less wealth and the second most important achievement. Silver metaphors also form a parallel with gray metaphors only in the meaning of senior (grey economy, silver economy). Like English gray idioms, the meaning is ambiguous, since the silver metaphors of the 20-21st century entered Russian and Hebrew, are used and productive in many areas of science and society, for example, economics, labor, technology, (golden parachute, silver economy). Thus, the gold and silver trilingual metaphors that have existed for several centuries (gold standard - silver standard) have been developed in modern languages, with silver metaphors in the meaning of senior being the most active now.

To assist translators and L2 students in understanding and remembering the different meanings of metaphors, further study of the GSI, association chains are organized into following microsystems: A. Nature. Flora. Fauna. Weather. Body. B. Human activity. Cooking. Anxiety. The medicine. Drugs. Money, coins. Economical - Profitable - Debit Card - Labor-Professionals. Society. A multiple of 25-50. Computers, technology. Sports, competitions. Art. Photography - Cinema. C. Mental, moral, ethical problems. Wealth, wealth - happy, rich - precious, excellent, value. Harmonious, moderate. An unattainable dream. Eloquent. Deceptive, shiny. Betrayal.

Polysemy (silver bullet - a magical technical solution; drug) characterizes GOIS and SIS to a lesser extent than basic color metaphors (red and green, black, white, and gray), but that is why several GIs can be associated with several microsystems at the same time (golden rule associated with harmony, and can also be associated with excellent).

To build a more complete picture in the work, it is necessary to overcome the following limitations: consideration of etymology and diachrony, analysis of trilingual proverbs and sayings with golden and silver metaphors.

Future research will focus on trilingual peripheral colors (yellow, grey, brown, magenta, pink, etc.), metaphors of individual writers and journalists, slang that can lead to new and perhaps unexpected conclusions, and a comparative generalization of all trilingual colorful metaphors. describe the use of associative chains of trilingual GIs in translation, L2 learning, and analyze different types of motivation for trilingual idioms.]

Литература

1. Гаданьи К. Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках (на материале русского, сербского, словенского, хорватского языков). 2007. Мельбурн: Академия Пресс. С. 136-137.
2. Деньги. Викисловарь [Электронный ресурс] URL: <https://he.wiktionary.org/wiki/%D7%9B%D7%A1%D7%A3> (дата обращения: 24.02.2022).
3. Деньги. Милог [Электронный ресурс] URL: <https://milog.co.il/%D7%9B%D7%A1%D7%A3> (дата обращения: 24.02.2022).

4. Дзахова В.Т., Дзодзикова З.Б., Кудзоева А.Ф. Пословицы с компонентом сыгъз?рин/Gold/золото в осетинском, немецком и русском языках: универсальные и специфические черты [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики 2020. Том 13. № 7. С. 287-290. DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.57
5. Завьялова Н.А. Фразеологизмы с компонентом колорита как компонент дискурса повседневности в Японии, Великобритании и России. 2011. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 320 с.
6. Золото серебро. Викисловарь [Электронный ресурс] URL: <https://he.wiktionary.org/wiki/%D7%96%D7%94%D7%91> (дата обращения: 24.02.2022).
7. Золото. Милог [Электронный ресурс] URL: https://milog.co.il/%D7%96%D7%94%D7%91/e_2325 (дата обращения: 24.02.2022).
8. Калина И. Очерки по компаративной фразеологии. Цветная палитра в национальных картинах мира русских, белорусов, украинцев и чехов. 2017. Ústí nad Labem: PF UJEP. 256 с.
Кигель Т. Контрастивный анализ красных идиом на английском, русском языках и на иврите [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 103–112. DOI:10.17759/langt.2021080210
9. КАРТАСЛОВ.РУ — Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5/%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE> (дата обращения: 24.02.2022).
10. Кигель Т. Сравнительный анализ идиом английского, русского и иврита // Материалы Международной научно-практической конференции «Русское слово в международном образовательном пространстве, история и современность» (г. Пятигорск, 24-25 ноября 2021 г.). Пятигорск: ПГУ, 2021. С. 76-82.
11. Кулькова М., Мухамадьярова А. Сопоставительное изучение паремиологических и фразеологических единиц, содержащих колоронимы golden / золотой / алтын (на примере немецкого, русского и татарского языков) [Электронный ресурс] // Филология и культура. 2017. № 4 (50). С. 27-32. URL: http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/05_23.pdf (дата обращения: 24.02.2022).
12. Соколова К.А. Структурно-семантические особенности фразеологизмов с цветовым компонентом в западно-романских языках (на материале испанского, французского и итальянского языков): дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 184 с.
13. Фразеологический словарь русского литературного языка золотой/серебряный [Электронный ресурс] URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/search?s=%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B9> (дата обращения: 24.02.2022).
14. Худобина О.Ф., Андреева Л.А., Молданова Т.А., Мирюгина Н.А. Цветообозначения в хантыйском фольклоре [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 464-467. URL: http://amnko.ru/index.php/download_file/view/805/82/ (дата обращения: 24.02.2022).
15. Allan K. The connotations of English colour terms: colour-based X-phemisms // Journal of Pragmatics. 2009. Vol. 41. № 3. P. 626-637. DOI:10.1016/j.pragma.2008.06.004
16. Allerton D., Nesselhauf N., Skandera P. Phraseological Units: Basic Concepts and Their Application. 2004. Basel: Schwabe, 188 p.

17. Almaany English-Hebrew Dictionary Collins English Dictionary – Complete and Unabridged, 12th Edition [Электронный ресурс] URL: <https://www.almaany.com/he/dict/en-he/%D7%96%D7%94%D7%91/> (дата обращения: 24.02.2022).
18. *Batitskaya V., Gurin V., Oblitsova E.* Phraseological units with the lexical component 'gold / golden' in English linguoculture // SHS Web of Conferences. 2019. Vol. 13. № 7. P. 287-290. DOI: 10.1051/shsconf/20196900048
19. *Ben Ami D.* Metaphors in the Torah: Gold, Silver and Copper [Электронный ресурс] Jerusalem Post, 2015. URL: <https://www.jpost.com/blogs/torah-commentaries/metaphors-in-the-torah-gold-silver-and-copper-391099> (дата обращения: 24.02.2022).
20. *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: Their universality and evolution. 1969. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press, 178 p.
21. *Chielens L.* Basic Color Terms in English. Researching their use and meaning in English expressions: Dr. Lic. (Linguistics and Literature: Germanic Languages) diss. Ghent, 2006. 192 p.
22. *Dobrovolsky D., Pirainen E.* Figurative Language: Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives // Journal of Pragmatics. 2005. № 41. P. 1675-1678. DOI:10.1016/j.pragma.2009.02.012
23. Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс] URL: <https://www.thefreedictionary.com/gold/silver> (дата обращения: 24.02.2022).
24. *Hamilton R.* Colour in English: from metonymy to metaphor: Dr. Sci. (Philology) diss. Glasgow, 2016. 299 p.
25. *Kay P., Berlin B., Merrifield W.* Biocultural Implications of Systems of Color Naming // Journal of Linguistic Anthropology. 1991. Vol. 1. № 1. P. 12 – 25. DOI:10.1525/jlin.1991.1.1.12
26. *Niemeier S.* From bluestockings to blue movies: Color metonymies in English. Speaking of Colors and Odors // Converging Evidence in Language and Communication Research. 2007. P. 141–154. DOI: 10.1075/celcr.8.08nie
27. The Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/gold/> (дата обращения: 24.02.2022).
28. Wiktionary, the free dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/gold> (дата обращения: 24.02.2022).

References

1. Gadan'i K. Sravnitel'noe opisanie prilagatel'nykh tsveta v slavyanskikh yazykakh (na materiale russkogo, serbskogo, slovenskogo, khovratskogo yazykov). 2007. Mel'burn: Akademiya Press, pp. 136-137.
2. Den'gi. Vikislovar' [Elektronnyi resurs] Available at: <https://he.wiktionary.org/wiki/%D7%9B%D7%A1%D7%A3> (Accessed 24.02.2022).
3. Den'gi. Milog [Elektronnyi resurs] Available at: <https://milog.co.il/%D7%9B%D7%A1%D7%A3> (Accessed 24.02.2022).
4. *Dzakhova V.T., Dzodzikova Z.B., Kudzoeva A.F.* Poslovitsy s komponentom syg"z?rin/Gold/zoloto v osetinskom, nemetskom i russkom yazykakh: universal'nye i spetsificheskie cherty [Proverbs with the component sygz?rin/Gold/gold in the Ossetian, German and Russian languages: universal and specific features]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki=Philological sciences. Issues of theory and practice*, 2020. Vol 13, no. 7, pp. 287-290. DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.57
5. *Zav'yalova N.A.* Frazеologizmy s komponentom kolorita kak komponent diskursa

povsednevnosti v Yaponii, Velikobritanii i Rossii. 2011. Ekaterinburg: Publ. Ural. un-ta, 320 p.

6. Zoloto srebro. Vikislovar' [Elektronnyi resurs] Available at: <https://he.wiktionary.org/wiki/%D7%96%D7%94%D7%91> (Accessed 24.02.2022).

7. Zoloto. Milog [Elektronnyi resurs] Available at: https://milog.co.il/%D7%96%D7%94%D7%91/e_2325 (Accessed 24.02.2022).

8. Kalita I. Ocherki po komparativnoi frazeologii. Tsvetnaya palitra v natsional'nykh kartinakh mira russkikh, belarusov, ukrainsev i chekhov. 2017. Ústí nad Labem: PF UJEP. 256 p.

9. Kigel' T. Kontrastivnyi analiz krasnykh idiom na angliiskom, russkom yazykakh i na ivrite [Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Red Idioms]. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 103–112. DOI:10.17759/langt.2021080210

10. KARTASLOV.RU — Karta slov i vyrazhenii russkogo yazyka [Elektronnyi resurs] Available at: <https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5/%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE> (Accessed 24.02.2022).

11. Kigel' T. Sravnitel'nyi analiz idiom angliiskogo, russkogo i ivrita. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “*Russkoe slovo v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve, istoriya i sovremennost*” (g. Pyatigorsk, 24-25 noyabrya 2021 g.). Pyatigorsk: PGU, 2021, pp. 76-82.

12. Kul'kova M., Mukhamad'yarova A. Sopostavitel'noe izuchenie paremiologicheskikh i frazeologicheskikh edinit, sodержashchikh koloronimy golden / zolotoi / altyn (na primere nemetskogo, russkogo i tatarskogo yazykov) [Comparative Research on Paremiological and Phraseological Units wuth the Colornim golden / zolotoy / altyn (in German, Tatar, and Russian)]. *Filologiya i kul'tura=Philology and Culture*, 2017, no. 4 (50), pp. 27-32. Available at: http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/05_23.pdf (Accessed 24.02.2022).

13. Sokolova K.A. Strukturno-semanticheskie osobennosti frazeologizmov s tsvetovym komponentom v zapadno-romanskikh yazykakh (na materiale ispanskogo, frantsuzskogo i ital'yanskogo yazykov). Diss. kand. filol. nauk. Saint-Peterburg, 2016. 184 p.

14. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka zolotoi/serebryani [Elektronnyi resurs] Available at: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/search?s=%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B9> (Accessed 24.02.2022).

15. Khudobina O.F., Andreeva L.A., Moldanova T.A., Miryugina N.A. Tsvetooboznacheniya v khantyiskom fol'klore [Color Terms in the Khanty Folclore]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya=World of Science, Culture, Education*, 2019, no. 4 (77), pp. 464-467. Available at: http://amnko.ru/index.php/download_file/view/805/82/ (Accessed 24.02.2022).

16. Allan K. The connotations of English colour terms: colour-based X-phemisms. *Journal of Pragmatics*, 2009. Vol. 41, no. 3, pp. 626-637. DOI:10.1016/j.pragma.2008.06.004

17. Allerton D., Nesselhauf N., Skandera P. Phraseological Units: Basic Concepts and Their Application. 2004. Basel: Schwabe, 188 p.

18. Almaany English-Hebrew Dictionary Collins English Dictionary – Complete and Unabridged, 12th Edition [Elektronnyi resurs] Available at: <https://www.almaany.com/he/dict/en-he/%D7%96%D7%94%D7%91/> (Accessed 24.02.2022).

19. Batitskaya V., Gurin V., Obletsova E. Phraseological units with the lexical component ‘gold / golden’ in English linguoculture. *SHS Web of Conferences*, 2019. Vol. 13, no. 7, pp. 287-290. DOI:

10.1051/shsconf/20196900048

20. Ben Ami D. Metaphors in the Torah: Gold, Silver and Copper [Elektronnyi resurs] Jerusalem Post, 2015. Available at: <https://www.jpost.com/blogs/torah-commentaries/metaphors-in-the-torah-gold-silver-and-copper-391099> (Accessed 24.02.2022).

21. Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. 1969. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press, 178 p.

22. Chielens L. Basic Color Terms in English. Researching their use and meaning in English expressions. Dr. Lic. (Linguistics and Literature: Germanic Languages) diss. Ghent, 2006. 192 p.

23. Dobrovolsky D., Pirainen E. Figurative Language: Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives. *Journal of Pragmatics*, 2005, no. 41, pp. 1675-1678. DOI:10.1016/j.pragma.2009.02.012

24. Free Dictionary by Farlex [Elektronnyi resurs] Available at: <https://www.thefreedictionary.com/gold/silver> (Accessed 24.02.2022).

25. Hamilton R. Colour in English: from metonymy to metaphor. Dr. Sci. (Philology) diss. Glasgow, 2016. 299 p.

26. Kay P., Berlin B., Merrifield W. Biocultural Implications of Systems of Color Naming. *Journal of Linguistic Anthropology*, 1991. Vol. 1, no. 1, pp. 12 – 25. DOI:10.1525/jlin.1991.1.1.12

27. Niemeier S. From bluestockings to blue movies: Color metonymies in English. Speaking of Colors and Odors. *Converging Evidence in Language and Communication Research*, 2007, pp. 141–154. DOI: 10.1075/celcr.8.08nie

28. The Cambridge English Dictionary [Elektronnyi resurs] Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/gold/> (Accessed 24.02.2022).

29. Wiktionary, the free dictionary [Elektronnyi resurs] Available at: <https://en.wiktionary.org/wiki/gold> (Accessed 24.02.2022).

Информация об авторах

Кигель Тали, преподаватель центра «Бехазлаха», г. Петах-Тиква, Израиль, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>, e-mail: kigelt@gmail.com

Information about the authors

Kigel Tali, teacher in Behazlaha-center, Petah-Tikva, Israel, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>, e-mail: kigelt@gmail.com

Получена 07.03.2022

Принята в печать 15.03.2022

Received 07.03.2022

Accepted 15.03.2022

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE
HISTORICAL LANGUAGE

Сияющая «луна», сверкающий «гром»

Тардиво Дж.

Падуанский университет, г. Падуя, Итальянская Республика

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@gmail.com

Знание о прошлом всегда частично и поверхностно. Глоттологическое исследование, которое представлено в этой статье, является попыткой стряхнуть пыль с забытого прошлого и того, как развивались языки на протяжении истории. Любая цивилизация боготворит планеты, особенно Луну. В этой связи, название спутника Земли на греческом языке содержит -- на конце -- слово-субстрат. В дальнейшем «огненная» концепция дагестанских языков засверкала в Эгейском море. Статья включает в себя все аспекты от «огня» как корня слова до пространственно-хронологического применения слова в кросслингвокультурном ракурсе. Более того, было рассмотрено ритуальное видение огня.

Ключевые слова: Греция, Канзас, религия, сравнительная лингвистика.

Для цитаты: Тардиво Дж. Сияющая «луна», сверкающий «гром» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 18–34. DOI:10.17759/langt.20220900102

Shining «Moon», Sparkling «Thunder»

Tardivo Giampaolo

Padua State University, Padua, Italy,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@gmail.com

Knowledge of the past is always partial and shallow. The glottological research exposed in this article is an attempt to dust off the forgotten past and how languages evolved throughout the time. Any civilization idolizes the planets, especially the moon. On this occasion, Earth's satellite name in the Greek language bears – at the end – a substrata word. Further, the «fire» concept of the Daghestani languages sparkled in the Aegean Sea. The article includes all the aspects, from the «fire» as a word root to the spatial-chronological application in a cross linguistic-cultural perspective, nevertheless, the ritual vision of the fire is also included.

Keywords: Greece, Kansas, religion, comparative linguistics.

For citation: Tardivo G. Shining «Moon», Sparkling «Thunder». *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 18–34. DOI:10.17759/langt.2022090102 (In Russ.).

The synchronic aspect

One of the most intriguing words of the Greek language is *σελήνη* (Doric *σελάνα*, *Æolic σελάννα*) «moon», undoubtedly, a back formation.

It is well known that the *σ-* (in front of a vowel) > *Ø-* in Greek. The preservation of a *σ-* must be seen as irregular. According to Chantraine: «Dérivé de *σέλας* avec un suffix **-nā* comme Latin *lūna* est tiré de *lux*, le terme; étant un substitut de *μήνη* [f.] issu du nom ancien du «mois», cf. s.u. On admet que cette substitution est le fait d'un tabou linguistique qui a dû continuer à agir en grec moderne avec la création de *φεγγάριον*. La lune, astre nocturne, est liée à un monde dangereux et maléfique, cf. d'ailleurs *σεληνιαζω*; on observe aussi que le nom de la lune que s'oppose au soleil a tendu à devenir féminin dans diverses langues i.-e.: c'est une puissance femelle; voir Havers, *Sprachtabu* 79-85».

The same explanation is found in Beekes: «This etymon derives from **σελασ-νā*, a derivative in *-νā* from < *σέλας* 'light, glow, beam'. The formation may be compared with the Proto-Indo-European word for 'moon', **1(o)uksneh²-*, as attested in e.g. Latin *lūna* 'moon'».

It is now assured that *σελήνη* < *σέλας*; and this aspect – from a synchronic perspective – is unproblematic.

The core subject for *σέλας*, once compared to other Indo-European languages, does not only violate the «regular sound change, exceptionless», but also makes it difficult to find a satisfactory explanation. A new chapter is fully open, and in all respect, *σέλας* is clearly a non-Indo-European word. The desperate attempt to find an alternative explanation is rejected by Chantraine and Beekes. Besides, Chantraine's comment is remarkable: «Le mot *σέλας* entre dans une catégorie de formations archaïques en *-ας* qui comportent parfois une coloration religieuse, cf. le terme de sens opposé *κνέφας*, etc.». The rest of the Chantraine's comment continues in Beekes: «Etymology unclear. Frisk s.v. states that a connection with Avestan *xvarənah-* 'glory of fame' is semantically attractive, but the interpretation of the latter word is debated (see Lubotsky 1998b for discussion). Moreover, the initial *σ-* of *σέλας* is incompatible with Avestan *xv-*. A different but unlikely proposal can be found in Pisani *Rendimenti Accademia dei Lincei* 6:7 (1931): 75.

The chapter on *σέλας*, *-αος* [n.] 'light, glow, beam' is still unclear; its phonological structure do not allow to go one step ahead; and the idea of a preserved substrata word seems more convincing; that's include the details of:

1. A taboo word;
2. A lexical item of the religious sphere.

This particular aspect, such as the sacredness of the moon, like in so many cultures throughout the time and worldwide, does not sprung from a casual idea. Historically, only a restrict number of languages are used for religious purpose, and just to mention a few cases in the Bronze age period: the Sumerian religious lexicon was used in the Assyro-Babylonian time, and the same it went for the Hattic in the Hittite context.

The diachronic aspect

After the introduction and the synchronic analyses, a Semitic source could offer the solution. Mirroring the Akkadian *šalummatu(m)* 'radiance' (of deities, king, temple) < *šalumu* 'radiant' does not produce a better result; there are some phonological and semantic issues such as the presence of the ending in *-ummu*, *-umma-* and the doubtful correspondence with the Greek word.

The alternative of this proposal come from the indigenous languages of the Caspian Sea, the so-

called Centre-Oriental Caucasian family.

In the ancient Chechen-Ingush pantheon, an interesting theonym bears the same phonological structure. The description of Lecha Ilyasov is the first segment of a more extensive digression: “The names of practically all Vainakh pagan gods and dæmons have parallel in ancient West Asian and Mediterranean cults, and Vainakh mythology echoes Greek and other myths — suffice it to mention the myth of Prometheus and the Chechen myth of Pkharmat, the Nart giant chained to the top of the Kazbek Mountain and sentenced to eternal torment for stealing heavenly fire from Sela the thunder god to bring it to humans”¹.

Despite the similarity between σέλας and the thunder-god Sela, the Chechen theonym is a compound word. As Marielle Tsaroïeva explains in the synchronic analysis: “Son nom se compose de deux parties: tt s’i ou tt s’u «feu» et eli ou «dieu», c’est-à-dire «Dieu du Feu»”². From the indications of tt s’i or tt s’u «fire» and eli «god», hence «fire god», the Aegean counterpart is still waiting for a more reliable response as Sela is a derivative form.

Looking at the Darghin languages is very promising; as the scheme shows:

Table 1.

Darghin languages word variants

Akusha, Urakhi, Khajdaghi	<i>fala</i>	свет, заря / light, dawn
Meghebi, Itsari, Kubachi	<i>f:ala</i>	
Chiraghi	<i>f:ála</i>	

Yet, according to Khaidakov, the Darghin form is related to the Chechen sa:, serlö (3rd class), Ingush serdal ‘свет / light’. Even the Khinalug tt ʃf:æ (4th class) ‘ib.’ appears to be doubtful. The main problem is the -la aspect, which is absent in the Central (Chechen-Ingush) and Khinalug forms.

Allegedly, σέλας (< σέλ-ας, as there are other words with the ending in -ας) is close enough to the Darghin fala, and to a lesser extent at the Chechen sa: and the Khinalug tt ʃf:æ, meaning is unchanged. From Nikolaev and Starostin’s point of view, the Darghin list, besides the Central group (Chechen- Ingush), include the Tsezi reʃa ‘sun ray’, the Adyghe q:ja-psə-n and Kabardian te-psə-n ‘to shine’, but the Tsezi and Western Caucasian appears to be doubtful.

The Chechen case is not alone; in the Daghestani original folk traditions “The pre-Islamic Andis had a cultic center on the peak of the mountain of Bakhargan, which was associated with their chief deity, Ts’ob. The Bakhargan cult declined after the propagation of Islam but did not disappear entirely. Even now, in times of summer drought, men and women ascend the mountain to perform rain-making rites”.

A great contribution comes from M. R. Seferbekov and his painstaking work on the Daghestani (pre-Islamic) pantheon, good details emerging from the Tsezic cult of the «fire god». In his article there are several interesting points, and the parallel between the Ægean and the Daghestani is quite fruitful, as the Tsezic word tt sálu (2nd class) ‘кремень / flint, lit.: «белый камень / white stones» is involved, that’s including “В соответствии с Дидойской традицией отдельные камни отождествлялись с Цобом. Например, в окрестностях села Асах имелся почитаемый

¹ Ilyasov, p. 52; op. cit.; see Bibliography

² Tsaroïeva, p. 190; op. cit.; see Bibliography

местными жителями «белый камень» – идол бога цЮб. Информацию о нем приводит Д. М. Магомедов. [According to the Tsezi traditions, individual stones were identified with tt s'ob. For example, close to the village of Asah, there was a «white stone» revered by the locals – a fetish of the god tt s'ob³ (Information is given by D. M. Magomedov)⁴. The association of a special stones («белый камень / white stone») with a theonym leads to a synchronical survey of the Tsezic language; starting from the identification of the lexeme with the words for «stone», and only tt sero (3rd class) 'камешек / small stone, pebble' if it is taken in consideration that it might share the same origin of tt sálu; therefore, (ʕ)alúk'a means «white». In order to validate the meaning of tt sálu as «white stone», the word formation should be analyzed as tt sero + (ʕ)alúk'a > *tt se(ro)+(ʕ)alúk'a > *tt se(ro) + (ʕ)alú(k'a) > *tt se(ro) + (ʕ)alú > *tt s- + ʕalú- > *tt s'álu > tt sálu, hence, the phonological spectrum appears to be very odd, as it does not explain several factors, such as the double contraction (*-ero – and – *-k'a), accent metathesis and the de-pharyngalized affricate sound.

An alternative explanation could be a back formation of tt sálu < *tt s'á-l(u) (with the deglottalization of the affricate), a derivative form of *tt sá- directly connected at the word for «fire», very common in all Nakh-Daghestanian languages; as shown in the following scheme:

Table 2.

Form of the word in Nakh-Daghestanian languages.

Chechen and Bats	<i>tʃ s'e</i>		огонь, костёр / fire, bonfire
Ingush	<i>tʃ s'i</i>		
Avar	<i>tʃ f'a ~ tʃ s'a</i>	3 rd class	
Andi	<i>tʃ s'a</i>	4 th class	
Akhwakh	<i>tʃ f'a, tʃ f'ári</i>	2 nd class	
Botlikh, Karata and Bagulal	<i>tʃ s'aj</i>	3 rd class	
Godoberi	<i>tʃ s'aji</i>	3 rd class	
Tindi	<i>tʃ s'a:(j)</i>	3 rd class	
Chamalal	<i>tʃ s'a:</i>	4 th class	
Tsezi	<i>tʃ s'i</i>	4 th class	
Bezhta and Khwarshi	<i>tʃ s'o</i>	4 th class	
Hunzib	<i>tʃ s'ə</i>	4 th class	
Hinukh	<i>tʃ f'e</i>	4 th class	
Lak	<i>tʃ s'u</i>	4 th class	

³Luguev-Magomedov, p. 179; op. cit.; see Bibliography.

⁴Mudrak, vol. I – p. 588; op. cit.; see Bibliography

Darghin (Chirag)	<i>tʰ s'a</i>	3 rd class	
Lezghian	<i>tʰ s'aj</i>	-	
<ul style="list-style-type: none"> – Among the Chechen-Ingush, except for Kistian tt s'ɪ, the tt s'e form in all dialects. – In the Avar (Batlukh) tt ʃ'a 'ib.' – Chamalal (Gigatl) tt s'aj. – In Tsezic also tt s'i 'spark', as for tt s'átt s'a 'spark' < *tt s'á-tt s'a < tt s'á 'star', doubtful. 			

The variations within the Nakh-Daghestanian languages are very slight, that it means it is an archaic and well preserved word; then, a reconstruction in *tt s'V is more likely, as the vowel ending for the protoform is unpredictable.

The reconstruction in *tt s'V is proposed here, it probably is not very accurate, as Starostin's reconstruction is *tt s'ajii, and by J. Nichols as *tt s'ar(i), *tt s'ad(i) («fire»). The presence of *-jii-, *-r(i), *-d(i) on those forms might be more precise.

The fire itself was also a part of the Daghestani pre-Islamic cult, its significance goes beyond the utility (heat and light).

Among the Tsezic people, fire also has the social connotation of “В обрядах Цези сохранились следы почитания огня. Сохранившееся выражение «sys tʰs'inis ee li» переводится как «мы люди одного огня» и говорит о том, что огонь был святыней родового коллектива“. [In the Tsezi rituals, there are some remnants of the fire veneration. The expression «sys tʰs'inis ee li», that's mean «we are people of the same fire», it has survived]”⁵.

In any form, the identification of the Tsezic tt sálu 'flint' is still ambiguous. Other languages have similar forms, like Avar with tt s'aʃel, and the Darghin (Chirag) ʃaʔhùl 'flint', they go along with the Akhwakh tt s'aba 'stone monolith, big stone'. In all three cases, the word for a particular «stone» begins with *tt s'a- / *ʃa-. Furthermore, the Tsezic tt sálu is probably the same as the Andi tt s'akt li boso 'цвет огня / fire's colour' (lit.: «fire.OBL.» and «colour»), once again, the theonym (tt s'ob) is a part of the compound tt s'obortt s'iw (4th class) 'блестящий черноватый камень / shiny blackish stone'. In this way there are good semantic reasons to pursue the concept of «fire» as a part of the root, which is well expressed in many Daghestani languages, like Aghul tt s'amhá «flint» (< tt s'a «fire»). At this point, it is not possible to determine the real meaning of the Tsezic tt sálu, and from there, it cannot be associated with σέλας.

The Darghin form seems to be not affected from the Ossetian language, as “с незафиксированной нигде Иранской корневой этимологией от «тереть»”⁶ [with unrecorded Iranian etymology]. However, the Ossetian word sela -- 'round flat stone' (used in children's play), as well as the Armenian սալ (/ sal) 'slab, paving or flat stone', and all the other Indo-European languages, despite the extensive explanation by Abaev⁷, do not corroborate the Tsezic form.

The «white stones» were a part of the cult, and the description reveals some interesting facts, like “Наряду с горой Хилотл-Остло у Дидойцев обществ Асах и Шуратль особой популярностью пользовалась вершина горы Кидилишан («Гора фигурок»). «Здесь Дидойцы проводили

⁵ Abaev, vol. III – pp. 98-99; op. cit.; see Bibliography

⁶ Seferbekov, p. 71; op. cit.; see Bibliography.

⁷ Seferbekov, p. 71; op. cit.; see Bibliography.

моления о дожде и приносили в жертву животных. На этой горе в разное время люди находили антропоморфные (главным образом) и зооморфные статуэтки, характерные для культур и других народов Кавказа»⁸[Along with the mount Khilotl-Ostlo, the top of Mount Kidilishan («the figurines' Mount») was very popular among the Tsezi villages of Asah and Shuratl. Here the Tsezi prayed for the rain and they sacrificed animals. On this mountain, anthropomorphic (mainly) and zoomorphic figurines were set in. Such ritual was very widespread among the people of the Caucasus.]

The cult of the «thunder» was not limited to the Daghestani side, it was very popular all over the region. The Western Caucasian people also celebrate the natural phenomenon, whom theonyms were Afy [afɨ] for the Akhaz, and Shyble [ɛəbla] for the Adyghe; both of them are well recorded names by several authors.

The digression continues with the use of the mountain peaks and its ritual in order to evoke the rain; then, a scrutiny at the figurines dedicated to a deity. From this detail, the oronym itself was strictly connected to the religious aspect, such as “Как сообщает И. В. Мегрелидзе, найденные на горе Кидилишан бронзовые куклы кидила (букв. «девушка», «кукла») и ужила (букв. «мальчишка») Дидойцы с места их обнаружения никуда не уносили, так как существовало поверье, что если взять оттуда какой-нибудь бронзовый предмет, то этим можно рассердить бога погоды, который мог наслать град и уничтожить все селение”⁹ [According to I.V. Megreldze, the bronze dolls were set there, and nobody was allowed to remove or stolen it; otherwise the weather-god could send hail and destroy the entire village]; also “По нашим полевым материалам, бронзовые статуэтки втыкались у подножья горы Кидилишани, на поверхности которого наблюдаются выходы «белого камня».¹⁰ [According to our field materials, bronze statuettes were stuck at the foot of the Kidilishani Mountain, on the surface of which there are outcrops of the «white stones»]”.

First, it is very clear that the Kidilishan mountain bears the name from the religious custom, as Kidilishan < kidil ‘кукла / doll’ < kid ‘девочка, девушка / girl, maiden’, with the masculine counterpart of uzil(a) ‘мальчишка, кукла / young boy, doll’ < úz(a) ‘сын, мальчик / son, little boy’; then, the bronze figurines were given to the storm-god as a gift.

Further “по мнению М.Д.Сагитовой, «статуэтки с горы Кидилишавни, по всей видимости, изображали не самих богов, а людей, которые им поклонялись.»¹¹[11] [According to M.D. Sagitova, “the figurines, most likely, did not depict the god itself, but the people who worshiped him”].

It is not a coincidence that the archaeological remnants that have been found in the island of Crete reveal – more or less – the same picture, that it consists of «peak sanctuaries» and «divinatory statuettes»; as Stylianos Alexiou and others wrote about the Minoan religion: “As a result of the excavations, the holy places and cult practices are better known to us than the forms taken by the Minoan deity, which are still wrapped in obscurity”.

A typical contrast between Crete and the Orient lies in the absence of temples. The temples, dwellings of the god and centers of an all-powerful priesthood, that have been found in Sumer and Egypt, do not exist[ed] in Crete. Here the worship was celebrated in natural sanctuaries: in caves,

⁸ Seferbekov, p. 71; op. cit.; see Bibliography

⁹ Seferbekov, p. 71; op. cit.; see Bibliography

¹⁰ Alexiou, pp. 78-79; op. cit.; see Bibliography

¹¹ Alexiou, p. 79; op. cit.; see Bibliography

on mountain peaks; and in small domestic shrines, or in parts of the palace, which, outwardly at least, cannot be distinguished from the rest of the building.

Caves, in which religious rites were performed, have been mentioned already. Even during Pre-palatial times votive ivory figurines were deposited in the Trapeza cave, in Lasithi. On feast days in the Proto-palatial period, pilgrims from Phaestos climbed Mount Ida as high as the Kamares cave, where they dedicated vessels containing various offerings¹².

To complete the description, other details enrich the interpretation, and I quote: “The holiness of the far more magnificent cave of Psykhro can surely be explained in the same way. This was probably the Dictaeon cave of the Greeks, where the Mother Goddess Rhea was believed to have given birth to the Young God whom the Greeks called Zeus. Tables of offerings, figurines of votaries in characteristic attitudes, small animal models offered in lieu of living sacrifices, tools, weapons and double axes in bronze were dedicated around a built altar, or placed in crevices between the stalactites within the cave”¹³.

Then, “Other sacred caves are the large cave of Skoteino – probably the sacred cave of Knossos, within which Dr. K. Davaras has discovered bronze figurines and a quantity of pottery; and also the Patsos cave, where figurines of votaries and models of sacral horns were dedicated.

Religious rites were also celebrated at the peak sanctuaries. The nearness to the sky, the wide view, the utter solitude, broken by wild goats or birds, filled the Minoan with awe”¹⁴.

To add some peculiarity to the ritual manifestation, Hutchinson wrote that “The offerings from the Peak Sanctuaries, even from the Iuktas, have given us poor selection, but the sites were so exposed and the traces of sacrificial fires so evident that we cannot argue from the absence of more valuable offerings which might have been burnt, looted by treasure hunters, or simply weathered away.”¹⁵

To reshape the cultural parallel, after the figurines, the mountain top, the religious performance related to a deity; there is a key point to clarify, and that is the «thunder god», very well attested in the Anatolian plateau ancient civilizations, but absent or at least, not evident in the Aegean side, as reported by A. Stylianiou with “At the earlier date, we encounter in Asia Minor the Hurrian and Hittite storm god Teshub, who is represented mounted on a bull and grasping a double axe and a thunderbolt. It has been suggested that in Crete too the double axe was a symbol of a similar sky-god. But this theory ignores the fact that Creto-Mycenaean art of the double axe is associated with a female divinity; seals from Kalkani and Knossos show a goddess flanked by lions and griffins, with a double axes overhead; a goddess is seen holding double axes on a stone mould from Seteia”¹⁶. However, a kind of combination for the celebration existed, as “At the summer and winter solstices, especially during the Proto-palatial period, it was a custom to light on these peak-sanctuaries great bonfires which could be seen from a long way off.”¹⁷; then, some thought on the association the Cretan Peak sanctuaries as “The traces of exceedingly fierce fires can frequently be observed in Early Minoan tombs, and some think the lighting of these formed part of the funerary rites”¹⁸.

¹² Alexiou, p. 80; op. cit.; see Bibliography

¹³ Hutchinson, pp. 220-221; op. cit.; see Bibliography

¹⁴ Alexiou, p. 92; op. cit.; see Bibliography

¹⁵ Alexiou, p. 80; op. cit.; see Bibliography.

¹⁶ Alexiou, p. 115; op. cit.; see Bibliography

¹⁷ Sagona-Zimansky, p. 277; op. cit.; see Bibliography

¹⁸ Klimov (Etym. Dict. of the Kartvelian lang.), p. 280; op. cit.; see Bibliography

Analyzing the theonym, the Hurrian and Urartian theonym cannot be associated to the Daghestani «storm god», unlikely M. Tsaröieva (2008) wrote in her book. The phonological structure of the theonym *tt s'ob* is problematic, as *Tefub ~ Tef:ub ~ Teifeb* contains a vowel or a diphthong; meanwhile the Caucasian form begins with a glottalized affricate sound. If the Hurrian form developed as *Tef:ub / Tefub > *Təfub > *tt fub*, it hardly explain a subsequent form in *tt s'ob*. Even the Khinalug *tt ʃ'æ* and the Akhwakh *tt ʃ'ári* («fire») forms still are doubtful.

From the representation of the rocks in the Anatolian plateau, it is well known that “The two largest figures, who face each other at the center of the composition, are the Hurrian god Teshub and the Hurrian goddess Hepatu. The Storm God, wearing a tall conical cap covered with horns, stands upon stylized mountain gods who bend forward as they support him”¹⁹.

Another less problematic situation is with the Kartvelian family, where’s the Georgian *t' set' sxl- < *zet' s'xl-* ‘fire’ also has anything to do with the Daghestani form²⁰.

After the description of the Aegean area and the lack of evidence of a «Thunder god»; a word for the meteorological phenomena does exist: ἀστεροπή ‘lightning’ and it is arbitrarily etymologized as an Indo-European word. Once again, Beekes’ comment on two occasions describew the semantic incongruence with an IE explanation.

Mostly it is analyzed as a compound from ἀστήρ ‘star’ and ὄπ- ‘eye’, meaning ‘star-eye’. For the semantic of the formation, Armenian *p'ayl-akn* ‘lightning’ is compared (*p'ayl* ‘glow, splendour’ and *akn* ‘eye’), as well as Armenian *areg-akn* ‘sun’ (*arew* ‘sun’ and *akn*). However, ‘glow, splendour’ is not the same as ‘star’ and, more importantly, the variants *στεροπή* and *ἀστραπή* cannot be explained in this way (also note *π / φ* in *στροφή*). Also, if *ἀστράπτω* is not a very recent formation, one would expect **ἀστρασσω* from the IE pre-form, as DELG points out. The word must therefore belong to the substrate layer, as Kuiper and Furnée already saw.

On top of the well-known form of ἀστεροπή, there are some variations:

- *στεροπή* (Iliad)
- *ἀστραπή* (Hesychius)
- *στροπά · ἀστραπή*. Πάφιοι (island of Paphos)
- *στορπάν, στορτιάν* (cod.)· *τήν ἀστραπήν* (Hesychius)
- *Στορπᾶος* (Hesychius)
- *στροφαί*
- *ἀστραπαί*

Based on previous investigations (Tardivo&Kitselis 2020, Tardivo&Kitselis 2021), the *ἀ-* > *Ø-* in comparison to the Daghestani form.

Table 3.

A synchronic analysis of the Aegean lexemes reveals the same process, hence a root in *στV-; as shown in the scheme:

ἀστεροπή	στεροπή
ἀστραπή	στορπάν

¹⁹ Seferbekov (R. I); p. 167; op. cit.; see Bibliography

²⁰ Bokarev, p. 27; op. cit.; see Bibliography

ἀστραπαί	στροφαί
ἀστραπήν	Στορπᾶος
ἀστραπή	στροπά
	στυφᾶν
	στίλβω
α-*στV- (α ~ ε)	*στV- (ε ~ ι ο ~ υ)

A direct comparison with the Daghestanian languages, such as the Lak tt s'upar (lit.: fire + flash), and the Agul (Richag) tt s'arf, (Burkhun) tt s'arp 'lightning' seems very probable.

Table 4.

Therefore, even in metathized form (-r p ~ -p r), still is clear the fact that -par is not a suffix; conversely, a word itself for «thunder» et sim., as illustrated in this sample.

Avar	<i>piri</i>	3 rd class	МОЛНИЯ / lightning
Akhwakh, Tindi	<i>piri, hiri</i>	3 rd class	
Bezhta	<i>pir, pil</i>	4 th class	
Hunzib	<i>pir</i>	4 th class	
Archi	<i>párəl(a)</i>	4 th class	
Tsezi	<i>piri</i>	4 th class	гром / thunder

The phonological structure of *pyr also manifests in the IE languages, and the direction is still disputed. It is not the case here to decide whether the IE and the Daghestani forms are a pure coincidence, or it is a borrowing, either direction (Cauc. → IE or IE → Cauc.).

This Daghestani word leads to another Pre-Greek word, such as φάρος 'lighthouse' (AP). Then, Beekes's comment: «Origin unknown. Borrowed into late Latin, French, etc. Hence derives the name of the island in Alexandria, famous for its lighthouse (δ 355).»

Starting from the phonological analyses of the variation between φ ~ π, explicit manifest in φάρος (φαρ-ος) and (ἀστε)ροπή, last one appears to be a deglottalized and metathized form of φάρος; the main concept of 'thunder' is correlated to 'light', 'lightning' and 'lighthouse'.

What is relevant, the fact that ἀστεροπή (et al.) bears the same phonological structure of the Aghul tt s'arp (<* tt s'a-rəp < *tt s'a-pər < *tt s'a-par) 'lightning', and from there, it is possible to presume the concept of ἀστεροπή as a compound word: ἀστεροπή < *ἀ-στε-ροπ-ή, where the ἀ- > Ø-, then *στε- related to *tt s'V 'fire', and finally -ροп(ή) the same as *pyr 'flash(light)'.

Such metathized form is manifest in the Aghul (Burkhun) tt s'arp (rVp) and Lak tt s'upar (pVr).

Further, there are some other words related, like στυφᾶν 'to thunder', and probably στίλβω 'to shine, to gleam, to shimmer'; last one is accompanied by Beekes' comment: «A connection to Proto-Celtic *stil-n- (Middle Irish sellaid, -sella 'looks', Old Irish sell 'eye, iris'; Welsh syllu 'stare,

gaze’) seems far-fetched; no further cognates are known. If the root variant $\sigma\tau\lambda\pi$ - is not secondary from $\sigma\tau\acute{\iota}\lambda\psi$ -, the variation between π - and β - may point to Pre-Greek origin».

Even Chantraine came at the same conclusion with: «Famille de mots expressif qui s’emploie notamment pour les étoiles et qui ne coïncide pas exactement avec le champ sémantique de $\lambda\acute{\alpha}\mu\pi\epsilon\upsilon\iota\nu$ plus banal. $\Sigma\tau\acute{\iota}\lambda\pi\nu\omicron\varsigma$ présente un suffixe $-\nu\omicron\varsigma$ de type connue, cf. $\tau\epsilon\rho\pi\nu\omicron\varsigma$, etc., mais la labial sourde n’est pas expliquée. L’alternance $\sigma\tau\lambda\beta$ -/ $\sigma\tau\lambda\pi$ - ne sauret remonter à l’Indo-Européen et peut relever du caractère expressif de cette famille. Pas d’etymologie».

The concept of “...mots expressif...” is arbitrary, as it cannot be part of the mimeo-expressive words. Further, the missing attempt of a synchronic analysis, where some other words have a $*\sigma\tau V$ - for «fire» et sim. Once again, the response comes from the Caucasus.

The Lezgian language has $tt\ s’aj$ lapan ‘молния / lightning’ < $tt\ s’aj$ «fire», then $lapan$ form is a metathesis of $Alpan$, the «thunder god» appellative, as “Богом-громовержцем у Лезгин был, по всей вероятности, Алпан, на что указывает ряд данных. Молния по-Лезгински называется ц[а]й-лапан (букв. «огонь Алпана»). Сохранились проклятия «Вун Алпанди ярай!» («Пусть тебя ударит Алпан!») и «Вун Алпандин цу ягъурай!» («Пусть тебя ударит огонь Алпана!»). Все это дало основание ряду авторов считать Алпана богом огня, грома и молнии. По мнению З. и Р. Ризвановых, этот теоним является составной частью многих географических названий, и он отразился, например, в названиях селений Алпан, Алпаут, Алпы в районах, населенных Лезгинами в Азербайджане” [According to the data, the Lezghian god of thunder was $Alpan$. The word is also used as a curse (“let’s $Alpan$ striking you!” et sim.). All the reporters agree that $Alpan$ was the god of fire, thunder and lightning. The theonym is also used for place names among the Lezghians of Azerbadjan]”.

Phonologically, metathesis phenomenon is pretty common among the Daghestanian languages, then, the theonym itself is in a metathesized form, as $Alpan$ < $lapan$; moreover, the Darghin (Itsari) $tt\ s’alip$:an ‘бабочка / butterfly’ < $tt\ s’a$ «fire» plus lip :an «flashing»; last one is also in the Andi language, as $lapi$ (4th class) ‘блеск, вспышка / flash, shine’; so, the full translation is «shining fire». To summarize that words, and far from a secure interpretation, $\sigma\tau\acute{\iota}\lambda\beta\omega$ < $*\sigma\tau$ - $\acute{\iota}\lambda\beta$ - ω ~ $*\sigma\tau\acute{\iota}$ - $\lambda(\acute{\alpha})\beta$ - ω , where $*\text{-}\acute{\iota}\lambda\beta$ - ω could be the same as $lapi$, a formation like $tt\ s’aj$ - lap -an < $tt\ s’aj$ «fire» and l - lap -an «shine, flash».

Regarding $\sigma\tau\upsilon\phi\acute{\alpha}\nu$ (a by-form of $\sigma\tau\upsilon\pi\acute{\alpha}\zeta\omega$ < $\sigma\tau\acute{\upsilon}\pi\omicron\varsigma$ · $\kappa\alpha\iota$ · \acute{o} $\psi\acute{o}\phi\omicron\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ $\beta\rho\nu\nu\tau\eta\varsigma$ ‘the sound of thunder’) ‘to thunder’, the form in $*\sigma\tau V$ - reveal its consistency. The assumption of sharing a common root with $\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\rho\omicron\pi\eta$ (< $\acute{\alpha}$ - $\sigma\tau\epsilon$ - $\rho\omicron\pi\eta$) and $\sigma\tau\acute{\iota}\lambda\beta\omega$ (< $*\sigma\tau\acute{\iota}$ - $\lambda\beta$ - ω) is more likely, both them are connected to the Central-Daghestani $*tt\ s’V$ «fire».

Extending the comparison to the Ægean side with $*\sigma\tau V$ -, it will be equally reliable.

Nevertheless, from the same root for «fire», within the Daghestani languages, there are derivative words, like the Andi $tt\ s’ato$, Chamalal and Tindi $tt\ s’ah$ ‘to burn’; where $*tt\ s’V$ - retain its original aspect.

Phonological analysis

After the data and the diachronic illustration, including the sacral aspect, some questions are waiting for more profound analyses; starting from the viewpoint of the words for «fire» and the relationship with «shine» [et sim.].

In the Central group (Chechen), two distinctive words are used:

1. sa : ‘light’

2. tt s'e 'fire'

The same it occur in the Darghin group:

1. ʃala 'light'

2. tt s'a 'fire'

From this phonological and semantic frame, those words are from two distinctive roots, and the Chechen theonym Sela – despite the similarity with the Pre-Greek σέλας – can not be compared to.

Nevertheless, the incompatibility affects the Tsezic tt sálu 'flint (lit.: white stones)'. Briefly, an association between Sela ~ σέλας ~ tt sálu, despite the resemblance, can not be held.

The more secure comparison is with the Darghin phyla, as ʃala («light, dawn») is very straightforward, and to a lesser extent the Chechen sa: 'ib.' A resume of all the Aegean words are listed here:

ἀστεροπή (including variations) 'lightning'

στουφᾶν 'to thunder'

στίλβω 'to shine, to gleam, to shimmer'.

All those words have a *στV-, so, the compound of a sibilant with a voiceless dentoalveolar is seen as a heavy mora, or a case of dissimilation. Although, this concept is in contrast with Beekes' analyses of sibilant+Consonant, actually, the main consonants set, namely p/t/k. The Daghestani form with a glottalized affricate (*tt s'a) seems phonologically distant from the Aegean, but it is not the case, as the Chechen shows a regular alternation between Sela ~ Stela, The Greek alphabet was designed for an IE language, and the variations are used with an approximation for a non-IE lexical item.

In this way there are all the conditions for the assumption of an affricate like [tt s]; and from there, it is possible to reconstruct the original word as *tt s'e- or the like.

According to Bokarev, a diachronic survey between the Daghestani languages shows a certain degree of variability, that's include the dialectal form, like Avar s, Andi ʃ, Lezghian s, ʃ. If the same rule is extended to other languages, it will be very wise to think to a phonological typology that sprung from the same evolutionary system.

Table 5.

The variation between the sybilant and the affricate

Chechen	Avar	Andi	Tsezi	Lak	Darghin	Lezghian	Tabasaran	Archi
tʃ s, st	tʃ s	s	s	tʃ s	tʃ s	tʃ s, s	tʃ s, s	s

The Aegean* στV- follow this process, a good parallel to the Daghestani.

Moreover, the metathesis of p r (> r p) it works in both ways; a typical phonological interchange with the clear explanation of reshaping the structure that does not affect the meaning as such.

Conversely, the main concept of «fire» is also the base for compound words related to it, such as “lightning” or “thunder”. So, the «fire» must be seen as a core concept, and the second element is reinforced by the main theme.

As seen in this excursus, the Daghestani and the Aegean words proceed in the same direction, where the root for «fire» and the attributives retain their basic phonological structure.

Conclusions

Starting from the analyses of the Greek word for «moon», the survey is intentionally designed to go far beyond the well-known definition; adding a reliable comparison with the Darghin phyla of the Centre-Oriental languages of the Caucasus.

The linguistic investigation is extended to other words of the same semantic area, more specifically, the interrelated words of «fire» and «thunder». In the Asia Minor, the “Storm god” – in the ancient sources – is well documented, as well as in the – pre-Islamic – Caucasian myth. However, the Aegean area shows a common trait only in the lexical context.

The analyses start with a synchronic introspective, and after that, it expands in a diachronic manner. Previous explanations of that word with the IE context reveal a certain degree of weakness, the semantic aspect was not clear enough. This is one of many cases where similarities misleading the original sense.

Further, as exposed in this article, the linguistic factor itself is accompanied by a relatively common cultural aspect of the «peak sanctuaries», the ritual and their use for sacral purposes.

Adding this detail, the proposal of a common origin between the earliest settlers of the Aegean Sea and the North Caucasian, it might deserve a kind of consideration that cannot be discarded a priori. Despite the well-known and more reputed celebration of Zoroastrianism, where the «fire» is the centre of the religion; the Caucasian «fire» share the same aspect of the ancient Anatolian people, the «thunder» or the «storm» god. Furthermore, the caves in the hills («peak sanctuaries») are also a distinctive trait, and from this perspective, from the Aegean Sea – through Anatolia – to the Caucasus Mountain, all of them show a kind of common origin.

To conclude, the more reliable part come from the lexicon, and this is a time when resistant aspect cannot be ignored.

Литература

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь Осетинского языка. 1958. Ленинград: Академия наук СССР, 608 с.
2. Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. 1978. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 289 с.
3. Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики Чеченского и Ингушского языков и диалектов. 1975. Махачкала: Чечено-ингушское книжное издательство, 386 с.
4. Бокарев Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. 1981. М.: Наука, 140 с.
5. Генко А.Н. Табасаранско-Русский Словарь. 2005. М.: Academia, 332 с.
6. Гимбатова М.М. Аварско-Русский словарь. 2006. Махачкала: ДНЦ РАН, 2096 с.
7. Гудава Т.Е. Консонантизм Андийских языков. 1964. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз., 221 с.
8. Джампаоло Т., Китселис Ф. Прометей или Амирани. Обновленное исследование о до-греческом субстрате и его происхождении [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. № 3. С. 56–69. DOI:10.17759/langt.2019060307
9. Исаков И.А., Халилов М.Ш. Гинухско-Русский словарь. 2005. М.: ДНЦ РАН, 616 с.
10. Исаков И.А., Халилов М.Ш. Гунзибско-Русский словарь. 2001. М.: Наука, 288 с.
11. Исмаилова Э.И. Русско-Рутульский словарь. 2011. М.: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 201 с.
12. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение Дагестанских языков. Имя.

Фонетика. 1990. М.: Изд-во МГУ, 366 с.

13. Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь Кавказских языков. Сопоставление основной лексики. 2003. М.: Вост. Лит., 203 с.

14. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (Цезы), Историко-этнографическое исследование XIX – начало XX века. 2000. Махачкала: Российская Академия Наук, Дагестанский Научный центр, институт истории, археологии и этнографии, 223 с.

15. Магомедова П.Т. Абдулаева И.А. Ахвахско-Русский словарь. 2007. М.: Изд-во ДНЦ РАН, 727 с.

16. Магомедова П.Т. Тиндинско-Русский словарь. 2003. М.: ДНЦ РАН, 618 с.

17. Магомедова П.Т. Чамалинско-Русский словарь. 1999. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра ДНЦ РАН, 437 с.

18. Мейланова У.А. Будухско-Русский словарь. 1984. М.: Наука, 253 с.

19. Мудрак О.А. Даргинские основы: в 2 т. Т 1. 2016. М.: МГПУ, Языки народов мира. 728 с.

20. Мудрак О.А. Даргинские основы: в 2 т. Т 2. 2016. М.: МГПУ, Языки народов мира. 700 с.

21. Мусаев С.М. Лексика Даргинского языка (Сравнительно-исторический анализ). 1978. М.: Изд-во ДГУ, 107 с.

22. Рамазанов М.Р. Агульско-Русский словарь. 2010. М.: Лотос, 712 с.

23. Сайдова П.А. Диалектологический словарь аварского языка: около 8000 слов. 2008. М.: Дагестанский Филиал АН СССР Ордена Почета Институт Истории, Языка и Литературы им. Г. ЦАДАСЫ, 484 с.

24. Салимов Х.С. Гагатлинский говор Андийского языка. 2010. Махачкала: ИЯЛИ, 420 с.

25. Сефербеков М.Р., Магомедов М.А. Из мифологии, фольклора и обрядовой культуры дидойцев: синкретизм традиционных верований и ислама [Электронный ресурс] // Ислам и культура. 2016. Том 7. № 1. С. 67-79. URL: <http://islam.dgu.ru/stat/Islamoved%202016-1-7.pdf> (дата обращения: 28.01.2022)

26. Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификации). 2009. Махачкала: ДИНЭМ, 411 с.

27. Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. 1980. М.: Наука, 350 с.

28. Талибов Б.Б., Гаджиев М. Лезгинско-Русский словарь. 1966. М.: Советская энциклопедия, 603 с.

29. Тардиво Дж. Лабиализация в эгейских и нахско-дагестанских языках [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 109–120. DOI:10.17759/langt.2020070111

30. Alexiou S. Minoan civilization. Heraklion. 1973. Spyros Alexiou Sons: Spyros Alexiou, 144 p.

31. Bartoli M. Saggi di linguistica spaziale. 1945. Torino: Vincenzo Bosa, 338 p.

32. Beekes R.S.P. Etymological dictionary of Greek. 2010. Leiden-Boston: Brill, 930 p.

33. Beekes R.S.P. Pre-Greek: Phonology, morphology, lexicon. 2014. Leiden-Boston: Brill, 181 p.

34. Beekes R.S.P. Pre-Greek. The Pre-Greek loans in Greek. 2017. Leiden-Boston: Brill, 193 p.

35. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots. 1968. Paris: Klincksieck, 364 p.

36. Hutchinson R. W. Prehistoric Crete. 1962. London: Penguin Books, 418 p.

37. Liddell S.J. A Greek-English lexicon. 1996. Oxford: Clarendon Press, 2011 p.

38. Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-

- Indo-European world. 2006. Oxford: Oxford University Press, 731 p.
39. Marinatos N. Minoan religion. Ritual, image, and symbol. 1993. Columbia: University of South Carolina Press, 310 p.
40. Sagona A., Zimansky P. Ancient Turkey. 2009. London-New York: Routledge, 420 p.
41. Soysal O. Hattischer Wortschatz in heithitischer Textüberlieferung. 2004. Leiden-Boston: Brill, 1029 p.
42. Willets R. The civilization of ancient Crete. 1976. New York: University of California Press, 299 p.
43. Chirikba V.A. A dictionary of common Abkhaz. 1996. Leiden-Boston: Brill, 142 p.
44. Geiger B., Kuipers A.H. Peoples and languages of the Caucasus. A synopsis. Aja's Gravenhage 1959. The Hague: 'S-Gravenhage: Mouton & Co, 79 p.
45. Ilyasov L. The diversity of the Chechen culture. From historical roots to the present. 2009. M.: The diversity of the Chechen culture : from historical roots to the present, 263 p.
46. Klimov A. Lexikalische Zeugnisse ältester indoeuropäisch-kartwelischer Kontakte. Sprachen Kaukasiens, 1984. Jena: Friedrich-Schiller, 120 p.
47. Klimov A. Etymological dictionary of the Kartvelian languages. 1998. Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 504 p.
48. Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etymological dictionary. 1994. M.: Asterisk, 1406 p.
49. Nichols J. The Nakh-Daghestanian consonants correspondences. Current trends in Caucasian, East European and Inner Asian linguistics, 2003. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 207-264. DOI: <https://doi.org/10.1075/cilt.246.14nic>
50. Tsaroïeva M. Racines mésopotamiennes et anatoliennes des Ingouches et des Tchétchènes. 2008. Paris: Riveneuve editors, 329 p.
51. Black J., George A., Postgate N. A concise dictionary of Akkadian. 2000. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 290 p.
52. Burney C., Lang D.M. The peoples of the hills. Ancient Ararat and Caucasus. 1971. London: Weidenfeld and Nicolson, 336 p.
53. Kramer S.N. The Sumerians. Their history, culture, and character. 1963. Chicago: The University of Chicago Press, 385 p.

References

1. Abaev V.I. Istoriko-jetimologicheskij slovar' Osetinskogo jazyka. 1958. Leningrad: Akademija nauk SSSR, 608 p. (In Russ.).
2. Aliroev I.Ju. Nahskie jazyki i kul'tura. 1978. Groznyj: Checheno-Ingushskoe kn. izd-vo, 289 p. (In Russ.).
3. Aliroev I.Ju. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj slovar' otraslevoj leksiki Chechenskogo i Ingushskogo jazykov i dialektov. 1975. Mahachkala: Checheno-ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 386 p. (In Russ.).
4. Bokarev E.A. Sravnitel'no-istoricheskaja fonetika vostochnokavkazskih jazykov. 1981. Moscow: Nauka, 140 p. (In Russ.).
5. Genko A.N. Tabasaransko-Russkij Slovar'. 2005. Moscow: Academia, 332 p. (In Russ.).
6. Gimbatova M.M. Avarsko-Russkij slovar'. 2006. Mahachkala: DNC RAN, 2096 p. (In Russ.).
7. Gudava T.E. Konsonantizm Andijskih jazykov. 1964. Tbilisi: Publ. Akad. nauk Gruz., 221 p. (In Russ.).
8. Dzhampaolo T., Kitselis F. Prometej ili Amirani. Obnovlennoe issledovanie o do-grecheskom

- substrate i ego proishozhdenii [Prometheus or Amirani. An updated study on the Pre-Greek substrate and its origins]. *Jazyk i tekst=Language and Text*, 2019. Vol. 6, no. 3, pp. 56–69. DOI:10.17759/langt.2019060307 (In Russ.).
9. Isakov I.A., Halilov M.Sh. *Ginuhsko-Russkij slovar'*. 2005. Moscow: DNC RAN, 616 p. (In Russ.).
 10. Isakov I.A., Halilov M.Sh. *Gunzibsko-Russkij slovar'*. 2001. Moscow: Nauka, 288 p. (In Russ.).
 11. Ismailova Je.I. *Russko-Rutul'skij slovar'*. 2011. Moscow: IJaLI DNC RAN, 201 p. (In Russ.).
 12. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. *Sopostavitel'noe izuchenie Dagestanskih jazykov. Imja. Fonetika*. 1990. Moscow: Publ. MGU, 366 p. (In Russ.).
 13. Klimov G.A., Halilov M.Sh. *Slovar' Kavkazskih jazykov. Sopostavlenie osnovnoj leksiki*. 2003. Moscow: Vost. Lit., 203 p. (In Russ.).
 14. Luguev S.A., Magomedov D.M. *Didojcy (Cezy), Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie XIX – nachalo XX veka*. 2000. Mahachkala: Rossijskaja Akademija Nauk, Dagestanskij Nauchnyj centr, institut istorii, arheologii i jetnografii, 223 p. (In Russ.).
 15. Magomedova P.T., Abdulaeva I.A. *Ahvahsko-Russkij slovar'*. 2007. Moscow: Publ. DNC RAN, 727 p. (In Russ.).
 16. Magomedova P.T. *Tindinsko-Russkij slovar'*. 2003. Moscow: DNC RAN, 618 p. (In Russ.).
 17. Magomedova P.T. *Chamalinsko-Russkij slovar'*. 1999. Mahachkala: Institut jazyka, literatury i iskusstva im. G. Cadasy Dagestanskogo nauchnogo centra DNC RAN, 437 p. (In Russ.).
 18. Mejlanova U.A. *Buduhsko-Russkij slovar'*. 1984. Moscow: Nauka, 253 p. (In Russ.).
 19. Mudrak O.A. *Darginskie osnovy: in 2 vol. Vol 1*. 2016. Moscow: MGPU, Jazyki narodov mira. 728 p. (In Russ.).
 20. Mudrak O.A. *Darginskie osnovy: in 2 vol. Vol 2*. 2016. Moscow: MGPU, Jazyki narodov mira. 700 p. (In Russ.).
 21. Musaev S.M. *Leksika Darginskogo jazyka (Sravnitel'no-istoricheskij analiz)*. 1978. Moscow: Publ. DGU, 107 p. (In Russ.).
 22. Ramazanov M.R. *Agul'sko-Russkij slovar'*. 2010. Moscow: Lotos, 712 p. (In Russ.).
 23. Sajdova P.A. *Dialektologicheskij slovar' avarskogo jazyka: okolo 8000 slov*. 2008. Moscow: Dagestanskij Filial AN SSSR Ordena Pocheta Institut Istorii, Jazyka i Literatury im. G. CADASY, 484 p. (In Russ.).
 24. Salimov H.S. *Gagatlinskij govor Andijskogo jazyka*. 2010. Mahachkala: IJaLI, 420 p. (In Russ.).
 25. Seferbekov M.R., Magomedov M.A. *Iz mifologii, fol'klora i obrjadovoj kul'tury didojcev: sinkretizm tradicionnyh verovanij i islama. Islam i kul'tura=Islam and culture*, 2016. Vol. 7, no. 1, pp 67-79. Available at: <http://islam.dgu.ru/stat/Islamoved%202016-1-7.pdf> (Accessed 28.01.2022) (In Russ.).
 26. Seferbekov R.I. *Panteon jazycheskih bozhestv narodov Dagestana (tipologija, harakteristika, personifikacii)*. 2009. Mahachkala: DINJeM, 411 p. (In Russ.).
 27. Talibov B.B. *Sravnitel'naja fonetika lezginskih jazykov*. 1980. Moscow: Nauka, 350 p. (In Russ.).
 28. Talibov B.B., Gadzhiev M. *Lezginsko-Russkij slovar'*. 1966. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 603 p. (In Russ.).
 29. Tardivo Dzh. *Labializacija v jegejskih i nahsko-dagestanskih jazykah [Labialization in Aegean and Nakh-Daghestanian Languages]*. *Jazyk i tekst=Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 109–120. DOI:10.17759/langt.2020070111 (In Russ.).

30. Alexiou S. Minoan civilization. Heraklion. 1973. Spyros Alexiou Sons: Spyros Alexiou, 144 p.
31. Bartoli M. Saggi di linguistica spaziale. 1945. Torino: Vincenzo Bosa, 338 p.
32. Beekes R.S.P. Etymological dictionary of Greek. 2010. Leiden-Boston: Brill, 930 p.
33. Beekes R.S.P. Pre-Greek: Phonology, morphology, lexicon. 2014. Leiden-Boston: Brill, 181 p.
34. Beekes R.S.P. Pre-Greek. The Pre-Greek loans in Greek. 2017. Leiden-Boston: Brill, 193 p.
35. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots. 1968. Paris: Klincksieck, 364 p.
36. Hutchinson R. W. Prehistoric Crete. 1962. London: Penguin Books, 418 p.
37. Liddell S.J. A Greek-English lexicon. 1996. Oxford: Clarendon Press, 2011 p.
38. Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European world. 2006. Oxford: Oxford University Press, 731 p.
39. Marinatos N. Minoan religion. Ritual, image, and symbol. 1993. Columbia: University of South Carolina Press, 310 p.
40. Sagona A., Zimansky P. Ancient Turkey. 2009. London-New York: Routledge, 420 p.
41. Soysal O. Hattischer Wortschatz in heithitischer Textüberlieferung. 2004. Leiden-Boston: Brill, 1029 p.
42. Willets R. The civilization of ancient Crete. 1976. New York: University of California Press, 299 p.
43. Chirikba V.A. A dictionary of common Abkhaz. 1996. Leiden-Boston: Brill, 142 p.
44. Geiger B., Kuipers A.H. Peoples and languages of the Caucasus. A synopsis. Aja's Gravenhage 1959. The Hague: 'S-Gravenhage: Mouton & Co, 79 p.
45. Ilyasov L. The diversity of the Chechen culture. From historical roots to the present. 2009. M.: The diversity of the Chechen culture : from historical roots to the present, 263 p.
46. Klimov A. Lexikalische Zeugnisse ältester indoeuropäisch-kartwelischer Kontakte. Sprachen Kaukasiens, 1984. Jena: Friedrich-Schiller, 120 p.
47. Klimov A. Etymological dictionary of the Kartvelian languages. 1998. Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 504 p.
48. Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etymological dictionary. 1994. M.: Asterisk, 1406 p.
49. Nichols J. The Nakh-Daghestanian consonants correspondences. Current trends in Caucasian, East European and Inner Asian linguistics, 2003. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. 207-264. DOI: <https://doi.org/10.1075/cilt.246.14nic>
50. Tsaroïeva M. Racines mésopotamiennes et anatoliennes des Ingouches et des Tchétchènes. 2008. Paris: Riveneuve editors, 329 p.
51. Black J., George A., Postgate N. A concise dictionary of Akkadian. 2000. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 290 p.
52. Burney C., Lang D.M. The peoples of the hills. Ancient Ararat and Caucasus. 1971. London: Weidenfeld and Nicolson, 336 p.
53. Kramer S.N. The Sumerians. Their history, culture, and character. 1963. Chicago: The University of Chicago Press, 385 p.

Информация об авторах

Тардиво Джампаоло, профессор лингвистики, Падуанский университет, Италия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@googlemail.com

Тардиво Дж.
Сияющая «луна», сверкающий «гром»
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 18–34.

Tardivo G.
Shining «Moon», Sparkling «Thunder»
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 18–34.

Information about the authors

Giampaolo Tardivo, Professor of linguistics, Padua State University, Italy, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@googlemail.com

Получена 01.03.2022

Received 01.03.2022

Принята в печать 15.03.2022

Accepted 15.03.2022

Язык и проблематика политической науки Древнего Рима

Вититнев С.Ф.

Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Шмелева А.В.

Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

В статье рассматривается язык политической науки Древнего Рима, этапы его становления. Авторы опираются на тексты древнеримских авторов. История развития языка политических учений в Древнем Риме, изначально представлявшего собой совокупность слов, выражений, понятий, во многом почерпнутых из различного рода мифологических сюжетов, а уже к I веку до н.э., обретает терминологическую упорядоченность и как следствие – предстает как незаменимое средство описания и анализа политических феноменов, рассмотрения и познания их в самых разных аспектах. Римская политическая наука в своем движении по пути познания политики как одного из наиболее значимых созидательных феноменов, изначально отталкивалась в своих исканиях от проблематики, обозначенной греческими философами, используя выработанные ими понятийно-категориальный аппарат и терминологию, достигли впечатляющих результатов.

Ключевые слова: Древний Рим, греческие и римские мыслители, язык, политическая наука, лексика, вокабулярий, понятийно-категориальный аппарат.

Для цитаты: *Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.* Язык и проблематика политической науки Древнего Рима [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 35–48. DOI:10.17759/langt.2022090103

The Language and Problems of the Political Science of Ancient Rome

Sergey F. Vititnev

Moscow Region State University, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Anna V. Shmeleva

Moscow Region State University, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

The article examines the language of political science of Ancient Rome, the stages of its formation. The authors rely on the texts of ancient Roman authors. The history of the development of the language of political teachings in Ancient Rome was originally a collection of words, expressions, concepts, largely drawn from various kinds of mythological plots. And already by the I century BC, it acquires terminological order and, as a result, appears as an indispensable means of describing and analyzing political phenomena, considering and cognizing them in a variety of aspects. Roman political science, in its movement along the path of cognition of politics as one of the most significant creative phenomena, initially started in its search from the problems identified by the Greek philosophers, using the conceptual and categorical apparatus and terminology developed by them, achieved impressive results.

Keywords: Ancient Rome, Greek and Roman thinkers, language, political science, lexis, vocabulary, conceptual and categorical apparatus.

For citation: Vititnev S.F., Shmeleva A.V. The Language and Problems of the Political Science of Ancient Rome. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 35–48. DOI:10.17759/langt.2022090103 (In Russ.).

Введение

Язык науки – инструмент познания истины, его совершенствование, связанное с возникновением новых понятий, значение которых закрепляется посредством определенных терминов, что является выражением развития науки, свидетельством приращения объемов научного знания, и говорит о наличии исследовательских проблем, требующих незамедлительного решения, итогом чего и становится обогащение научного вокабулярия новыми лексическими элементами.

Применительно к социальным наукам стимулом к тому выступают изменения, происходящие в обществе в ходе его исторического развития под воздействием различных факторов, нередко задающих им весьма высокую динамику. Потребность в познании этих изменений, их описании и выявлении существенных характеристик требует постоянного вовлечения в научный оборот новых категорий, понятий, терминов, что ведет к заимствованию слов из естественного языка, используемых для обозначения определенных социальных, в том числе и политических отношений, процессов, явлений.

Политическое знание возникает на определенной стадии существования общества, в условиях усложнения социальных отношений, содержание которых определялось появлением классов, классовой борьбы, наличием института государства, государственных форм власти, что и порождает сам феномен политики, а значит и открывает возможность для его познания. При этом специфика последнего определялась тем, что, если первоначально оно осуществлялось на уровне обыденного сознания, преимущественно в религиозно-мифологической форме, то по мере накопления знаний об особенностях функционирования политической сферы жизнедеятельности общества, все более отчетливо начинает просматриваться рационалистическая тенденция, во многом обусловившая характер политической терминологии, послужившей распространению в ту или иную эпоху в

определенном государстве, в творчестве конкретного политического мыслителя.

В этом отношении показательна история развития языка политических учений в Древнем Риме, изначально представлявшего собой совокупность слов, выражений, понятий, во многом почерпнутых из различного рода мифологических сюжетов, а уже к I веку до н.э., обретает терминологическую упорядоченность и как следствие – предстает как незаменимое средство описания и анализа политических феноменов, рассмотрения и познания их в самых разных аспектах. Подобного рода изменения в значительной степени были обусловлены культурным влиянием со стороны Древней Греции, где заметно раньше, чем в Древнем Риме начинает формироваться система научного знания. Это нашло отражение в философских, в значительной степени синкретических по содержанию учений, авторами которых выступал целый ряд выдающихся мыслителей. Применительно к политической проблематике, в первую очередь, здесь следует назвать имена Сократа, Платона, Аристотеля, Зенона, размышлявших о причинах возникновения государства, правильных и неправильных форм правления, идеальном государстве как воплощении разума, сущности политики, целях политической деятельности, значении позитивных и так называемых естественных законов на деятельность людей и судьбу государств [8].

Теоретические построения, методологические подходы, понятийный аппарат, представленные в произведениях этих авторов стали объектом пристального внимания и обстоятельного изучения со стороны представителей формирующейся политической науки Древнего Рима. Подтверждением тому служат размышления Марка Тулия Цицерона о государстве и законах; ранних римских стоиков – Сенеки, Марка Аврелия и Эпиктета о свободе, судьбе, нравственных качествах, которыми должны обладать носители государственной власти, Полибия о закономерностях смены форм правления.

Органичность и, как следствие, научная значимость такого рода заимствований, а в широком плане – речь идет о культурной рецепции, имевшей место во взаимоотношениях Рима и Эллады на протяжении всех веков их существования, определялась целым рядом обстоятельств. В первую очередь речь идет о сходстве типов цивилизационного развития, в научной литературе обозначаемых понятием «античность». И Древняя Греция, и Древний Рим имели выход к Средиземному морю, что во многом определило специфику их социально-экономического и политического устройств. Ими был достигнут чрезвычайно высокий для Древнего мира уровень организации социально-политического устройства, в основе которого лежал рабовладельческий способ производства, а на ранних стадиях становления государственности утверждается полисная система, качественно отличавшаяся от древневосточных деспотий с азиатским способом производства, утвердившихся во многих странах той далекой эпохи. При этом греки, став на путь цивилизационного созидания раньше римлян, начинают активно осваивать Средиземноморье, создают свои колонии в южной Италии и на Сицилии, оказывая заметное влияние на формирование римской цивилизации.

Культура Древней Греции в формировании римской цивилизации

Вполне закономерно, что греческие боги в сознании римлян начинают выступать как сакральные аналоги богов италийского пантеона, как и то, что в середине V века до н.э. из Рима в Афины была направлена делегация, имеющая поручение ознакомиться с законодательством греческого архонта-реформатора Солона с тем, чтобы представленные там правовые нормы использовать при написании римских законов. В этом же ключе можно

истолковать тот факт, что греческий язык уже со второй половины III века до н.э. получает в Риме широкое распространение. Им свободно владеют все известные политики, такие как Цезарь, Помпей, Октавиан Август. На нем пишут свои труды римские авторы, обращавшие свои взоры к трудам греческих мыслителей. Как пишет в этой связи И.М. Тронский, «римские историки с конца III в. до н.э. в Риме стали появляться писатели-«анналисты» (анналы – годовые записи. – примеч. С.В., А.Ш.), которые в форме погодной хроники рассказывали о событиях римской истории», а их произведения «были обращены к эллинистическому миру и писались по-гречески» [16; с.580]. Помимо этого, по замечанию ученого, «в самом Риме непрерывно растет число греческих риторов и философов», что привело к тому, что «целый ряд “интеллигентных” профессий был как бы монополизирован греками» [16; с.580].

Однако было бы ошибкой рассматривать римскую культуру как нечто производное от греческой, а римских авторов, в том числе сделавших предметом изучения сферу политических отношений, как простых эпигонов, озвучивавших не ими высказанные мысли, использовавших не ими сформулированные понятия и термины. Как подчеркивает в этой связи С.Л. Утченко, «неправомерна точка зрения, согласно которой «греческая (или шире эллинистическая) культура, как культура более «высокая», оплодотворила римскую, причем последняя тем самым уже признается и несамостоятельной и эклектичной» [18; с.216]. Справедливость этого критического замечания определяется тем, что, во-первых, греческое влияние на римскую культуру было несущественным, поскольку, по мере расширения пределов римского государства, все более отчетливее начинает просматриваться восточное влияние. Во-вторых, а это главное, римские политические мыслители строят свои теории, опираясь на идеи, высказанные греческими авторами, преимущественно в условиях, когда Рим, перерастает свою полисную государственность и превращается в великую державу, сперва регионального, а затем мирового уровня, занимавшую огромную территорию, на которой проживали многие народы, принадлежащие к разным культурам и конфессиям. Это определило специфику политической мысли той поры, существенным образом отличая упомянутые теории от тех, что имели место в эпоху расцвета греческой полисной системы. Данное обстоятельство задавало направленность последующего движения мысли и характер сделанных выводов. При этом более высокий уровень развития материального производства, имевший место в Риме по сравнению с греческим, усложнение общественно-политической жизни потребовали усовершенствование понятийно-категориального аппарата, увеличение числа терминов, находящихся на вооружении политической науки, что позволило более точно и глубоко описывать, характеризовать, раскрывать специфику, социальную природу разнообразных политических явлений и процессов.

Такого рода потребность способствовала тому, что политическая лексика начинает обогащаться словами, присутствующими в повседневной речи, по мере использования их при написании текстов или произнесении публичных выступлений политического содержания, они начинают приобретать дополнительное значение и коннотации, становятся инструментом освоения новой политической проблематики.

Примечательно, что обретение римской политической мыслью новых черт, большей частью сопряженных с ростом ее познавательных возможностей сочеталось с устойчивой разработкой ряда проблем, которые в представлении римских авторов были наиболее значимыми и требующими научного и соответствующего потребностям общественной

жизни решения.

Что же касается конечных результатов соответствующей научной деятельности, то они определялись исторической стадией развития римского общества, характером политической ситуации, сложившейся в государстве, а также теоретико-методологическими, моральными, политическими установками, приверженность которым обнаруживает конкретный политический мыслитель. К числу упомянутых проблем, в первую очередь, относились касающиеся происхождения государства и его деятельности определения лучшей формы государственного устройства, качеств, которыми должен быть наделен правитель государства и его подданные. Многие из них были обозначены еще греческими философами, заложившими необходимые для их решения теоретические основы, сделавшими первые шаги в разработке ключевых понятий и терминов, которые вошли в научный вокабуляр римских авторов. Последние со временем стали заменять их в ряде случаев лексическими единицами латинского происхождения, так, термин «ректор» стал «лексическим эквивалентом греческого “политикос”» [18; с.308]. Более того, по мере развития в Риме различных направлений гуманитарного знания латынь превращается в язык «высокой» науки, отесняя на второй план греческий язык. Как указывает И.М. Тронский, уже с середины II в. до н.э. римские историки (которые совсем не были чужды политической проблематике) при написании своих произведений стали пользоваться латинским языком [16; с.580].

С другой стороны, по мере роста державной мощи Рима история его государственности, специфики функционирования политических институтов, причины, определившие длительность их существования, становятся предметом изучения греческих авторов, которые после превращения Греции во II в. до н.э. в римскую провинцию, в своем творчестве все чаще начинают опираться на материалы политического, философского, исторического характера, имеющие римское происхождение. В этом отношении показательна деятельность Полибия, греческого ученого и политического деятеля, долгие годы прожившего в Риме, автора произведения «Всеобщая история», в котором он рассматривает закономерности развития различных государств. При этом для обозначения факторов, задающих направленность происходящих событий, он использует понятия «судьба» и «природа», подчеркивая, что все государства в своем развитии проходят стадии возрастания, расцвета и упадка» [14]. Однако некоторые государства, подчиняясь велению судьбы, прекращают свое существование достаточно быстро, в то время как другие достигают величия и пребывают в подобном состоянии долгие века, что есть следствие правильности их государственного устройства, примером чему может служить Рим. На основе этого исходного тезиса Полибий создает учение о происхождении государства, о закономерностях, определяющих круговорот его форм и той из них, что может считаться лучшей.

Политические концепции Древнего Рима

Связывая возникновение государства со стремлением людей найти в его лице ту силу, которая поможет им преодолеть слабость и незащищенность, свойственные им в естественном догосударственном состоянии, Полибий, находясь под влиянием взглядов Платона и Аристотеля, заимствуя у них ряд политических терминов, называет правильные и неправильные формы государственного устройства, которые последовательно сменяют друг друга. К первым он относит царскую власть, аристократию и охлократию. Отмечая, что переход правильной простой формы в неправильную закономерен, Полибий утверждает о

необходимости замедления подобных превращений. Согласно его выводу, преимущества, присущие простым правильным формам государства должны найти свое воплощение в сложной смешанной форме, образцом которой является форма государственного устройства в Римской республике, где имеет место гармоничное сочетание трех властей – монархической, аристократической и демократической [17; с.25]. Это и обеспечило возвышение и державное могущество Рима, чему способствовало так же утвердившиеся в этом государстве обычаи, законы и нравы.

Названные положения перекликаются с теми, что были выдвинуты знаменитым римским юристом, оратором, политическим деятелем Марком Туллием Цицероном. Подобно своим предшественникам, Аристотелю и Полибию, Цицерон выделял правильные и неправильные формы государства. К первым он относил власть царей (монархию), власть оптиматов (аристократию) и власть народа (демократию). Отмечая их неустойчивость и склонность к перерождению, подтверждением чему служит то, что у царей власть отнимают тираны, у тиранов – оптиматы или народ, а у народа – их кланы (олигархия), Цицерон приходит к выводу о превосходстве над всеми прочими смешанной формы государства. Подобно Полибию, он рассматривает ее не как некий утопический проект, а как реально существующее государство – римскую аристократическую республику, которая, по словам А.М. Браговой, для него предстает как идеальная форма правления [2; с.94]. Оценивая вклад Полибия и Цицерона в разработку теории «смешанного государственного строя», А.М. Брагова подчеркивает, что первый из них применил созданную еще Платоном и Аристотелем греческую классификацию форм государственного устройства, а второй, будучи глубоким знатоком политических реалий римской жизни, наполнил ее конкретным римским содержанием [11].

Научное творчество Цицерона и его политическая деятельность приходятся на первую половину и середину I в. до н.э., время, когда римская аристократическая республика погружалась в состояние глубокого кризиса. Как отмечал Г.С. Кнабе, начиная с рубежа I века в Риме «постоянно и почти одновременно шли крупные внешние войны, войны междоусобные и гражданские, сопровождавшиеся взятием Рима то одной партией, то другой, резней на улицах», а в разных частях страны происходили восстания» [12; с.10]. Политическая специфика данного периода римской истории способствовала тому, что предметом внимания и исследования у Цицерона выступает широкий круг проблем, многие из которых ранее, в иных условиях просто отсутствовали, либо не обнаруживали себя в полном объеме и грядущей беспрецедентной остротой.

Вместе с тем, обращаясь к вопросам, определявшим проблематику античной политической мысли, Цицерон, беря за основу высказанные до него идеи и суждения, развивает их, нередко предлагая несколько иную трактовку, а также привнося в политическую лексику новые понятия и термины. Примером тому может служить истолкование Цицероном причин, приведших к возникновению государства. Если изначально это событие он связывал с силой красноречия, способствующей объединению людей в рамках государственной организации, затем в качестве причины, подобно Полибию, называл слабость людей и невозможность в одиночку противостоять всякого рода опасностям, то в диалоге «О государстве» он вкладывает в уста одного из собеседников утверждение, согласно которому государства – следствие врожденного стремления человека к общежитию, что перекликается с точной зрения Аристотеля [19; с.135]. Государство,

согласно Цицерону, – достояние народа, а народ – это соединение людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов [20]. При этом Цицерон, говоря о государстве, отказывается от использования таких терминов как «регнум» (*regnum*), посредством которого обозначалась власть царя, и «цивитас» – городская община. Это объяснялось тем, что была выдвинута концепция, согласно которой государство – это не только сообщество людей, правителя и граждан, приверженных общим моральным ценностям, подобно тому как оно рисовалось в учении Аристотеля, но и правовое общение (*juris societatis*), основанное на наличии общего интереса. Соответственно, в условиях кризиса римской государственности концепция эта была направлена на ее укрепление, что предполагало осуществление политического управления на принципах справедливости, утверждаемой на основе норм естественного права. Исходя из этого, Цицерон использует понятие «государство» – «республика», определяемое как достояние (дело народа): *res publica est res populi*.

Ранее термин «*res publica*» означал «имущество», но в трактовке Цицерона – это система отношений, объединяющих граждан, а потому она и выступала как достояние народа. По утверждению А.М. Браговой, республика в этом смысле предстает как смешанная конституция, где *potestas* (*potestas* – официальная власть) представлена магистратом (должностным лицом) *auctoritas* (приказание, предписание, исполнительная власть) – аристократам, *libertas* (свобода) [3]. Согласно же замечанию А.Б. Егорова, ссылающегося на зарубежные публикации, «термин “*res publica*” не всегда и не во всем соответствовал его современному значению», поскольку в понимании римлян он означал не республиканский строй или коллегиальное управление, а государство вообще», альтернативой ему был термин «*nulla res publica*» [11; с.35]. Отказываясь признавать наличие объективных причин кризиса республиканской формы правления в Риме, Цицерон, упоминая в своих речах о «прискорбном положении государства», склонен был видеть в этом влияние субъективного фактора, выступая за обретение мира и спокойствия, используя термин – *otium* [4; с.46], который в ином смысловом контексте может переводиться как «досуг, праздность» [10; с.56].

Не желая видеть объективные основы кризиса республиканской государственности в Риме, Цицерон, упоминая в своих речах о «прискорбном положении государства», склонен был видеть в этом влияние субъективного фактора – нравственную ущербность, порочность людей, готовых во имя своих властолюбивых устремлений, находясь во власти низменных страстей, разжигать пожар гражданской войны, поднимать мятежи, давать начало всевозможным смутам, к чему их может толкать и стремление избежать наказания за ранее совершенное преступление, наличие всякого рода имущественных проблем, приступы безумия. Отвергая подобные действия, чреватые гибелью для республики, Цицерон обличает ее врагов, наполняя свои речи различными понятиями, посредством которых раскрывает их нравственный облик, характеризует действия, совершаемые ими. Одним из таких понятий выступает понятие *audacia* (*audacia*) – «дерзость», «наглость», употребляемое в сочетании со словами, обозначающими различного рода преступные деяния (*caedes*, *crimen*, *facinus* и т.д.). При этом Цицерон указывает, что проявление наглости обусловлено желанием получить как можно больше денег, но своим результатом может иметь гибель людей, общества, государства [5; с.17]. Так же достаточно часто для обличения недостойных деяний низменных помыслов людей, приобщенных к власти и ведущими борьбу за обладание ею, Цицерон использует понятие «либидо» (*libido*) в сочетании с этическими категориями

(*audacia*, *avaritia* и др.), имеющими отрицательную смысловую нагрузку. В собственно политическом смысле таким образом Цицерон характеризует деяния недостойного правителя, вершащего произвол, а в более узком смысле речь идет о «телесной страсти, противопоставленной душевному наслаждению» [2; с.29]. Для обозначения всего положительного в социально-политической жизни, противоположного тому, что предстает как «либидо», он использует понятие *lex* (закон), *aequitas* (равенство перед законом) и др., антогонистичными по своему содержанию понятиям «произвол» и «насилие» [2; с.30].

Следует отметить, что проблема нравственной деградации общества поднималась многими философами и политическими мыслителями Рима. Так, еще Катон Старший (II-III вв. до н.э.) указывал на то, что забвение нравственных норм, которым более привержены предшествующие поколения, грозит римскому народу тяжелыми последствиями, а упоминаемый выше Полибий писал, что наряду с внешними причинами, способствующими разрушению государства, существуют внутренние, к числу которых он относил падение нравов, обусловленное ростом властолюбивых настроений, спесивостью и расточительностью. Сходные суждения высказывал римский историк Саллюстий, упоминая о нравах и установлениях предков (*instituta majorum*) гражданской общины (*de moribus civitatis*), позволявших им осуществлять государственное управление (*rem publicam habuerint*).

Что же касается Цицерона, то адресуя свои разящие инвективы разрушителям римской республиканской государственности, он выражал уверенность, что она могла бы существовать вечно при условии, если бы все граждане жили по заветам и обычаям отцов (*res publica poterat esse perpetua, si patriis viveretur institutis et moribus*). В этом же духе выдержано другое высказывание Цицерона о том, что своим происхождением римское государство обязано нравам (*mores*) и мужам (*viri*) [18; с.307]. Оба эти образа корреспондируются друг с другом, поскольку правитель должен был быть идеальным гражданином, на что указывали еще греческие философы, наделившими его добродетелями, возникших в условиях полисной государственности. В Риме во времена, когда он еще сам представлял собой лишь город-государство, предполагаемый греками образ идеального гражданина, был воспринят и синтезирован с тем, что возник на основе ценностных установок, характерных для римского полиса. Этот идеал обозначался как *Vir bonus*. Соответствие ему предполагало наличие всевозможных личностных качеств и добродетелей (*virbutes*), проявленных в различных сферах деятельности, в том числе политической, и получивших одобрение со стороны сограждан. Первоначально это словосочетание означало «хороший хозяин», «гражданин, опытный в общественных делах», но со временем оно приобретает нравственный смысл («муж добра») [9; с.185]. Как отмечает С.Л. Утченко, это понятие было применимо не только для описания образа «земледельца, но и воина и государственного деятеля» [19; с.185]. Более того, даже ценностные представления, лежащие в основе этого понятия, не были утрачены даже после того, как Рим расстался со своим полисным прошлым и обрел имперское «настоящее».

Что же касается образа правителя как гражданина, наделенного государственной властью, то по установке римских авторов, формировались под влиянием идеи меритократии, выдвинутой все теми же греками, согласно которой управление в государстве должны осуществлять наиболее знающие и мудрые люди. Так, по словам Сократа, поскольку управление государством есть великая добродетель и искусство, то царями и правителями

должны быть те, кто знает, как править. Эту же мысль развивает Платон, утверждавший, что властью в идеальном государстве должны обладать философы, а также склонный считать, что такое государство может возникнуть из тирании, во главе которой будет стоять молодой и знающий правитель.

Подчеркивая, что к нравственному разложению подвержены, как правители, так и простой народ, Цицерон, как отмечает А.М. Брагова, выход «из сложившейся ситуации видит в улучшении нравов (*mores*), в проведении некоей нравственной реформы» [6]. Ее влияние должно затронуть все уровни государственной власти: монархический (консул, магистраты), аристократический (сенат) и демократический (трибуны и народные комиции), с тем, чтобы все государственные мужи служили безопасности и благосостоянию граждан. Согласно идее Цицерона, идеальная государственная власть воплощает справедливость, благодеяния, благоразумие, величие духа, умеренность – все то, что определяется понятием *virtus* (доблесть), что позволяет ей управлять государством и обладать авторитетом (*auctoritas*).

Размышления римских философов и политических деятелей о несовершенствах существующего государственного устройства и людских пороках продолжением имели разработку вопроса о качествах, которыми должен обладать идеальный гражданин и идеальный правитель. Более конкретен в своих размышлениях о добродетелях идеального правителя Салюстий, образцом для подражания которого выступают Катон и Цезарь. Если Катону, отмечает он, присущи безупречность жизни, суровость, постоянство, умеренность, нравственная чистота, стремление соревноваться с другими людьми в проявлении доблести, скромности, воздержанности и бескорыстия, то Цезарю были присущи щедрость, милосердие и сострадание, благотворительность, трудолюбие, готовность поддерживать друзей, даже в ущерб собственным интересам, в сочетании со стремлением к власти и готовность проявить свою доблесть, командуя армией на поле боя [19; с.209-210].

Что же касается Цицерона, то, согласно его определению, нравственные качества, которыми должен обладать правитель, – это мужество (*virtus*), милосердие (*dementia*), справедливость (*justitia*) [19; с.212]. Обращаясь к данному вопросу Цицерон разработал свою концепцию, одним из идейных оснований которой выступает негативное отношение к установлению долгосрочной диктатуры, что нашло выражение в «терминологии, применяемой им для обозначения правителя» [7; с.1]. В зависимости от смыслового контекста Цицерон использует термин ректор (*rector*) – правитель, действующий во благо государства, аристократ-реформатор; *princeps* – инициатор неких деяний, и первый по рангу, *auctor* – руководитель, *tutor* – защитник, *procurator* – управитель государства, *gubernator* – кормчий государственного корабля, *moderator* – управляющий, *conservator* – охранитель. Обозначая терминологически отдельные аспекты деятельности правителя, Цицерон подчеркивает, что он должен быть благоразумен (*prudens*), склонен к обучению и познанию нового (*cogitio*), быть справедливым и добродетельным к римским гражданам. Как пишет А.М. Брагова, «цицероновский правитель представляет собой наилучшего человека из среды аристократов, который благодаря своим исключительным качествам способен вывести римскую республику из кризиса» [7; с.1].

Несмотря на то, что создание Цицероном образа идеального правителя было напрямую связано с его стремлением сохранять в Риме республиканские формы правления, в литературе, посвященной данному вопросу, представлена точка зрения, согласно которой в действительности речь идет об идейном обосновании установления новой формы правления

– принципата. Аргументом в пользу этого утверждения выступает то, что терминология используется Цицероном для обозначения качеств, которыми должен обладать идеальный правитель, отчасти совпадает с той, что использовалась императором Октавианом Августом, характеризовавшим содержание провозглашенной им политики – мужественность (*virtus*), милосердие (*clementia*), справедливость (*justitia*), благочестие (*pietas*). Подтверждением монархической переориентации Цицерона якобы служило то, какие термины и определения он подбирал для обозначения политического статуса лица, осуществлявшего государственное управление (*rector rei publicae*) [18; с.303]. Однако подобные сходства и совпадения свидетельствуют о наличии доминирующей, а скорее даже безальтернативной тенденции в сфере государственно-политических отношений, суть которой заключалась в том, что выход из затянувшегося кризиса, переживаемого сенатской аристократической республикой был сопряжен с переходом правления в руки правителя, обладающего огромными властными полномочиями. И если Цицерон, используя термин «принцепс», возможно был бы не против увидеть во главе государства просвещенного правителя, наделенного полномочиями, сопоставимыми с теми, что римляне в трудные для республики времена представляли должностным лицам, именуемых диктаторами, то большая часть представителей господствующего класса поддержала установление имперского правления, представлявшего собою монархию элементами военной диктатуры, камуфлируемой формальным сохранением некоторых республиканских атрибутов. По словам Г.С. Кнабе, «Дальше так государство жить не могло, и после ряда попыток установления режима единоличной власти, способного покончить с войнами, развалом и распрями, <...> Рим перешел в 40-е годы к новому государственному строю, увидеть торжество которого, весь его блеск и всего тени Цицерону суждено не было» [12].

Политическая наука Древнего Рима

Утверждение имперской государственности существенным образом повлияло на состояние политической науки. Так, подвергается сомнению правильность утверждения о предпочтительности государственного устройства со смешанной формой правления. В этом отношении показательна позиция Тацита, писавшего, что «всеми государствами и народами правят или народ, или знатнейшие, или самодержавные властители», а «получивший образ правления, который сочетал бы и то, и другое, и третье, легче превозносить на словах, чем осуществлять на деле, а если он и встречается, то не может быть долговечным» [15; с.123].

Вопросы, касающиеся природы государства, закономерностей, определяющих длительность его существования и направленность политических процессов, поднимались и представителями римского стоицизма (Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет), опиравшихся в своих размышлениях на положения, выдвинутые их греческими предшественниками. Особую популярность учение стоиков приобретает в I-II в. до н.э. в условиях, когда Римская империя, раскинувшись на трех континентах, удерживала под своей властью множество народов, при том что дистанция между этой властью и рядовым гражданином по сравнению с былыми временами неизмеримо увеличивалась как в прямом, так и переносном смысле слова. Это обстоятельство способствовало формированию нового типа мировосприятия, изменило представления людей о месте в системе государственно-политических отношений, тех социальных добродетелях, носителями которых они должны быть. Неудивительно, что у римских стоиков не первый план выходят проблемы морального характера – смысл жизни, покаяние, ценностные установки, призванные влиять на человеческое поведение, что

наложило заметный отпечаток на их истолкование природы политики, государства, права, понятия, выражения, термины, используемые для их описания и анализа. Ключевые из них – «судьба» – право природы, которому подчинены все человеческие установления, само государство и его законы.

В эпоху Римской империи проблем государственного управления рассматривавшихся под углом зрения ценностей «Вечного Рима», всеобщего и универсального порядка – обозначаемого термином *taxis* [13; с.268]. При этом одной из наиболее значимых задач, стоящих перед императорами, была легитимизация собственной власти, обоснование правильности и разумности проводимого политического курса, утверждаемых правовых институций и норм. В эпоху принципата этому должно было служить провозглашение императора, первым сенатором принцепсом, отличающимся от всех прочих и масштабом авторитета и всевозможными гражданскими заслугами. Однако в скором времени начинает утверждаться культ императоров, «отождествляемых с солнцем и соединяющих в себе черты боговдохновенного мудреца, пророка, справедливого правителя и полководца» [13; с.268], что определяло специфику политической жизни, когда политический строй империи получил определение доминат, поскольку верховный правитель империи начинает именоваться доминусом – господином. Его возникновение способствует утверждению новой политической идеологии и в рамках которой понятие «космополис», как обозначающее единое мировое естественное государство, членами которого являются все люди. По словам Сенеки, необходимо представить два государства: одно включает в себя богов и людей, а его границы «мы измеряем движением солнца», другое же – это то, к которому нас приписала случайность и оно касается не всех людей, а только определенные группы [1; т.1, ч.1, с.507]. Эти установки в сознании правителей Рима и их окружения могли соседствовать и определенным образом влиять на видение ими проблем.

Заключение

Подводя итоги сказанному следует отметить, что римская политическая наука в своем движении по пути познания политики как одного из наиболее значимых созидательных феноменов, изначально отталкивалась в своих исканиях от проблематики, обозначенной греческими философами, используя выработанные ими понятийно-категориальный аппарат и терминологию, достигли впечатляющих результатов.

Масштабы, сложность, противоречивость политических процессов и явлений, имевших место в огромном Римском государстве, потребовали от политической науки их теоретического осмысления, совершенствования методов исследования политической реальности, способствовали обогащению научного языка новыми понятиями и терминами латинского происхождения, а их многообразие и семантические возможности стали значимым фактором, определяющим их присутствие в вокабуляции современной политологии.

Литература

1. *Богатов В.В.* Антология мировой философии: в 4 т. 1969-1972. М.: Мысль.
2. *Брагова А.М.* Понятие *libido* в оценке Цицерона [Электронный ресурс] // *Juvenis Scientia*. 2017. № 8. С. 28-31. DOI: 10.15643/jscientia.2017.8.007
3. *Брагова А.М.* Понятие «государство» в сочинениях Цицерона [Электронный ресурс] // Самарский научный вестник. 2016. № 1(14). С. 93-37. DOI:

<https://doi.org/10.17816/snv20161204>

4. Брагова А.М. Социально-политическое содержание понятия «otium» в сочинениях Цицерона [Электронный ресурс] // *Juvenis Scientia*. 2017. № 1. С. 45-47. DOI: 10.15643/jscientia.2017.1.013
5. Брагова А.М. Текстологический анализ употребления понятия «audacia» в трудах Цицерона [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2017. № 3. С. 17. DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00004
6. Брагова А.М. Цицерон о падении нравов и необходимости нравственной реформы в Римской республике I в. до н.э. [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2016. № 2. С. 1-8. DOI: 10.24411/2308-8079-2016-00001
7. Брагова А.М. Цицероновский образ правителя [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2016. № 4. С.1. DOI: 10.24411/2308-8079-2016-00002
8. Веселовский И.Н. Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. 1966. М.: Наука, 224 с.
9. Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Язык политической науки античной Греции [Электронный ресурс] // *Язык и текст*. 2019. Том 6. № 4. С. 9–15. DOI:10.17759/langt.2019060402
10. Грималь П. Цицерон. 1991. М.: Молодая гвардия, 544 с.
11. Доманина С.А. Многозначность понятия в трудах римских авторов эпохи поздней республики [Электронный ресурс] // *Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского*. 2012. № 1(2). С. 56-59. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2012_1\(2\)/12.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2012_1(2)/12.pdf) (дата обращения: 02.02.2022).
12. Егоров А.Б. Античная демократия и римская политическая система (античные и современные политические теории) [Электронный ресурс] // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2009. № 4. С. 34-47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnaya-demokratiya-i-rimskaya-politicheskaya-sistema-antichnye-i-sovremennye-politicheskie-teorii> (дата обращения: 02.02.2022).
13. Кнабе Г.С. Проблема Цицерона // *Цицерон*. 1991. М.: Молодая гвардия, 544 с.
14. Огурцов А.Г. Политика // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3*. 2010. М.: Мысль, С. 268-272.
15. Тронский И.М. Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Т.1. 1969. СПб.: Наука, 393 с.
16. Тронский И.М. Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Т.2. 1969. СПб.: Наука, 369 с.
17. Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.). 1986. М.: МГУ, 183 с.
18. Тыжов А.Я. Полибий. Всеобщая история. 2-е изд. 1994-1995. СПб.: Ювента, 424 с.
19. Утченко С.Л. Древний Рим: События. Люди. Идеи. 1969. М.: Наука, 324 с.
20. Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима. 1977. М.: Наука, 256 с.

References

1. Bogatov V.V. *Antologiya mirovoi filosofii: in 4 vol.* 1969-1972. Moscow: Mysl'. (In Russ.).
2. Bragova A.M. Ponyatie libido v otsenke Tsitserona [The concept of libido in Cicero's assessment]. *Juvenis Scientia*, 2017, no. 8, pp. 28-31. DOI: 10.15643/jscientia.2017.8.007 (In Russ.).
3. Bragova A.M. Ponyatie «gosudarstvo» v sochineniyakh Tsitserona [The concept of "state" in Cicero's writings]. *Samarskii nauchnyi vestnik=Samara Scientific Bulletin*, 2016, no. 1(14), pp. 93-37. DOI: <https://doi.org/10.17816/snv20161204> (In Russ.).

4. Bragova A.M. Sotsial'no-politicheskoe sodержanie ponyatiya «otium» v sochineniyakh Tsitserona [Socio-political the content of the concept of "leisure" in the writings of Cicero]. *Juvenis Scientia*, 2017, no. 1, pp. 45-47. DOI: 10.15643/jscentia.2017.1.013 (In Russ.).
5. Bragova A.M. Tekstologicheskii analiz upotrebleniya ponyatiya «audacia» v trudakh Tsitserona [Textual analysis of the use of the concept of "daring" in the writings of Cicero]. *Studia Humanitatis*, 2017, no. 3, pp. 17. DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00004 (In Russ.).
6. Bragova A.M. Tsitseron o padenii npravov i neobkhodimosti npravstvennoi reformy v Rimskoi respublike I v. do n.e. [Cicero on the decline of morals and the need for moral reform in the Roman Republic of the I century BC]. *Studia Humanitatis*, 2016, no. 2, pp. 1-8. DOI: 10.24411/2308-8079-2016-00001 (In Russ.).
7. Bragova A.M. Tsitseronovskii obraz pravatelya [The Ciceronian image of the ruler]. *Studia Humanitatis*, 2016, no. 4, pp.1. DOI: 10.24411/2308-8079-2016-00002 (In Russ.).
8. Veselovskii I.N. Tsitseron. Dialogi: O gosudarstve. O zakonakh. 1966. Moscow: Nauka, 224 p. (In Russ.).
9. Vititnev S.F., Shmeleva A.V. Yazyk politicheskoi nauki antichnoi Gretsii [The language of political science of ancient Greece]. *Yazyk i tekst=Language and text*, 2019. Vol. 6, no. 4, pp. 9–15. DOI:10.17759/langt.2019060402 (In Russ.).
10. Grimal' P. Tsitseron. 1991. Moscow: Molodaya gvardiya, 544 p. (In Russ.).
11. Domanina S.A. Mnogoznachnost' ponyatiya v trudakh rimskikh avtorov epokhi pozdnei respubliki [The ambiguity of the concept in the works of Roman authors of the late Republic era]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im N.I. Lobachevskogo=Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 2012, no. 1(2), pp. 56-59. Available at: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2012_1\(2\)/12.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2012_1(2)/12.pdf) (Accessed 02.02.2022). (In Russ.).
12. Egorov A.B. Antichnaya demokratiya i rimskaya politicheskaya sistema (antichnye i sovremennye politicheskie teorii) [Ancient democracy and the Roman political system (ancient and modern political theories)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta=Bulletin of St. Petersburg University*, 2009, no. 4, pp. 34-47. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnaya-demokratiya-i-rimskaya-politicheskaya-sistema-antichnye-i-sovremennye-politicheskie-teorii> (Accessed 02.02.2022). (In Russ.).
13. Knabe G.S. Problema Tsitserona. *Tsitseron*, 1991. Moscow: Molodaya gvardiya, 544 p. (In Russ.).
14. Ogurtsov A.G. Politika. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: in 4 vol. Vol. 3*. 2010. Moscow: Mysl', pp. 268-272. (In Russ.).
15. Tronskii I.M. Kornelii Tatsit. Sochineniya: in 2 vol. Vol. 1. 1969. Saint-Peterburg: Nauka, 393 p. (In Russ.).
16. Tronskii I.M. Kornelii Tatsit. Sochineniya: in 2 vol. Vol. 2. 1969. Saint-Peterburg: Nauka, 369 p. (In Russ.).
17. Trukhina N.N. Politika i politiki «zolotogo veka» Rimskoi respubliki (II v. do n.e.). 1986. Moscow: MGU, 183 p. (In Russ.).
18. Tyzhov A.Ya. Polibii. Vseobshchaya istoriya. 2-e izd. 1994-1995. Saint-Peterburg: Yuventa, 424 p. (In Russ.).
19. Utchenko S.L. Drevnii Rim: Sobytiya. Lyudi. Idei. 1969. Moscow: Nauka, 324 p. (In Russ.).
20. Utchenko S.L. Politicheskie ucheniya drevnego Rima. 1977. Moscow: Nauka, 256 p. (In Russ.).

Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.
Язык и проблематика политической науки Древнего
Рима
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 35–48.

Vititnev S.F., Shmeleva A.V.
The Language and Problems of the Political Science of
Ancient Rome
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 35–48.

Информация об авторах

Вититнев Сергей Федорович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Шмелева Анна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Information about the authors

Sergey F. Vititnev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science, Moscow Region State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Anna V. Shmeleva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Получена 01.03.2022
Принята в печать 15.03.2022

Received 01.03.2022
Accepted 15.03.2022

«В миру пребудешь как инок»: мотив послушания и аскезы в миру у Достоевского. К 200-летию русского гения

Сузи В.Н.

Независимый исследователь, г. Вантаа, Финляндия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7493-4282>, e-mail: vnsuzi@yandex.ru

Идея спасения в миру задает тему скита и мира, иночества в миру, мирской святости в культуре. Иночество видится состоянием души независимо от статусного положения. В статье рассматриваются художественные образы иноков в миру. Рассматриваются два романа Достоевского «Идиот» и «Преступление и наказание». Доказывается, что в романе «Идиот» главный герой выступает как мистик-визионер и миссионер-подвижник, он во всем положительно прекрасен, избыточно одарен чувством правды, красоты, такта, лада. Мысль автора организована многоуровнево и динамично, раскрывается в триаде: тезис, антитезис, синтез. В образе Алеши Карамазова воплощен замысел «о христианине», который вполне реализовать в Мышкине автору не позволила историческая реальность и тип личности. Любое творение – не только лицо автора в его подвижной данности, но и исход из нее, творческая метанойа.

Ключевые слова: Федор Михайлович Достоевский, мир, иночество, послушание, аскеза, святость, катарсис, теодицея, русская идея, герой времени.

Для цитаты: Сузи В.Н. «В миру пребудешь как инок»: мотив послушания и аскезы в миру у Достоевского. К 200-летию русского гения [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 49–60. DOI:10.17759/langt.2022090104

“You Will Remain in the World as a Monk”: the Motive of Obedience and Asceticism in Dostoevsky's World. To the 200th Anniversary of the Russian Genius

Valerii N. Suzi

Independent researcher, Vantaa, Finland,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7493-4282>, e-mail: vnsuzi@yandex.ru

The idea of salvation in the world sets the theme of the hermitage and the world, monasticism in the world, worldly holiness in culture. Monasticism is seen as a state of mind regardless of status. The article examines the artistic images of monks in the world. Two Dostoevsky novels "The Idiot" and "Crime and Punishment" are

considered. It is proved that in the novel "Idiot" the main character acts as a visionary mystic and a missionary ascetic, he is positively beautiful in everything, excessively gifted with a sense of truth, beauty, tact, harmony. The author's thought is organized multilevel and dynamically, revealed in a triad: thesis, antithesis, synthesis. In the image of Alyosha Karamazov the idea of "about a Christian" is embodied, which the historical reality and personality type did not allow the author to fully realize in Myshkin. Any creation is not only the face of the author in his mobile reality, but also the outcome from it, a creative meta-idea.

Keywords: Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, peace, monasticism, obedience, asceticism, holiness, catharsis, theodicy, Russian idea, hero of time.

For citation: Suzi V.N. “You Will Remain in the World as a Monk”: the Motive of Obedience and Asceticism in Dostoevsky's World. To the 200th Anniversary of the Russian Genius. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 49–60. DOI:10.17759/langt.2022090104 (In Russ.).

Введение

Как известно, каяться и спасаться идут в монастырь, в «соседство Бога». Но опытные аскеты знают, уход в *затвор* может обернуться *бегством из мира*; *скит* бывает опасней *мира*. В миру сложнее, в нем кругом бытовые искусства, в келье же – свои, духовные.

Условием спасения является смирение, *послушание*, в миру и скиту соотносимые как терапия и хирургия, укрощение и отсечение своеволия. Идея *спасения в миру* задает тему *скита* и *мира*, *иночества в миру*, *мирской святости* в культуре: в кризисные моменты вопрос выбора путей резко обостряется. *Иночество* видится состоянием души независимо от статусного положения.

Художественные образы – «иноки» в миру

Христообразные, почти иконописные Мышкин и Алеша, «иноки» в миру, близки друг другу как пути реализации автором образа *положительно прекрасного человека*, поиска *героя времени*, *христоподобия* и *благообразия* (что суть не едино как потенция и актуализация). Оба героя из дворян, живут идеей *служения*. Нельзя не согласиться с выводами В.Н. Захарова о том, что «У Достоевского нет лишних и маленьких людей. Они принципиально невозможны в его мире. Каждый безмерен и значим, у каждого – свое Лицо. Постижению тайны человека Достоевский учился у великих предшественников – Шекспира и Бальзака» [8].

В этом ключе характеры размышления еще одного героя – *русского европейца* Версилова о миссии дворянства. От служения Богу, державе идея эволюционировала к «диссидентскому» полюсу культуры: «Служить бы рад, прислуживаться тошно» [5; с. 55]. Модус Курбского и Чацкого – не *мирское* служение, не *в миру*, а *миру*. Происходит подмена цели, ценностей, вектора. Но они сколь схожи, столь и различны (один – *послушник*, другой – *мирянин*)! Существенно и то, что один послан в мир старцем: «Благословляю тебя на великое послушание в миру. Много тебе еще странствовать. И ожениться должен будешь, должен. Все должен будешь перенести, пока вновь прибудеши. А дела много будет. <...> Горе узришь великое и в горе сем счастлив будешь. Вот тебе завет: в горе счастья ищи. Работай, неустанно работай» [7; 14, с. 71-72]. «Около братьев будь», – велит старец. Князь-«инок» сам избрал свой путь (у него нет церковного опыта послушания. Его *скитом* стала клиника

Шнейдера). К тому же он обречен на безбрачие, ему «жениться нельзя по болезни» его. Но Алеша весь *вырастает из родной почвы*, неразрывен с ней не только внутренне, но и условиями жизни; князь же *возвращается домой* из Швейцарии. Локус Кальвинова ригоризма передает бытовой характер «спасения» как самого князя, так и защищаемой им *бедняжки Мари*; Женева – *приют* скорбных главою, *болящих духом* сирых «овечек» и «рыщарей бедных».

И.В. Дергачева отмечает, «Активно участвуя в судьбе главных героев романа, князь Мышкин находит наконец для себя цель жизни, в этот момент Россия для него становится родной, о чем он сообщает в разговоре с Рогожиным» [6; с. 180]. Здесь следует упомянуть о мировоззрении самого Достоевского. Как пишут в своем исследовании С.Ф. Вититнев и А.В. Шмелева, «Писатель подчеркивал, что русскому народу присуща жажда всеобщего всенародного всебратского единения, вера, что он спасётся в конце концов всеобщим объединением во имя Христа» [2; с.54]. В.Н. Захаров убежден, что «В научном определении антропология Достоевского – христианская. Для Достоевского в каждом человеке заключен образ Божий, образить, обожить – восстановить образ Божий и тем самым очеловечить человека» [8].

Мышкин предстает заступником, *утешителем*, а не «спасителем» (в случае с Мари и Настасьей Филипповной), обнаруживая морально-психологический, *гуманистический* план спасения. Выражение *бедный* в приложении к герою многозначно: выражает его социально-душевное состояние, общее сочувствие к нему и Христову нищету духа. Сюжет князя и Мари окутан флером сентиментальности, близкой отзывчивости Алеши. Слово автора включает в себе динамику от первых к последним смыслам. Вначале князь беден буквально (с одним узелком в руках), в финале – «нищ духом» клинически. Романист дает все оттенки, грани образа, двоит и троит его, занят огранкой, выявляя его смысловую бездонность и скрытый ослепительный блеск. Нельзя не отметить и тот факт, на который обращает внимание Т.А. Касаткина, «мы видим, что роман уникально в рамках творчества самого Достоевского структурирован. Он начинается с явления двойственного героя, который есть «оба», и с некоей задачи, которая перед этим героем обозначается, – и заканчивается окончательным соединением этого героя. Мало того, в самом начале Рогожин рассказывает князю Мышкину о третьем лице, для которого, для соединения с которым, им и нужно собраться в эту совокупность, которое, собственно, и есть их общая задача. Это лицо – Настасья Филипповна» [9; с.18].

Автор романов о *преображении эроса* тяготеет к *аскезе любви* и *мистике сердечного долга*, а не к ригоризму, величию форм и суровости ритуала. Ему ближе экспрессия порыва, экстаза. Даже у его Инквизитора, чья *бедность* экстравертна, внушительна, эстетизирована, *простота* суровой ризы выразительно подчеркнута. Князю и Алеше тем более присуще нравственно-практическая *мистика* и *аскеза* послушания, а не их обрядовость и условность. Но их простодушие различно по тональности. Различие проступает и в создании князем и Алешей детской общины. *Маленький юродивый* Алеша (как в раздражении бросает гордая Катерина Ивановна), подобно князю, на Илюшином *камне* (ребенок побит камнями, напоминая *жертву строения*) основал детскую семью (малую церковь, не альтернативу, а образ, *придел* Церкви) *братьев общинной жизни*. В его поступке проступает духовная глубина, приглушенная у князя, отсвет жертвы Искупления (Вспомним Христово: «на камне сем созижду Церковь»); а рассуждение о поедании блинов, напоминающем умаление солнца,

отсылает к бескровной жертве Евхаристии, благодарения: «Творите сие в память о Мне» и кеносису Христа). Слово Алеши о *солнцевороте* хранит память о культе Рода, но христианство преобразует имена и знаки пантеизма (Христос зовется Солнцем правды), что углубляет этико-психический аспект *швейцарских* мыслей князя. При общей склонности к деятельно-молитвенному состоянию *созерцания* (*умное делание* – высший тип творчества: творение сердцем (совместно с Богом) себя «внутреннего», очищение, преображение, метанойя ума, зачатие, вынашивание, рождение Христа в себе (в терминах католичества), спасение души), богатстве воображения, близости психо-типов (князь – эпилептик; Алеша унаследовал от матери-кликучи духовный восторг) есть элемент, радикально отличающий их друг от друга. Алеша позитивно действен в миру, тогда как отзывчивый князь в *святой простоте* чаще обостряет ситуацию, являясь неммым укором и катализатором драмы; в них розно отражена мысль автора о *жестокости деятельной любви*.

Достоевский обращает внимание читателя на внутреннее состояние героев. Так, знаки приближения припадка у князя: «Он задумался, между прочим, о том, что в эпилептическом состоянии его была одна степень почти перед самым припадком (если только припадок проходил наяву), когда вдруг, среди грусти, душевного мрака, давления, мгновениями как бы воспламенялся его мозг и с необыкновенным порывом **напрягались** разом все жизненные силы его. Ощущение жизни, самосознания почти удесятерилось в эти мгновения, продолжавшиеся как молнии. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы **умиротворялись** разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное разума и окончательной причины. Но эти моменты, эти проблески были еще только предчувствием той окончательной секунды (никогда более секунды), с которой начинался самый припадок. Эта секунда была, конечно, невыносима.

Раздумывая об этом мгновении впоследствии, уже в здоровом состоянии, он часто говорил себе, что ведь все эти молнии и проблески высшего мироощущения и самосознания, а, стало быть, и «высшего бытия», ни что иное, как болезнь, как нарушение нормального состояния, а, если так, то это вовсе не высшее бытие, а, напротив, должно быть причислено к самому низшему. И, однако же, он все-таки дошел, наконец, до чрезвычайно парадоксального вывода: «Что же в том, что это болезнь? – решил он, наконец, – какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни?» <...>. Мгновения эти были именно только одним необыкновенным усилением самосознания, – если бы надо было выразить это состояние одним словом, – самосознания и в то же время самоощущения в высшей степени непосредственного. Если в ту минуту, то есть в самый последний момент перед припадком, ему случалось успевать ясно и сознательно сказать себе: «Да, за этот момент можно отдать всю жизнь!», то, конечно, этот момент сам по себе и стоил всей жизни. Впрочем, за диалектическую часть своего вывода он не стоял: отупение, душевный мрак, идиотизм стояли пред ним ярким последствием этих «высочайших минут» [7; 8, с.188].

«Серьезно, разумеется, он не стал бы спорить. В выводе, то есть в его оценке этой минуты, без сомнения, заключалась ошибка, но действительность ощущения все-таки несколько смущала его» [7; 8, с.188]. «В этот момент, – как говорил он однажды Рогожину, в

Москве, во время их тамошних сходов, – в этот момент мне как-то становится понятно необычайное слово о том, что времени больше не будет». «Вероятно, – прибавил он, улыбаясь, – это та же самая секунда, в которую не успел пролиться опрокинувшийся с водой кувшин эпилептика Магомета, успевшего, однако, в ту самую секунду обзреть все жилища Аллаховы» [7; 8, с.189]. Обращает на себя внимание употребление глаголов «напрягались» и «умиротворялись», не противопоставленных друг другу, а сближенных. Возникает единство полярностей без борьбы («неслыханное и негаданное ... чувство полноты»). А в центре пассажа – смысловой узел: «Эта секунда была, конечно, невыносима». Эта сцена вызывает разные ассоциации по поводу природы мифопоэтических видений князя. Спрашивается, мучительно или восторженно «невыносима» (Ср. у Пушкина: «восхищенья не снесла...»)? Двойной смысл раскрывается во фразе об «эпилептике Магомете», где миг слился с вечностью (вода из падающего кувшина Магомета напоминает осколки китайской вазы – знак психологического типа князя, судеб с ним связанных (Настасья Филипповны, Аглаи, Рогожина)). Читатель по праву скорее поверит в психопатию пророка, чем в пневмпатию князя. Но признание героя о наступающем мраке возвращает нас к реальности: ставит под вопрос «*молитвенное*» слитие с самым высшим синтезом жизни». Импульс бессловесных «состояний» стихийно слеп, иллюзорен. Князь перед свиданием с Аглаей вспоминает свои мысли из времени пребывания в Альпах: «И у всего свой путь, и всё знает свой путь, с песнью отходит и с песнью приходит; один он ничего не знает, ничего не понимает, ни людей, ни звуков, всему чужой и выкидыш. О, он, конечно, не мог говорить тогда этими словами и высказать свой вопрос; он мучился глухо и немю; но теперь ему казалось, что он всё это говорил и тогда, все эти самые слова, и что про эту «мушку» Ипполит взял у него самого, из его тогдашних слов и слез. Он был в этом уверен, и его сердце билось почему-то от этой мысли...» [7; 8, с.352]. Знаменательна связь «выкидыша» с мыслями Ипполита (Ср: «дух немый и глухий» в Благой вести, «умный и могучий дух» Инквизитора, «демоны глухонемые» Тютчева, «Недоносок» Баратынского). Время и образы его видения смещаются. После этого князь в полусне видит страдающую Аглаю, и... Аглая в самом веселом расположении духа оказывается перед ним.

По поводу «озарений» князя уместен вопрос: он так одарен духом, что не нуждается в духовнике? Возникает впечатление, что он, как Христос, лишен личной вины. Отсюда попытки критики уравнивать их, тогда как герой «христоподобен», отчасти «христообразен». Исключать дары Духа в мирянине нет резона; в экстазах возможно наличие благодати (как и в язычестве). Спасаются и не по канону. Дело в ее полноте. Озарения князя совестны, а тьма в нем – от Адамова греха. Но со-весть – еще не Весть, и автор-христианин не допускает подмен. Искомая вина князя (не прямая, косвенная) – в умозрении, избытке воображения, в прекраснотушии. Его «мистика» эйфорийна, лишена трезвения, опыта аскезы.

Выразил ли слом его психики мысль автора? Отчасти! Он отразил экстатичность западной мистики. Как это часто бывает: мыслилось одно, получилось нечто иное; но эксперимент состоялся. Вглядимся в истоки этих озарений героя. Как реакция на действие извне они стихийны, произвольны. Свой восторг князь называет *молитвенным*, тогда как в нем доминирует аффект (*прелесть*, чуждая православию). У князя он достигается сосредоточением мыслей на моно-идее. В его «молитвенных слитиях» есть *слития*, нет молитвы, она сведена к метафоре, а не действию. Князь вопрошает: что преобладает в его состоянии – болезнь души или подъем духа? П. Вогэ [3] понял образы как аллегии, в то же

время придав им буквальность, свел их к свету Люцифера. Безусловно, это не преображение, а диагноз, иначе пришлось бы принять тезис о люциферизме, усиленной одержимости. А это был бы иной герой, сюжет, тема; упор на духовном аспекте здесь оказывается не в пользу князя.

Молитва, в отличие от экстаза, жива собиранием воли; *видения* – ее итог, а не исток, не стихийная вспышка на пути во мрак. Невольные видения князя двойки; вспомним, об *эпилепсии* Смердякова сказано: «Созерцателей в народе довольно» [7; 14, с.117]. Созерцания отражают ущерб или благодать духа.

Духовное может пронизывать состояние, но не вызывается им, несводимо к нему, поскольку свет, что «во тьме светит, и тьма не объяла его», привносится извне как семя логоса-духа, а не порожден психо-физическим истоком; среда, тьма, тайна, мрак апофатики – всего лишь вынашивающее лоно.

Восторг князя вызван напряжением, разрешающимся взрывным высвобождением энергии и опустошением (не то – у Алеши; у него восторг сменяется волевым действием). Энтузиазм князя имеет фиксируемый, но не управляемый волей тип. Автор намечает контур ситуации, грань как бы размыта, но непреложна; вопрос оставлен открытым. Ведь наша душа – средоточие мира, как бы дана в откуп приживальщику (старый срамник спорит с прогрессистом Миусовым, чья «квартира» завидней). Но мир не есть зло. Неофиту все, что идет не прямо от Бога, сомнительно. Но дары опосредованы, и претензия на прямой контакт с Ним – протестантская, сектантская по истоку. Творец – крайний Судия, а не злой издоимец. В князе свет и мрак, импульс и неверие в себя смешаны. Различение одержимости (благой и губительной вариаций) и психоза составляет трудность случая. Опыт его ярок, неоднозначен, и поэтому требует проверки. Аскеза духа предостерегает от излишней доверчивости: лучше отринуть Христа, чем принять двойника Его. «Не позволяй себя доверить чему-либо, <...> не вверься поспешно явлению, хотя бы оно было истинное и благое: пребывай хладным к нему и чуждым, постоянно сохраняя ум свой безвидным, не составляющим из себя никакого изображения... Бог не прогневается на того, кто, опасаясь прелести, с крайней осмотрительностью наблюдает за собою, если он и не примет чего, посланного от Бога, не рассмотрев посланное со всею тщательностью; напротив того, Бог похваляет такого за его благоразумие» [5]. Так Дева усомнилась в словах ангела: «Как будет это, когда Я мужа не знаю» (Лк. 1:34). И неверие не вменено Фоме в вину, а лишь в назидание.

Известны случаи искушения аскетов светом, например, св. Никиты Новгородского. Сомнение – одновременно знак и маловерия, и зрячей веры, чуждой наивного простодушия. Воодушевление, вдохновение нетождественны одухотворению. Конечно, любая осторожность не излишня, но не должна перерасти в испуг. Искать же *мутные лики в авторе*, возводить *его* веру к панпсихизму и пр. представляется излишним; ему чужда как манипуляция образом, так и зачарованность им. Видение Алешей Каны внешне близко озарениям князя; но оно – итог молитвенного состояния; его *свете тихий* негасим. Мотовилов передает озарение светом преп. Серафима. Автор ощупью, духовно-поэтической интуицией нащупывает критерии истины. В князе сошлись отблеск Фавора и болезнь души, но это не свет Люцифера, не одержимость духом зла.

Реализация художественного образа: мотивы послушания и аскезы в миру

Князь – мистик-визионер, миссионер-подвижник. Но его школой-скитом стала клиника, он лишен аскезы ума, даже страдая, к кресту он не припадает (Его опыт близок Фету: «Не жизни жаль с томительным дыханьем...»). Катарсис героя чреват *трагическим* очищением *от чувств*, неосветленные молитвой порывы души доводят его до диагноза. Не закаленный аскезой ум оказался сломлен, сердце же сохранилось чисто. Он во многом остался сыном природы, наивно умного XVIII века. Это тот *христианский натурализм*, что нашел у писателя прот. В. Зеньковский [10] (верно оценивший его до сер. 60-х гг., но не далее), присущий опыту Эриугены, Франциска, Иоахима, Фомы.

Автору вняты «органические» состояния, не выходящие за грань *натуральной* соборности, близкой, например, Ап. Григорьеву. Но *русская идея* князя оплодотворена Христом, ему герой верен до конца. Потому при сходстве с критиком он лишен черт *terrible infante*. И решать его посмертную судьбу автор не берется, поскольку не уходит за грань добра и зла, в иное измерение. Герой же находится в ожидании суда между отчаянием и надеждой, его судьба не завершима смертью. И не жажда оправдания (кто ж его достоин?!), а *милости*, определяет его чувство жизни. Иначе речь шла бы о моральной победе, где опора – лишь на себя, где он обречен. Но князь – не жертва среды и не стоик. И потому природа жизнелюбия героя требует проверки в *каждом* своем проявлении. Разные ситуации могут выявлять в ней разные истоки. Определяющей у автора предстает не теодицея (тема Ивана), а антроподицея; его герои нуждаются в сострадании, и князь-заступник – прежде всех. Мы уже отмечали, «Без сомнения, гораздо отчетливей в благообразных героях проступают черты чтимых писателем русских подвижников. Элементы западной святости присутствуют в его повествованиях, но скорее, в констатирующей, а часто и откровенно иронической, форме» [11; с.76].

Герой Достоевского князь Мышкин во всем *положительно прекрасен*, избыточно одарен чувством правды, красоты, такта, лада. Автор воплощает в нем все *человечески* лучшее. Мысль автора организована многоуровнево и динамично, раскрывается в триаде: тезис, антитезис, синтез. Но в князе нет завершения, как у Гегеля. Он, скорее, клонит к тому, что *разумное – действительно*, т.е. к субъективации идеи, чем к оправданию жизни разумом. Но это и не субъективный идеализм, не *философия жизни*, интуиция, выросшая из панлогизма Гегеля, а *жизнецентризм*, *религия жизни*. Как сказано в другом романе: *кончилась диалектика, началась жизнь*. Точнее, это иная диалектика, одушевленная жизнью, а не умозрением. С *эвклидовой логикой* князь и не спорит, понимая: *всему свое место и час*. *Идиотизм* его привел к гибели ума, но не души, сердца. Это победа личности в ее поражении эмпирикой. Он *павший*, а не *падший* боец. Не будь ущерба, не было бы искушения. И суд над ним может быть лишь милосердным. Двойные – психические и пневматические – мотивации встраиваются автором в Христову иерархию ценностей. Автор будто «иллюстрировал» героем книгу Фомы Кемписа «Подражание Христу». Но сам в соблазн не впал, почуяв лже-мистику, неприятие ее опыта русскими аскетами (поначалу и Рим признал трактат ересью, позднее приняв его как средство привлечения прихожан в Церковь). Неслучаен и вопрос князя себе.

Припадание Алеши к земле имеет иную, чем у князя, эмоционально-мистическую окраску. «Алеша глядел с пол-минуты на гроб, на закрытого, недвижимого, протянутого в гробу мертвеца, с иконой на груди и с куколем с восьмиконечным крестом на голове. Сейчас только он слышал голос его, и голос этот еще раздавался в его ушах» [7; 14, с.327]. Не

отсылает ли она к «Мертвому Христу» Гольбейна в доме Рогожина? А «икона на груди» напоминает о прижимаемом к груди образе Богородицы в «Кроткой». И в то же время, сколь они отличны друг от друга! Так «бунт» Алеши отсылает к мысли о «беспоощадности» природы, не пожалевшей лучшее из своих созданий, «человекобога»). В вопрошании смысла скрыт страшный искус «смертобожничества» и исток воскресения души, видение Каны... (Картина напоминает грандиозные образы ночи Тютчева, Лермонтова, в «Инквизиторе», «Каменном госте»). «Он еще прислушивался, он ждал еще звуков... но вдруг, круто повернувшись, вышел из кельи». Какая-то сила вытолкнула его вовне. «Он не остановился и на крылечке, но быстро сошел вниз. Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. <...> Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю» [7; 14, с.328]. Это не пантеистское *растворение* себя в мире, а Христово *приятие* его в себя. Вот образ брачного пира: трепетна неискусомужняя душа ввиду Жениха, бездыханна земля в объятиях Неба. Не обнажение ли это глубин жизни («Бездна бездну призывает» песнью сердца)? В покаянном погружении ума в сердце плоть и дух едины: «Простить хотелось ему всех и за все и просить прощения, о! не себе, а за всех, за все и вся (как говорит Зосима, «и у птичек»), а «за меня и другие просят», – прозвенело опять в душе его» [7; 14, с.328]. Таков плод *деятельно жестокой* любви, связующей мир страхом Божиим, благодатью смертной памяти! Слово трезвения жизнеподательно. «Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его – и уже на всю жизнь и на веки веков» – здесь и стилистика, и психология гимнов, святоотеческих писаний. «Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою душу в тот час», – говорил он потом с твердою верой в слова свои...» [7; 17, с.328]. Дух и душа, благо и мораль соотнесены в нем, как небо и земля.

Герой Достоевского Алеша Карамазов повержен не миром, а *любовью*, как Иаков Богом; подготовлен к служению, подвигу в миру опытом *скита* и знанием жизни. «Через три дня он вышел из монастыря что согласовалось и со словом покойного старца его, повелевшего ему «пребывать в миру» [7; 14, с.328]. Это шаг к *практическому христианству*, выстрадавшему в *затворе души* опыту аскета-мистика. В ученике живет восторг, сплав *горячки, бунта* Ивана и *умиления* Зосимы, их *беспоощадность* мысли, готовность быть верными избранному, *претерпеть до конца*, необходимые для *спасения через себя – всего мира* (мысль Серафима Саровского отдана автором Зосиме). Есть в нем и *насекомых сладострастие*, *сила низости карамазовской, плотоядие*– Блаж. Августин отмечал: «Если под “бездной” мы разумеем великую глубину, то разве же сердце человеческое не есть бездна? И что глубже этой бездны?.. Или ты не веришь, что в человеке есть бездны столь глубокие, что они скрыты даже от него самого, в ком, однако, пребывают?» [1], преодолеваемые *братней любовью-agape*. В Алеше автор углубляет мысль о социально и духовно *активном* христианстве (что не противоречит созерцанию как молитвенному деланию). Послушник-мирянин у него – «румянощекий» «реалист», «ранний человеколюбец», закаленный *падением* боец. В нем заново испытывается образ *мирской праведности*, возможность *спасения в миру*, а в Зосиме –

обожения *здесь и сейчас* (интуиция Максима Исповедника, исихазма, свт. Григория Паламы). Это опыт, чуждый мечте, умозрению, экстазу (Франциска Ассизского, эпилепсии Магомета). Потому не станем возводить *видения* князя к Люциферу (по П. Вогэ), в них есть ответ Неба.

В вопросе истоков никакая осторожность не излишня. Но закален ли *рыцарь бедный* опытом жизни в Духе, готов ли к подвигу несокрушимой воли? В его визионерстве явствен ущерб. Князь и повержен своевольно взятой на себя ношей. И потому автору понадобился иной герой, не сюжет о *положительно прекрасном человеке*, а книга про бойца Христова, твердого душой, *духом*.

Признавая, что «Идиот» – «роман о христианине» (слова самого писателя), уточним: князь отражает внеконфессиональное исповедание веры, тогда как Алеша являет русско-православное. Речь князя о «народе-богоносце» прерывается казусом с вазой. Драматическая коллизия окрашена в тона иронии, *проверки* на прочность, реалистичность, жизнеспособность героя и идеи автора бытом. В князе праведное идет от детской чистоты и слабости, от *мечты* (Наша культура славит кеносис Спаса, *инока в миру*. Так Хомяков, в отличие от Соловьева чуждый *мистике*, организовал быт *аскезой*, которой чурался философ. Опытом славянофила стала *мирская праведность*, чаемая в «Монастыре на Казбеке» и «Страннике» Пушкина, упреждающих богоборчество «Мцыри». Но *пустыня мира* философов и поэтов лишена единства мистики и аскезы, угаданного Пушкиным, Тютчевым, Достоевским и востребованного ХХ-м веком. Оптинский опыт сродни творческому, ибо поэт-*послушник* призван Творцом). Он не так *хриstopодобен*, как «идеален», порой вызывая насмешку окружающих и резкие упреки критики, читателей. Потому автор, любя его, идя от христообразия к усилению психолого-бытовой достоверности, к укоренению духовного в *почве*, углубил его церковно-народным, национальным типом благообразия. Герой прозревает Бога в каждом человеке; автор указывает на невозможность не любить человека во Христе.

Об угрозе разделения и смещения Бога и человека своим князем автор нас и предупреждает. Создать в «Идиоте» тип жизнеспособного христианина ему не позволил недостаток опыта в этой сфере. Он убоился «скандално» *сомнительного* героя и из блистающего мрака священнобезумия вернул его в глухой мрак клиники. Духовное сиротство «князя Христа» (аналог земного одиночества Идеала) убило его; жертва оказалась невольная, потому не спасающая. *Экзистенциальный стыд* князя оказался глубже *эмпирического знания* греха, что привело его к гибели. Не в этом ли его житейская *слабость*, предстающая *нравственной силой*? Но ситуацию резонней оценить в проекции *силы*, в *слабости свершающейся*. На мировоззренческих критериях схлестнулись противники и сторонники князя. Но как итог очевидно, что автор в нем вскрыл ущербность фурыеризма и утвердил Христовы ценности. Житейски достоверный, но страшный исход не вполне удовлетворил автора. Необходим был столь же реальный, но опирающийся на церковный, не вызывающий отторжения и *соблазна* опыт; жизнь его предоставила в старцах из Оптиной.

В Алеше Карамазове воплощен замысел «о христианине», который вполне реализовать в Мышкине автору не позволила историческая реальность и тип личности. Духовное трезвение отвращало Достоевского от греха, присущего *оргиастам* Серебряного века, обратившим *святость в миру* в постулат *святости мира*, в концепт «священной плоти». Отсюда их любовь к западному типу «святости» (Франциск Ассизский, Фома Кемптен, иоахимизм),

тяготеющему к гностике. Их оценки страдают экстаичной рассудочностью, подменяющий объект поклонения: Творца – творением, Церковь – культурой, где сакрализуются ее деятели, процесс и продукт творчества, состояние прельщения. Происходит самообожествление (*самозванство*). Различие скрыто в едва уловимых акцентах, в тончайших нюансах, подвижной, но непреложной грани. Князь стал этапом реализации образа *положительно прекрасного человека* на пути «практическому» (нетождественно – обрядовому) христианству. К «жестоко деятельной любви» Зосимы и Алеши-ученика, в коих духовный восторг и умиление тесно переплетены с суровой аскезой послушания, порыв с дисциплинарным началом. Так что укор автору эстетствующего ригориста Леонтьева, не увидевшего *цветущей сложности* православной мистики и аскезы в них, бьет мимо цели.

Заключение

Наблюдая черты образа *русского Христа* в Девушкине, мужике Марее, страннике Макаре, Мышкине, Тихоне, Зосиме, Алеше [13], отметим: князь тяготеет к западному типу кеносиса. «Народные» типы – первые среди равных (первенство чести), князь – идеален и в ущербе, юродстве, он – *дитя среди взрослых*. В нем аффектация – от Франциска: он сносит заушение, Алеша – укус Илюшечки. Если в Зосиме смирение от знания греха, то в князе – от ущерба, не по его вине. Зосима кроток едва ли не статусно, дисциплинарно, как власть имущий в любви, а князь смирен избыточно, едва ли не искусительно, «провокативно» (мотив схизматика – *претерпеть*). Разница – в тоне, а между ним и визионерами Запада в том, что он мирянин, и в нем исток озарений – со-весть (знаменуемая эпилепсией, поскольку естество нетождественно духу), тогда как их порывам, видениям приданы формы вероучения. Они и вызываются сознательно. Так дар со-вести, *врожденное* «скопчество» («скопцы от рождения» отличны от «скопцов» по обстоянию и доброхотных «скопцов» в Духе. Князь и Алеша, сочетая состояния, встречающиеся как в скиту, так и в миру, тяготеют каждый к своему полюсу) могут стать началом и гибели, и воскресения. Не издержки ли *западно-восточного* «Исуса», синтеза, чуждого «почве» *русского Христа*, и жажду сближения, отразил в князе-иноке *жестокый* в Истине автор? Князь воплощает *христианский натурализм* Бёме, Сведенборга, Сковороды; Алеша и Зосима – *христианский гносис* Максима Исповедника, отчасти Григория Нисского. В творческой воле св. Отцов и автора сошлись два порой поляризуемых пути опыта Христа – мистика и аскеза любви. Неслиянные и сближающиеся полюса создают напряжение духа, движение от межконфессионального «подражания» через «русского Христа» к «русскому иноку», от гуманной идеи, идеала-универсума и народного Лица к национально-вероисповедному отражению Его, светлomu «отблеску в лицах». Это неуклонно последовательная динамика, уследимая на микронном уровне образной системы писателя.

Наши наблюдения отражают его опыт *следования Христу*, мысль о *русском Христе*, православный (в Алеше-«не мистике») и внеконфессиональный (князь-визионер) типы социально-духовного служения.

Схожие суждения столь разных К. Леонтьева, В. Зеньковского, В. Лурье, вероятно, приложимы к «Идиоту», но плохо работают в отношении «Братьев Карамазовых». Грань прошла по 1868 г., времени создания раннего «романа о христианине». Попутно заметим, любое творение – не только лицо автора в его подвижной данности, но и исход из нее, творческая метанойа. Воплотив идею, изжив ее самодостаточность, автор видит иной ее

Сузи В.Н.
«В миру пребудешь как инок»: мотив послушания и
аскезы в миру у Достоевского. К 200-летию русского
гения
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 49–60.

Suzi V.N.
“You Will Remain in the World as a Monk”: the Motive
of Obedience and Asceticism in Dostoevsky's World. To
the 200th Anniversary of the Russian Genius
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 49–60.

уровень [12].

Литература

1. *Августин А.* Исповедь. 1991. М.: «Ренессанс», СП ИВО – СИД, 488 с.
2. *Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.* Эволюция и идейные особенности социально-политических воззрений Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 45–58. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-45-5
3. *Вогэ П.Н.* Достоевский: свержение идолов. 2003. СПб.: «Всемирное слово», 255 с.
4. *Грибоедов А.С.* Горе от ума. 1988. М.: Художественная литература, 751 с.
5. *Синаит Г.* Творения. 1999. М.: Изд. Новоспасский монастырь, 159 с.
6. *Дергачева И.В.* Танаталогический дискурс в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» [Электронный ресурс] // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 175-191. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6782
7. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. 1972-1990. Ленинград: Наука.
8. *Захаров В.Н.* Художественная антропология Достоевского [Электронный ресурс] // Проблемы исторической поэтики. 2013. №. 11. С. 150-164. DOI: 10.15393/ j9.art.2013.377
9. *Касаткина Т.А.* Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: о высшей и низшей природе человека [Электронный ресурс] // Христианское чтение: Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2021. № 4. С. 14-30. DOI: 10.47132/1814-5574_2021_4_14
10. *Тихомиров Б.Н.* Дискуссионные вопросы интерпретации христианского мировоззрения Достоевского в свете работ В.В. Зеньковского // Достоевский и XX век: В 2 т. Т. 1. 2007. М.: ИМЛИ им. М. Горького РАН, С. 199-216.
11. *Сузи В.Н.* Достоевский и преп. Максим Исповедник [Электронный ресурс] // Культура и текст. 2013. № 1(14). С. 74-83. URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2013/07/%D1%81%D1%83%D0%B7%D0%B820131.pdf> (дата обращения: 18.02.2022).
12. *Сузи В.Н.* Подражание Христу в романной поэтике Ф.М. Достоевского. 2008. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 190 с.
13. *Шульц О. фон.* Русский Христос // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XIX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Выпуск 2. 1998. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. С. 31-41.

References

1. Avgustin A. Ispoved'. 1991. Moscow: «Renessans», SP IVO – SID, 488 p. (In Russ.).
2. Vititnev S.F., Shmeleva A.V. Evolyutsiya i ideinye osobennosti sotsial'no-politicheskikh vozzrenii F. M. Dostoevskogo [Evolution and ideological features of F. M. Dostoevsky's socio-political views]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*=*Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 45–58. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-45-5 (In Russ.).
3. Voge P.N. Dostoevskii: sverzhenie idolov. 2003. Saint-Peterburg: «Vsemirnoe slovo», 255 p. (In Russ.).
4. Griboedov A.S. Gore ot uma. 1988. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 751 p. (In Russ.).
5. Sinait G. Tvoreniya. 1999. Moscow: Izd. Novospasskii monastyr', 159 p. (In Russ.).

Сузи В.Н.
«В миру пребудешь как инок»: мотив послушания и
аскезы в миру у Достоевского. К 200-летию русского
гения
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 49–60.

Suzi V.N.
“You Will Remain in the World as a Monk”: the Motive
of Obedience and Asceticism in Dostoevsky's World. To
the 200th Anniversary of the Russian Genius
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 49–60.

6. Dergacheva I.V. Tanatologicheskii diskurs v romane F.M. Dostoevskogo «Idiot» [Tanatological discourse in F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot"]. *Problemy istoricheskoi poetiki=Problems of Historical poetics*, 2019. Vol. 17, no. 2, pp. 175-191. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6782 (In Russ.).
7. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: in 30 vol. 1972-1990. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
8. Zakharov V.N. Khudozhestvennaya antropologiya Dostoevskogo [Dostoevsky's artistic anthropology]. *Problemy istoricheskoi poetiki=Problems of historical poetics*, 2013, no. 11, pp. 150-164. DOI: 10.15393/ j9.art.2013.377 (In Russ.).
9. Kasatkina T.A. Roman F. M. Dostoevskogo «Idiot»: o vysshei i nizshei prirode cheloveka [Dostoevsky's novel "The Idiot": about the higher and lower nature of man]. *Khristianskoe chtenie: Nauchnyi zhurnal Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi=Christian Reading: Scientific Journal of the St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church*, 2021, no. 4, pp. 14-30. DOI: 10.47132/1814-5574_2021_4_14 (In Russ.).
10. Tikhomirov B.N. Diskussionnye voprosy interpretatsii khristianskogo mirovozzreniya Dostoevskogo v svete rabot V.V. Zen'kovskogo. *Dostoevskii i XX vek: in 2 vol. Vol. 1. 2007. Moscow: IMLI im. M. Gor'kogo RAN*, pp. 199-216. (In Russ.).
11. Suzi V.N. Dostoevskii i prep. Maksim Ispovednik [Dostoevsky and Rev. Maxim the Confessor]. *Kul'tura i tekst=Culture and Text*, 2013, no. 1(14), pp. 74-83. Available at: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2013/07/%D1%81%D1%83%D0%B7%D0%B820131.pdf> (Accessed 18.02.2022). (In Russ.).
12. Suzi V.N. Podrazhanie Khristu v romannoii poetike F.M. Dostoevskogo. 2008. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 190 p. (In Russ.).
13. Shul'ts O. fon. Russkii Khristos. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII-XIX vekov: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: Sbornik nauchnyi trudov. Vypusk 2. 1998. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU*, pp. 31-41. (In Russ.).

Информация об авторах

Сузи Валерий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, г. Вантаа, Финляндия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7493-4282>, e-mail: vnsuzi@yandex.ru

Information about the authors

Valerii N. Suzi, Doctor of Philology, Professor, Vantaa, Finland, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7493-4282>, e-mail: vnsuzi@yandex.ru

Получена 01.03.2022
Принята в печать 15.03.2022

Received 01.03.2022
Accepted 15.03.2022

О восприятии творчества Ф.М. Достоевского в литературном пространстве Сербии

Никанорова О.Н.

Институт мировых цивилизаций (НАНО ВО ИМЦ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3575-0245>, e-mail: olga_nikanorova@mail.ru

В статье представлен краткий обзор исследований, посвященных творчеству великого русского писателя Ф.М. Достоевского. Речь идет о работах, авторами которых являются представители сербской научной и богословской мысли. В работе прослеживаются основные этапы обращения к творчеству Ф.М. Достоевского в Сербии на фоне исторического развития сербской литературы и литературоведческой науки.

Ключевые слова: исследования, сербский язык, восприятие, творчество, литературное пространство.

Для цитаты: Никанорова О.Н. О восприятии творчества Ф.М. Достоевского в литературном пространстве Сербии [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 61–66. DOI:10.17759/langt.2022090105

Perception of the F.M. Dostoyevsky's Works in the Serbian Literary Space

Olga N. Nikanorova

Institute of World Civilizations, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3575-0245>, e-mail: olga_nikanorova@mail.ru

The article presents a brief overview of studies on the work of the great Russian writer F.M. Dostoyevsky. We are talking about works whose authors are representatives of Serbian scientific and theological thought. The paper traces the main stages of turning to the work of F.M. Dostoyevsky in Serbia against the background of the historical development of Serbian literature and literary science.

Keywords: literary studies, the Serbian language, perception, creation, literary space.

For citation: Nikanorova O.N. Perception of the F.M. Dostoyevsky's Works in the Serbian Literary Space. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 61–66. DOI:10.17759/langt.2022090105 (In Russ.).

В данной работе представлен краткий обзор сербских исследований, посвященных творчеству великого русского писателя. Речь идет о работах, авторами которых являются представители сербской научной и богословской мысли. Изучение творчества

Ф.М.Достоевского в Сербии носит разносторонний характер. В восприятии сербских исследователей писатель предстает не только как романист, но прежде всего как философ, как публицист, а также, как основоположник художественного направления в литературе, чьим традициям следует не одно поколение сербских авторов. Наиболее заметными и значимыми работами о творчестве Достоевского являются работы богословов преподобного Иустина Поповича, митрополита Амфилохия Радовича, а также литературоведов и писателей, таких как: Миливое Йованович, Никола Милошевич, Милосав Бабович, Драган Стоянович, Синиша Елушич и др.

Исторически языковые, литературные и культурные традиции сербского и русского литературного наследия связаны с возникновением общей письменности, с апостольской миссией святых Кирилла и Мефодия и первым переводом четвероевангелия на славянский язык. С момента основания первых образовательных учреждений в Сербии после освобождения от турецкого ига в середине XIX века изучение русской литературы и русского языка связано, в основном, с богословскими школами. При этом в сербских журналах того времени значительное место занимают переводы на сербский язык произведений крупных русских писателей XIX столетия: А.С.Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, И.А.Гончарова, А.Н.Островского, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого и А.П.Чехова. В конце XIX века, в октябре 1877 года, в Белградском университете началось преподавание русского языка и русской литературы. На рубеже XIX - XX веков у сербской интеллигенции была возможность ознакомиться с русской литературой в учреждениях образования, а также по ведущим литературным журналам типа «Летопис Матице српске», «Српски књижевни гласник» или «Дело», где регулярно публиковались переводы отдельных произведений и критические обзоры новых монографий, портреты писателей, статьи на актуальные темы.

Интерес сербской науки к русской литературе возникает, когда русская традиция глубоко проникает в сербское литературное творчество. Поворот к фундаментальному исследованию русской классики и тенденций в русской литературе и культуре произошел между двумя мировыми войнами. После создания Королевства сербов, хорватов и словенцев югославское правительство радушно приняло многочисленных российских эмигрантов, среди которых преобладали деятели искусства, интеллигенция. Вклад российской эмиграции в югославскую и сербскую культуру весьма значителен. В той атмосфере широкие читательские круги Югославии и специалисты, стали все больше интересоваться русской литературной традицией. Это привело к появлению тщательно выполненных репрезентативных переводов крупнейших писателей: Толстого, Чехова, Достоевского.

Творчество Достоевского и проблемы теоретического осмысления его наследия, как в целом, так и на примере отдельных произведений, занимают важное место в сербском литературоведении и богословии. На протяжении всего XX века и в начале XXI выдающиеся сербские исследователи обращались к творческому наследию Ф.М.Достоевского.

Сербский богослов, преподобный Иустин Попович изложил свое видение творчества Достоевского в работе «Философия и религия Ф. М. Достоевского», написанной в 1922 году. В предисловии к изданию он пишет: «Начиная с моих пятнадцати лет, Достоевский мой учитель. Признаюсь— и мой мучитель. Уже тогда он увлек меня и покорила своей проблематикой. Я понял, что его проблемы — это вечные проблемы человеческого духа. И если человек называется человеком, то он должен ими заниматься. А Достоевский весь в этих проблемах, и потому во всех своих исканиях он — настоящий человек. Его

превосходство в том, что в вечные проблемы человеческого духа он внес вдохновение пророка, пламень апостола, искренность мученика, грусть философа, прозорливость поэта».[1]

В 1931 году прп. Иустином Поповичем была написана книга «Достоевский о Европе и славянстве». Она посвящена новым исповедникам православия свт. Тихону, патриарху Всея Руси и Варнаве, патриарху Сербскому. Преподобный Иустин обращается к творчеству любимого им Ф.М. Достоевского как пророка и провидца последних судеб Европы, России и Славянства. В этой книге прп. Иустин вдохновенно писал: «Достоевский— пророк, ибо он всечеловек... В полноте своей личности он — и пророк, и мученик, и апостол, и поэт, и философ. Он принадлежит всем мирам и всем людям, ибо он как всечеловек необъятен и неисчерпаем. Этот человек — для всех всечеловек, и всем он родной: родной сербам, родной болгарам, родной грекам, родной французам, родной он всем людям на всех континентах. Он — в каждом из нас, и каждый из нас может найти себя в нем».[2]

«По пророчеству Достоевского, новое слово, которое Россия скажет миру — это Православие. Из-за своей апостольской ревности в проповедании Богочеловека Христа и Его Евангелия Достоевский с правом назван «неустрасимым проповедником Имени Господнего».[3] — пишет в своей книге сербский мыслитель и святой XX века прп. Иустин Попович.

По мысли прп. Иустина, «Достоевский сумел увидеть тайну Европы, пророчески возвестил закат ее культуры, религии и всей цивилизации, построенной на вере в непогрешимость и самодостаточность европейского человека. Вместе с тем Ф.М. Достоевский является апостолом Православия, России и Славянства в истории. Православное славянство придет на смену западной цивилизации. Будучи носителем и хранительницей чистоты Православия, Россия откроет новую религиозную эпоху мировой истории, духовно объединит и поведет человечество вновь ко Христу. Тем самым Россия сумеет спасти современный мир от духовной катастрофы и тупика, в котором он оказался под влиянием «непогрешимой» Европы».[4]

В работе «Сербия в публицистике Достоевского» литературовед и переводчик, переведивший произведения Ф.М. Достоевского на сербский язык, Милосав Бабович пишет: «Достоевский является не только большим писателем, но и выдающимся гражданином, личностью активно участвовавшей в общественной жизни. В молодости он был участником революционного кружка, а после ссылки стал публицистом, автором статей и издателем журналов «Время» и «Эпоха», а также альманаха «Дневник писателя». Сам факт издания журналов и альманаха свидетельствует о том, что писатель стремился выразить свои взгляды не только посредством художественных образов, но и в публицистических произведениях».[5]

М. Бабович отмечает, что публицист Достоевский не только зорко видел, что происходило тогда, но во многом предвидел то, что будет происходить в дальнейшем, а поэтому пророческие рассуждения писателя и по сей день звучат весьма актуально, так как Россия, по-прежнему, противостоит врагам Православия. В Дневнике писателя за 1876/1877 г. Достоевский неоднократно упоминает Сербию в связи восстанием в Герцеговине и сербско-турецкой войной. Писатель говорит о том, что Восточный, или Славянский вопрос возник как следствие освоения турками Византии. Со времени падения Константинополя все восточное христианство обратило свой вопрошающий взор к России, предчувствуя ее грядущую мощь и надеясь на свое спасение. В рассуждениях по поводу Восточного вопроса

Достоевский большое внимание уделяет Сербии, что связано с ее важнейшей ролью на Балканах.

В своей публикации М.Бабович приводит цитаты из «Дневника писателя», где Достоевский пишет: «Сербия вышла в поле, надеясь на свою силу, но, уж разумеется, она знает, что окончательная судьба ее зависит вполне от России; она знает, что только Россия сохранит ее от гибели в случае большого несчастья — и что Россия же, могущественным влиянием своим, поможет ей сохранить за собою, в случае удачи, возможный максимум выгоды. Она знает про это и надеется на Россию, но знает тоже и то, что вся Европа смотрит теперь на Россию с затаенною недоверчивостью и что положение России озабоченное. Одним словом, всё в будущем, но как же, однако, поступит Россия? Вопрос ли это? Для всякого русского это не может и не должно составлять вопроса. Россия поступит *честно* — вот и весь ответ на вопрос. Пусть в Англии первый министр извращает правду пред парламентом из политики и сообщает ему официально, что истребление шестидесяти тысяч болгар произошло не турками, не башибузуками, а славянскими выходцами, — и пусть весь парламент из политики верит ему и безмолвно одобряет его ложь: в России ничего подобного быть не может и не должно».[6] Для сербских исследователей тема противостояния России и мира западного на Балканах на протяжении столетий стоит остро, так как линия противостояния проходит по их землям, по их воззрениям, мироощущению и вере.

Ф.М. Достоевский и его творчество как романиста, философа и публициста не теряют актуальности на протяжении вот уже двух столетий. Об этом говорят и пишут в разных странах, в том числе и в Сербии. В сборнике «Сербская мысль о русской литературе» один из исследователей творчества Достоевского П. Моспан пишет: «Чем дальше во времени мы уходим от Достоевского, тем больше убеждаемся, что он не только принадлежит истории литературы, но и является нашим живым современником, а его страстное творческое слово находит отклик в тревожных событиях наших дней. Откуда такая актуальность? Основная причина, почему люди сегодня, по-прежнему, и даже чаще, чем раньше, обращаются к Достоевскому, заключается в том, что он с большой творческой силой, остро, жестко ставит действительно неизбежные, всегда злободневные вопросы о смысле жизни, о морали и этике, о человеке и обществе, о природе познания и истине, об убийстве и насилии, о мучителях и жертвах. С этими волнующими проблемами мы встречаемся почти на каждом этапе исторического развития и повсюду вокруг нас. Может быть, поэтому Достоевский — один из самых читаемых авторов во всем мире».[7] Действительно, на протяжении всего XX века во всем мире на многих языках продолжали читать и перечитывать произведения русского писателя.

В Сербии читают Достоевского, продолжают изучать и полемизировать. «Достоевский — очень противоречивый писатель с исключительно сложной духовной и художественной структурой, многосторонний, неисчерпаемый, до сих пор не до конца понятый, неразгаданный, о нем нет окончательно установленного, ясно сформулированного, общепринятого мнения, которое бы могло войти, скажем, в учебник. Полемические столкновения вокруг литературного наследия Достоевского, сопровождавшие его при жизни, не прекратились и после смерти».[8]

Сербский народ традиционно имеет доброе отношение к России и русскому народу. В Сербии чтят память русских царей, полководцев, писателей и поэтов. Ф.М. Достоевский и его творчество как писателя, публициста и религиозного мыслителя занимает значительное

место в культурном и общественном пространстве Сербии. Многие произведения Ф.М. Достоевского переведены на сербский язык. Сербская литература впитывала в себя творческие подходы и художественную специфику русского писателя. Выдающиеся сербские литературоведы, философы и богословы изучали и продолжают изучать творчество Ф.М. Достоевского.

Литература

1. *Бабовић М.* Србија у публицистици достојевског [Электронный ресурс] // 50 година Међународног славистичког центра. Књ. 1, Велике теме српске књижевности: Научни састанак слависта у Вукове дане (1971-2019). 2019. № 1. С. 691–703. DOI: 10.18485/msc50.2019.1.ch59
2. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 год. [Электронный ресурс] Федоръ Достоевскій. Антология жизни и творчества. URL: <https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1876/06/05/> (дата обращения: 28.02.2022)
3. *Попович Т.* Сербская мысль о русской литературе. 2015. Белград: Филологический факультет Белградского Университета, С. 29.
4. *Попович Т.* Сербская мысль о русской литературе. 2015. Белград: Филологический факультет Белградского Университета, С. 43.
5. *Прп. Иустин (Попович)* Достоевский о Европе и славянстве. 1998. СПб.: ИД «Адмиралтейство», С. 13.
6. *Прп. Иустин (Попович)* Философия и религия Достоевского [Электронный ресурс] Предание.ру URL: <https://predanie.ru/book/195975-filosofiya-i-religiya-dostoevskogo/> (дата обращения: 28.02.2022)
7. *Прп. Иустин (Попович)* Философия и религия Достоевского. 2014. Минск: Изд-во Дмитрия Харченко, 448 с.

References

1. Baboviћ M. Srbija u publitsistitsi dostojevskog. *50 godina Međunarodnog slavistichkog tsentra. Књ. 1, Velike teme srpske književnosti: Nauchni sastanak slavista u Vukove dane (1971-2019)*, 2019, no. 1, pp. 691–703. DOI: 10.18485/msc50.2019.1.ch59
2. Dostoevskii F.M. Dnevnik pisatelya. 1876 god. *Федоръ Dostoevskii. Antologiya zhizni i tvorchestva*. Available at: <https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1876/06/05/> (Accessed 28.02.2022)
3. Popovich T. Serbskaya mysl' o russkoi literature. 2015. Belgrad: Filologicheskii fakul'tet Belgradskogo Universiteta, pp. 29.
4. Popovich T. Serbskaya mysl' o russkoi literature. 2015. Belgrad: Filologicheskii fakul'tet Belgradskogo Universiteta, pp. 43.
5. Prp. Iustin (Popovich) Dostoevskii o Evrope i slavyanstve. 1998. Saint-Peterburg: ID «Admiralteistvo», pp. 13.
6. Prp. Iustin (Popovich) Filosofiya i religiya Dostoevskogo. Predanie.ru Available at: <https://predanie.ru/book/195975-filosofiya-i-religiya-dostoevskogo/> (Accessed 28.02.2022)
7. Prp. Iustin (Popovich) Filosofiya i religiya Dostoevskogo. 2014. Minsk: Publ. Dmitriya Kharchenko, 448 p.

Информация об авторах

Никанорова Ольга Николаевна, магистр лингвистики, преподаватель Научно-образовательного

Никанорова О.Н.
О восприятии творчества Ф.М. Достоевского в
литературном пространстве Сербии
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 61–66.

Nikanorova O.N.
Perception of the F.M. Dostoyevsky's Works in the
Serbian Literary Space
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 61–66.

центра межкультурной коммуникации, Институт мировых цивилизаций (НАНО ВО ИМЦ), г.
Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3575-0245>, e-mail:
olga_nikanorova@mail.ru

Information about the authors

Olga N. Nikanorova, Master of Linguistics, Lecturer at the Scientific and Educational Center for
Intercultural Communication, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3575-0245>, e-
mail: olga_nikanorova@mail.ru

Получена 01.03.2022
Принята в печать 15.03.2022

Received 01.03.2022
Accepted 15.03.2022

Сестра милосердия – баронесса Ю.П. Вревская. К вопросу создания художественного образа

Шмелева А.В.

Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Ломатова А.Е.

Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2249-3216>, e-mail: lomatova09@mail.ru

Лунёва Е.Д.

Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9793-9967>, e-mail: yevgeniya_luneva@mail.ru

Статья посвящена баронессе Ю.П. Вревской, которая невзирая на статус и положение в обществе, стала сестрой милосердия. Ей посвящали свои лучшие произведения русские и европейские авторы. Ю.П. Вревская стала символом жертвенной любви. Рассматриваются истоки ее подвига, которые коренятся в «военном» детстве и полученном воспитании; чтение произведений отечественных классиков, в частности, И.С. Тургенева, определило ее характер, а раннее вдовство сформировало особый путь – путь служения ближнему. Размышления о судьбе Ю.П. Вревской стали предметом творческих открытий в художественном мире И.С. Тургенева, послужили развитию темы женского служения и женского подвига. Особое внимание уделено литературным интересам Ю.П. Вревской, ее чтение произведений А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Ж. Санд, Сервантеса, В. Гюго, Диккенса и др. В книгах Ю.П. Вревская ищет смысл жизни и образцы для подражания. Личность и судьба Ю.П. Вревской рассмотрены в контексте исторических событий – Кавказская война, Русско-турецкая, а также в контексте общественных движений – истории Красного Креста.

Ключевые слова: Юлия Петровна Вревская, женщина – жена, мать, вдова, служение, поэзия, подвиг, героизм, война, мужество, жертвенность, милосердие, художественный образ.

Для цитаты: Шмелева А.В., Ломатова А.Е., Лунёва Е.Д. Сестра милосердия – баронесса Ю.П. Вревская. К вопросу создания художественного образа [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 67–82. DOI:10.17759/langt.2022090106

Sister of Mercy – Baroness Yu.P. Vrevskaya. On the Issue of Creating an Artistic Image

Anna V. Shmeleva

Moscow Region State University, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Anastasia E. Lomatova

Moscow Cadet Corps “Boarding school of pupils of the Ministry of Defense of the Russian
Federation”, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2249-3216>, e-mail: lomatova09@mail.ru

Evgenia D. Luneva

Moscow Cadet Corps “Boarding school of pupils of the Ministry of Defense of the Russian
Federation”, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9793-9967>, e-mail: yevgeniya_luneva@mail.ru

The article is devoted to Baroness Yu.P. Vrevskaya, who, despite her status and position in society, became a sister of mercy. Russian and European authors dedicated their best works to her. Yu.P. Vrevskaya became a symbol of sacrificial love. The origins of her feat, which are rooted in her "military" childhood and upbringing, are considered; reading the works of Russian classics, in particular, I.S. Turgenev, determined her character, and early widowhood formed a special path – the path of service to one's neighbor. Reflections on the fate of Yu.P. Vrevskaya became the subject of creative discoveries in the artistic world of I.S. Turgenev, served to develop the theme of women's service and women's feat. Special attention is paid to the literary interests of Yu.P. Vrevskaya, her reading of the works of A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky, J. Sand, Cervantes, V. Hugo, Dickens, etc. In the books, Yu.P. Vrevskaya is looking for the meaning of life and role models. The personality and fate of Yu.P. Vrevskaya are considered in the context of historical events – the Caucasian War, the Russian-Turkish War, as well as in the context of social movements – the history of the Red Cross.

Keywords: Yulia Petrovna Vrevskaya, woman – wife, mother, widow, service, poetry, feat, heroism, war, courage, sacrifice, mercy, artistic image.

For citation: Shmeleva A.V., Lomatova A.E., Luneva E.D. Sister of Mercy – Baroness Yu.P. Vrevskaya. On the Issue of Creating an Artistic Image. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 67–82. DOI:10.17759/langt.2022090106 (In Russ.).

Женщина в современном мире

*«Женщина – хранительница не только плода, но и красоты»
Вальтер Шубарт*

Сегодня особое внимание в обществе сосредоточено на роли женщины. Современные женщины активны во всех сферах – политической, общественной, социальной, даже – военной. Женщина успешно реализует себя в семье и в общественной жизни. Но есть

служение, которое требует особого напряжения нравственных сил, это – сестра милосердия. Одной из таких сестер милосердия времен русско-турецкой войны 1877-1878 годов стала баронесса Ю.П. Вревская, которую Виктор Гюго назвал «Русской розой на болгарской земле».

Женский идеал служения сформировался в древнерусской культуре и сохранял свои традиции на протяжении столетий: «Русская история богата яркими образами женщин – матери, жены, сестры... Жены Древней Руси оставили после себя, в первую очередь, яркий пример праведной жизни. Земная жизнь их стала жертвенным служением Богу, Отечеству и народу. Великие, малые и большие, дела древнерусских жен сияют в каждом памятнике книжности как назидание всем последующим поколениям. Вдохновляясь примерами небесных сестер – жен-мироносиц и жизнью Самой Пречистой Девы Богородицы, древнерусские женщины осветили новым светом служение жены (в значении женщина) в земном мире» [10; с.4]. Деньги, титул, слава, положение в обществе... – все принесено на алтарь отечества ради служения ближнему. Подвижническая жизнь Ю.П. Вревской у современников вызывала сложные чувства: одни – восхищались, другие – не понимали. Но образ ее навсегда запечатлен в творчестве И.С. Тургенева, Я.П. Полонского, Виктор Гюго...

Путь к подвигу

*«Помогать нуждающимся в помощи...
она не ведала другого счастья»
И.С. Тургенев*

В апреле 1876 года в Болгарии возникает национально-освободительное движение, начавшееся со Старозагорского восстания в 1875 году и Арельского восстания 1876-го. Болгария включилась в освободительное движение почти одновременно с Сербией и Черногорией, причем сербской армией в ту пору командовал русский генерал М.Г. Черняев. С особой жестокостью турки подавляли восстания славян. Главными центрами восстания против турок стали болгарские города Панагюриште и Копривштица и села Батак и Перштица [1]. Восстание в Болгарии против турецкого господства дало повод к серьезным действиям и вмешательству в решение Восточного вопроса Российской империи и Великобритании. В России восстание в Болгарии широко освещалось в печати, была организована помощь для братского славянского народа. Православные приходы и болгарские общины в России стали центрами пожертвований и организации помощи, в эту деятельность постепенно включились некоторые редакции газет.

Любопытен один из эпизодов того времени: в октябре 1876 года Дамское отделение при Московском славянском комитете [12] обратилось к русскому консулу в Филипполе Н.Х. Герову с тем, что готово принять на воспитание болгарских детей-сирот. Дамы способствовали тому, что в московских монастырях, пансионах, а также в частных семьях нашли приют болгарские дети. Нашла убежище в России и участница восстания в Панагюриште Райна Георгиева, известная как Райна-княгиня, болгарская учительница. Она была размещена в Страстном монастыре, помогала болгарским детям, прибывшим в Россию [6]. А ее брат Васил Футеков в России окончил военное училище, стал русским подданным, в Первую мировую был уже полковником. Он погиб в 1915 году в районе Мазурских озер в одном из боев с немцами.

В 1877 году, с началом русско-турецкой войны, русские женщины активно включаются в

помощь императорской российской армии, отправляющейся на поля сражений за братские славянские народы. Среди таких активных женщин – баронесса Юлия Петровна Вревская.

Ю.П. Вревская оканчивает курсы медицинских сестер Е.А. Кублицкой-Пиоттух, настоятельницы Троицкой общины сестер милосердия в Петербурге. Следующий шаг баронессы Ю.П. Вревской – продажа имения в Орловской губернии. На эти деньги Ю.П. Вревская формирует санитарный отряд. И в этом отряде она не начальница, а простая сестра милосердия. Первыми отравились на фронт сестры милосердия Крестовоздвиженской, Георгиевской и Покровской общин. В Свято-Троицкую общину Е.А. Кублицкой-Пиоттух вошли кн. М.М. Дондукова-Корсакова, кн. М.Н. Новосильцева, В.А. Абаза, В.А. Цурикова и др. – представительницы высшего общества России. В их числе была и Ю.П. Вревская. С друзьями она решила проститься на даче поэта Я.П. Полонского в Павловске. Музыкальный критик и литератор К.П. Ободовский оставил свои воспоминания о том событии: «В июне 1877 г. гостил у Полонского на даче и туда приехал Тургенев, но не один, с ним была дама в костюме сестры милосердия, необыкновенно симпатичная, чисто русского типа, черты ее лица как-то особенно гармонировали с ее косынкой. Это была Вревская» [9].

Ужасы войны не сломили Ю.П. Вревскую. Она видела страшные картины: окровавленные тела, стоны, боль, «до трех тысяч больных в день», «перевязки до 5 утра», скудное питание, отсутствие сна... «Солдаты страдают ужасно...» – написала она однажды. И эта боль стала ее собственной. Когда была возможность приехать в Петербург на отдых на два месяца, Ю.П. Вревская отказывается. Она остается в госпитале, рядом с теми, кто в ней нуждается. Она дорожила той миссией, которая выпала на ее долю: «Хотя я терплю тут большие лишения, живу чуть не в лачуге, питаюсь плохо, но жизнь мне эта по душе и мне нравится» [7; с.44]. Ю.П. Вревская стала матерью для простых солдат.

Материнство – одна из христианских добродетелей. Материнство не только природная функция женщины, но и одно из высочайших служений женщины в мире. Как отмечает Е.В. Шамарина, «Материнство как социокультурный феномен концентрирует в себе опыт человечества» [22; с.10].

Добродетель материнства

*«Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти.
Только ею, только любовью держится и движется жизнь»
И.С. Тургенев*

Ю.П. Вревская, урожденная Варпаховская, не имела собственных детей. Она довольно рано вышла замуж. Ее супругом стал герой Кавказской войны генерал И.А. Вревский. Ей было семнадцать лет, когда сорокадвухлетний генерал И.А. Вревский навестил своего друга в Ставрополе П.Е. Варпаховского. В письме к брату он сообщил: «Я тебя еще не известил о моем скором браке с Юлией Варпаховской. Жюли... блондинка, выше среднего роста, со свежим цветом лица, блестящими умными глазами; добра – бесконечно. Ты можешь подумать, что описание это вызвано моим влюбленным состоянием, но успокойся, это голос всеобщего мнения» [13]. У И.А. Вревского к тому времени было трое детей от гражданской жены (по одним сведениям – черкешенки, по другим – терской горянки), потому они получили фамилию Терские. И.А. Вревский рано овдовел, и воспитанием детей занимались его родные брат и сестра.

Генерал И.А. Вревский был внебрачным сыном русского дипломата вице-канцлера князя

А.Б. Куракина. К тому времени, когда он встретился с Ю.П. Варпаховской, у него уже была яркая военная биография: участник экспедиций Н.Н. Раевского и гр. П.Х. Граббе, активный участник военных действий на Кавказе. Будучи военачальником Владикавказского военного округа несколько лет охранял пограничную линию, и как правило, от постоянных набегов Шамиля. В своем доме И.А. Вревский устраивал вечера, на которые приглашал самых именитых литераторов. Так, в 1840-1841 годах в его доме бывал поэт-воин М.Ю. Лермонтов. В своих воспоминаниях А. Чарыков сделал запись о том, как «В один прекрасный день мы, артиллеристы, узнали, что у барона на вечере будет Лермонтов, и, конечно, не могли пропустить случая его видеть. Добрейший хозяин по обыкновению очень радушно нас встретил и перезнакомил со своим дорогим гостем. Публики, как мне помнится, было очень много, и когда солидные посетители уселись за карточными столами, молодежь окружила Лермонтова. Он, казалось, был в самом веселом расположении духа и очаровал нас своею любезностью» [21; с.319]. И.А. Вревский и М.Ю. Лермонтов были сокурсники по Школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге. Дом И.А. Вревского посещали Р.И. Долохов, Л.С. Пушкин, декабрист М.А. Казимов, служивший в действующей армии.

Ю.П. Вревская была счастлива в браке, несмотря на разницу в возрасте почти в двадцать лет. После гибели мужа Ю.П. Вревская «унаследовала» и его детей – Павла, Марию и Николая Терских. Она принимает активное участие в их судьбе: привозит в Тифлис, добивается присвоения им фамилии Вревских, устраивает в привилегированные учебные заведения, хлопочет о наследовании ими капиталов их отца. Из Тифлиса Ю.П. Вревская пишет брату своего мужа, Б.И. Вревскому, в котором признается: «Я понимаю, как трудно получить согласие Государя, я боюсь, что в наше время эта милость даруется чрезвычайно редко, но умоляю вас и Н.Н. Вольфа и других, знавших И.А. и имевших влияние, добиться этого. Я, конечно, смотрю на этих детей как на своих собственных, никогда их не оставлю своим попечением и постараюсь, насколько это будет возможно, сделать их людьми, достойными их отца» [2]. Забота, которой Ю.П. Вревская окружила детей своего мужа, по воспоминаниям близко знавших баронессу, была проникнута материнскими чувствами. Такой материнско-сестринской заботой впоследствии будут окружены раненые, среди которых пройдет последний год жизни Ю.П. Вревской.

Молодая двадцатилетняя вдова генерала Ю.П. Вревская приглашена ко Двору. Она становится фрейлиной императрицы Марии Александровны. Десятилетие блестящей придворной жизни не изменили характер Ю.П. Вревской. Мужество и верность были отличительными ее качествами.

Ю.П. Вревская и И.С. Тургенев

*«Мне всё кажется, что если бы мы оба встретились
молодыми, неискушенными –
а главное – свободными людьми...
Докончите фразу сами»
И.С. Тургенев*

Они познакомились в 1873 году, ему было 55, ей – 32 года, они виделись всего несколько раз, последний – в 1877-м, перед ее отъездом на Балканы. Она знала о глубоком чувстве к ней И.С. Тургенева, но не позволила им перерасти в более глубокие отношения. Ю.П.

Вревская предпочла остаться верной памяти супруга, и видела свое предназначение в жертвенном служении людям.

С первых дней знакомства между ними завязалась переписка. Эти письма проливают свет не только на восприятие внутреннего мира русского писателя и русской баронессы, но раскрывают многие проблемы того времени от общественно-политических до социально-бытовых. Так, например, в одном из писем И.С. Тургенева к Ю.П. Вревской в апреле 1874 года из Парижа, читаем:

«Любезнейшая Юлия Петровна, спасибо Вам за Ваше письмецо; в Светлое Воскресение вспомнили о таком старом грешнике: это по-христиански. Мне очень бы хотелось застать Вас еще в Петербурге, куда я непременно прибуду к нашему 1-му мая; не уезжайте до того времени. Я остановлюсь в гостинице Демута и буду Вам соседом. Мне не нужно распространяться о том чувстве, несколько странном, но искреннем и хорошем, которое я питаю к Вам; Вы это всё лучше меня знаете.

Радуюсь, что мой рассказец и Вам, и публике нравится – вот, уж точно, не думал – не гадал, а попал в жилку. Брат Ваш также пишет мне об этом. Я ему завтра отвечать буду.

Итак, до свидания – слышите? – крепко жму Вашу руку и остаюсь преданный Вам Ив. Тургенев» [20; т.13, с.55].

В письме есть приписка: «P.S. В “Вестнике Европы” помещена моя повестушка: “Пунин и Бабурин”. Прочтите и скажите Ваше мнение искренне» [20; т.13, с.55].

С глубоким уважением и нежностью И.С. Тургенев обращается к Ю.П. Вревской в своих письмах. С ней он откровенен. И.С. Тургенев позволяет себе весьма смелые суждения о некоторых произведениях Л.Н. Толстого, А.К. Толстого, М.Ю. Лермонтова и мн. др. В марте 1876 года он писал Ю.П. Вревской из Парижа:

«<...>

Я еще не читал продолжения “Анны Карениной”; но вижу с сожаленьем, куда весь этот роман поворачивает. Как ни велик талант Л. Толстого, а не выдраться ему из московского болота, куда он влез. Православие, дворянство, славянофильство, сплетни, Арбат, Катков, Антонина Блудова, невежество, самомнение, барские привычки, офицерство, вражда ко всему чужому, кислые щи и отсутствие смысла – хаос, одним словом! И в этом хаосе должен погибать такой одаренный человек!! – Так на Руси всегда бывает.

<...>» [20; т.15, кн.1, с.59].

И.С. Тургенев ценил в Ю.П. Вревской ее способность к пониманию. Ю.П. Вревская была чужда осуждения, она уважала талант И.С. Тургенева, дорожила его открытостью. И то, что И.С. Тургенев называет в письме «московским болотом», не вызывает у нее раздражения, когда в один ряд писатель ставит сакральные для Москвы места и имена, в частности, вспоминает Антонину Блудову. Графиня А.Д. Блудова, равно как и ее отец, были известными меценатами, вела большую просветительскую деятельность: «Графиня А.Д. Блудова – известная писательница (печатала статьи в «Страннике», «Волынских епархиальных ведомостях», «Семейных вечерах», «Заре», «Русском Архиве», отдельно издавала многие свои книги, например, «Книга для чтения по русской истории». – СПб., 1869) и благотворительница (в г. Острог Волынской губернии ею организовано Кирилло-Мефодиевское острожское братство в 1865 г., открыты при братстве начальная школа и подготовительное женское училище имени графа Д.Н. Блудова, а также пансион для

крестьянских мальчиков, лечебница и странноприимный дом для богомольцев Свято-Успенской Почаевской лавры)» [23; с.70].

Ю.П. Вревская понимает и принимает позицию И.С. Тургенева. И.С. Тургенев, как никто другой, ценил высокие нравственные качества Ю.П. Вревской. Его писательская пронизательность смогла отразить в создаваемом им художественном образе Ю.П. Вревской то, что ускользало от взора современников.

Когда весть о кончине баронессы Ю.П. Вревской достигла России, когда о ней узнал И.С. Тургенев, последовало «стихотворение в прозе» «Памяти Ю.П. Вревской»:

«На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный госпиталь в разоренной болгарской деревушке – с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспамятстве – и ни один врач даже не взглянул на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих зараженных логовищ, чтобы поднести к ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез.

Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала – и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась – и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике, никто не знал никогда – а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже ее трупу – хоть она сама и стыдилась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится ее милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на ее могилу!

Сентябрь, 1878» [20; т.10, с.146].

Стихотворение в прозе было напечатано в «Вестнике Европы» спустя четыре года после его написания под названием «Памяти Ю.П. В-вской». Известно, что И.С. Тургенев несколько раз менял название, словно опасаясь за посмертные осуждения той, кто прославил своей жизнью само понятие «служение». О кончине Ю.П. Вревской И.С. Тургенев узнал в Париже. В письме П.А. Анненкову он отметит: «К несчастью, слух о милой Вревской справедлив. Она получила тот мученический венец, к которому стремилась ее душа, жадная жертвы. Ее смерть меня глубоко огорчила. Это было прекрасное, неописанно доброе существо. У меня около 10 писем, написанных ею из Болгарии. Я Вам когда-нибудь их покажу. Ее жизнь – одна из самых печальных, какие я знаю» [20; т.16, кн.1, с.45]. Ей было неполных сорок лет.

В основе стихотворения в прозе «Памяти Ю.П. Вревской» – подвиг на войне женщины из высокого общества, которая жертвует собой, своей жизнью, своим счастьем ради других.

Вырисовывается тот подвиг, который идет из глубин древности – «За други своя». И нет больше той любви, как отдать жизнь свою за ближнего. И.С. Тургенев воплощает евангельский завет, создавая художественный портрет Ю.П. Вревской.

В письме к матери тургеневская героиня Елена Стахова признается, что намерена остаться в Болгарии, которая теперь ее родина. Роман «Накануне» был опубликован за тринадцать лет до встречи его автора с Ю.П. Вревской. К 1860 году И.С. Тургенев уже был известен как автор «Записок охотника», романов «Рудин», «Дворянское гнездо», ряда повестей и рассказов.

В романе «Накануне» речь идет о судьбе молодой и красивой героине – Елене Стаховой, которая решила связать свою судьбу с болгаринцем Дмитрием Инсаровым, мечтающим об освобождении родины от турецкого владычества. По пути в Болгарию Дмитрий Инсаров умирает, а Елена Стахова, будучи его женой, доставляет тело супруга на родину. По слухам, которые достигали Родины, Елена Стахова стала сестрой милосердия, ее видели при войсках. По окончании войны ее пытался разыскать отец, но безрезультатно. В романе речь идет о событиях 1853-1854 годов. Единственная дочь дворян Стаховых, становится против воли родителей супругой болгарина. У него непростая судьба: в восемь лет он осиротел (родители были убиты). Дмитрия Инсарова воспитывала тетка, которая проживала в Киеве. Украинская тема была близка Ю.П. Вревской. Она родилась в Малороссии, в городе Лубны Полтавской губернии, училась в Одессе, в Одесском институте благородных девиц. Тургеневский герой Дмитрий Инсаров живет с мыслью о борьбе за освобождение родины. Его рассказы не оставляют равнодушной Елену Стахову: ее охватывает идея служения и мечтами о народной правде. Служение в качестве сестры милосердия становится делом ее жизни.

Любопытна 14 глава романа, в которой Дмитрий Инсаров убежденно говорит о том, что каждый русский должен знать славянские языки, в том числе болгарский. Автор, не особенно близкий идеям славянофилов (представители славянофильства – А.С. Хомяков, П.В. и И.В. Киреевские, Ю.Ф. Самарин, И.С. Аксаков, Ф.В. Чижов и др. – отстаивали идеи особого цивилизационного пути русского государства и славянского единения народов), в своем романе выходит к теме славянского единства.

Ю.П. Вревская словно повторяет судьбу тургеневской героини. Образованная, начитанная Ю.П. Вревская могла ли тогда, читая роман И.С. Тургенева задолго до знакомства с ним, предположить о том, что судьба предоставит ей такую возможность – посвятить свою жизнь служению, служению вдали от родины, на братской славянской земле, и отдать свою жизнь «за други своя».

Смеем предположить, что еще одно стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Порог» посвящено тоже ей, Ю.П. Вревской. Оно о выборе «русской девушки», о том, как этот выбор воспринимают окружающие. Что ждет ее за «высоким порогом»: «Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть», «отчуждение полное, одиночество» – «не только от врагов – но и от родных, от друзей», «безымянная жертва», «преступление» и... потеря веры в то, «чему веришь теперь», понимание того, что «обманулась и даром погубила свою молодую жизнь»? ... [20; т.10, с.147-148] И тургеневская героиня – «девушка, русская девушка» переступает этот порог. Потом, в 1871 году, появится поэма Н.А. Некрасова «Русские женщины», в которой вновь зазвучит тема нравственного выбора. Это будет через десять лет. А сейчас перед глазами И.С. Тургенева проходит жизнь Ю.П. Вревской. И.С. Тургенев создает ей свой памятник – поэтический

венки, который не в силах разрушить время, «этот поздний цветок», который возлагает писатель на ее могилу.

В одном из писем к Ю.П. Вревской И.С. Тургенев признавался:

«Милая Юлия Петровна.

Когда Вы сегодня утром прощались со мною, я – так, по крайней мере, мне кажется – не довольно поблагодарил Вас за Ваше посещение. Оно оставило глубокий след в моей душе – и я чувствую, что в моей жизни с нынешнего дня одним существом больше, к которому я искренне привязался, дружбой которого я всегда буду дорожить, судьбами которого я всегда буду интересоваться.

<...>» (26 июня/8июля 1874 года, с. Спасское-Лутовиново) [20; т.13, с.126].

Размышления о судьбе Ю.П. Вревской стали предметом творческих открытий в художественном мире И.С. Тургенева, послужили развитию темы женского служения и женского подвига.

Жизнь, воспетая в слове

*«Это замечательное существо.
Она фанатически готова на самопожертвование.
Такой и умрет она»
И.С. Тургенев*

Ю.В. Вревская получила прекрасное по тем временам образование. Она окончила привилегированные учебные заведения, одно из которых – Одесский институт благородных девиц (предшественником Одесского института благородных девиц, основанном в 1828 году, считают Женский благородный институт, образованный в Одессе в 1805 году герцогом де Ришелье), Он был создан для девушек из аристократических фамилий. Девочек принимали для обучения с девяти лет. В то время, когда в этом институте обучалась Ю.П. Вревская (в девичестве – Варпаховская), обучение составляло шесть лет. Среди известных педагогов Одесского института благородных девиц называют троюродную сестру поэта А.С. Пушкина – писательницу А.С. Ганнибал.

Анна Семеновна Ганнибал родилась в тот год, когда предположительно закончила обучение в Одесском институте благородных девиц Ю.П. Варпаховская. Однако имя А.С. Ганнибал заслуживает того, чтобы о ней упомянули, поскольку Ю.П. Варпаховская была воспитана на произведениях А.С. Пушкина.

Отец А.С. Ганнибал – С.И. Ганнибал был двоюродным братом матери А.С. Пушкина, Н.О. Ганнибал. Сама Анна Семеновна Ганнибал получила образование в Петербурге, но после переехала в Одессу. В Одессе она преподавала французский язык и географию в Одесском институте благородных девиц. А.С. Ганнибал была педагогом, литературным критиком, историком и переводчицей (известны ее переводы О. Бальзака и Т. де Бонвиля) [5]. Свои публикации А.С. Ганнибал очень редко подписывала полным именем, часто и вовсе не указывала, нередко ограничиваясь – «А.Г.». Печаталась в крупных журналах «Вестник Европы», «Военный вестник» и др., газетах «Новое время». Она – автор главы «Ганнибалы. Новые данные для их биографии» в издании «Пушкин и его современники». Как сказано в некрологе, опубликованном в газете «Новая Вечерняя газета», «В течение последних 25 лет покойная состояла преподавательницей женских учебных заведений» [17].

Среди выпускниц Одесского института благородных девиц – известные фамилии Одессы: Абаза, Авчинникова, Левшина, Кирико, Севастопуло, Калантаевы, Гижицкие, Штиглиц, Нотара и мн. др. [4]. Но самой известной выпускницей была Ю.П. Варпаховская (в замужестве Вревская). Ее имя составило славу и Среднеучебному заведению Св. Александры для воспитанниц женского пола». В 1848 году семья Варпаховских переезжает в Ставрополь. Здесь, в 1857 году, Ю.П. Варпаховская в доме отца повстречает свою судьбу – героя Кавказской войны И.А. Вревского и уедет с ним на Кавказ. И.А. Вревский был лично знаком не только с М.Ю. Лермонтовым, общался с поэтами из пушкинского окружения, знал брата А.С. Пушкина – Л.С. Пушкина, был дружен со многими декабристами. Начитанная и образованная Ю.П. Вревская, была окружена дорогими ей с детства именами, произведениями которых зачитывалась и которые способствовали художественному и эстетическому развитию.

Позже, овдовев, Ю.П. Вревская окажется в Петербурге. Она будет вести светскую жизнь в статусе фрейлины императрицы. Но главное – станет окружена выдающимися русскими литераторами. Среди друзей Ю.П. Вревской были известные писатели и поэты И.С. Тургенев, Д.В. Григорович, В.А. Соллогуб, Я.П. Полонский и др. Она вызывала восхищение у художников И.К. Айвазовского и В.В. Верещагина. В 1880-х годах художник В.В. Верещагин создает целую галерею картин, посвященных балканской теме: «Перед атакой. Под Плевной» (1881), «После атаки. Перевязочный пункт. Под Плевной» (1881), «Письмо к матери» (1901) и др. В.В. Верещагин словно продолжает начатую еще в 1870-х годах тему – «Панихида» (1878-1879). Картины В.В. Верещагина вполне могут служить иллюстраций писем Ю.П. Вревской, написанных ею из военного госпиталя.

В русско-турецкой войне 1877-1878 годов участвовало более 5000 добровольцев, среди которых были известные художники – В.Д. Поленов и К.Е. Маковский, а также врачи С.П. Боткин и Н.В. Склифосовский. Художник В.В. Верещагин узнает о начале войны в Париже. Он оставляет свою мастерскую и направляется в действующую армию. При осаде Плевны погибает его брат – С.В. Верещагин, а в июне 1877 года получает тяжелое ранение он сам. Те, кто был на войне, с чувством глубокого уважения вспоминали сестер милосердия. П.А. Рихтер, главноуполномоченный Общества попечения о раненых и больных воинов в Сербии, Черногории и Румынии, писал о сестрах милосердия: «Русская женщина в звании сестры милосердия приобрела... почетную славу в минувшую кампанию, стяжала... неотъемлемое, всенародно признанное право на всеобщую признательность и уважение как лучший друг солдата посреди страданий и болезни» [15].

Смерть Ю.П. Вревской потрясла современников. И.С. Тургенев писал: «Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала – и не изведала» [20; т.10, с.146]. Поэт В.А. Соллогуб вспоминал: «Ведя светский образ жизни, Юлия Петровна никогда не сказала ни о ком ничего дурного и у себя не позволяла никому злословить, а, напротив, всегда в каждом старалась выдвинуть его хорошие стороны. Многие мужчины за ней ухаживали, много женщин ей завидовало, но молва никогда не дерзнула укорить ее в чем-нибудь, и самые злонамеренные люди склоняли перед ней головы. Всю жизнь она жертвовала собой для родных, для чужих, для всех. Юлия Петровна многим напоминала тип женщин Александровского времени, этой высшей школы вкуса, – утонченностью, вежливостью и приветливостью. Бывало, слушая часто незатейливые, но всегда милые речи, я думал: как желательно в нашем свете побольше

таких женщин и поменьше других» [19; с.116]. В.А. Соллогуб, поэт и чиновник (тайный советник), вращавшийся в высшем свете, яркий представитель чиновничьего Петербурга (его литературный салон стал одним из центров культурной жизни северной столицы), оказывал значительное влияние на свое окружение. Его мнением дорожили, с мнением В.А. Соллогуба считались. Оценка им личности Ю.П. Вревской заставила современников взглянуть на труд сестер милосердия, увидеть в женщине ее главные добродетели.

«Русская роза на болгарской земле»

*«Юлия Вревская...
героическая женщина погибла на полях Болгарии»
А.А. Пушкин*

В 1878 году в газете «Новое время» появилось стихотворение поэта Я.П. Полонского «Под Красным Крестом». Оно посвящалось памяти Ю.П. Вревской. В стихотворении образ героини передан глазами участника военных действий, раненого солдата, которого спасает сестра милосердия: она надевает на него свою рубашку. Рубашка стала надеждой – «надеждой на счастье в родной стороне». Вернувшись на Родину, воин признается, что эту рубашку «сохранит до гроба». Рубашка «сестрицы святой» воспринимается рассказчиком как символом любви и добра.

И вот, я на родине! – Те же невзгоды,
Тщеславие бедности, праздный застой.
И старые сплетни, и новые моды...
Но нет! не забыть мне сестрицы святой!
Рубашку её сохраню я до гроба...
И пусть наших недругов тешится злоба!
Я верю, что зло отзовется добром: –
Любовь мне сказалась под Красным Крестом [11; с.57].

В письме к сестре Ю.П. Вревская признавалась:

«16?.. Не можешь представить, что у нас делалось – едва успевали высаживать в другие поезда...стоны, страдания, насекомые. Просто душа надрывалась. Мы очень устали и когда приходили домой, то, как снопы, сваливались на кровать. Нельзя было писать, и давно уже не читала ни строчки, даже газеты, которые у нас получает Абаза. На днях у нас при передвижении поездов у барака раздавило рельсами двоих раненых; я не имела духу взглянуть на эти раздавленные черепа, хотя беспрестанно должна была проходить мимо для перевязок в вагонах...»

... Но солдаты страдают ужасно. Сегодня утром видела Горчакова, очень потолстел, постарел, но по-прежнему очень мил, но едва держится на ногах. Много тут петербургских знакомых, но не видаю никого: у меня заняты мысли другим.

Заказала сегодня себе большие сапоги, но завтра купить и еще кое-что тёплое; я решила

пробыть сестрой милосердия всю зиму; по крайней мере, дело, которое мне по сердцу. Жизнь тут ужасно дорога <...>» [7; с.43].

Характер Ю.П. Вревской был сформирован не только литературой, но той обстановкой, которая ее окружала: дочь героя Отечественной войны 1812 года, жена героя Кавказской войны, брат мужа – героически погиб при обороне Севастополя... Она жила в атмосфере героизма, жертвенности, подвига. Сердце И.С. Тургенева она покорила «своей женственностью, грацией, бесконечной приветливостью и бесконечной добротой», сочетающейся с мужественностью. В 1877 году И.С. Тургенев, чтобы проводить Ю.П. Вревскую, отправляющуюся на Балканы, специально приезжает из Парижа.

В 1877 году Ю.П. Вревская – сестра милосердия Красного Креста в 45-м военновременном госпитале в румынском городе Яссы. На ее средства создан санитарный поезд из 22 сестер милосердия и врачей.

Подвиг Даши Севастопольский и сестер милосердия Крестовоздвиженской общины эпохи Крымской войны был памятен. Сестры милосердия – их называли «белые голуби», а Ю.П. Вревскую – «утешительницей страждущих».

Условия, в которых оказались раненые в Бяле, были страшными: кибитки, сырые мазанки и бараки. В письме И.С. Тургеневу она признавалась: «Это жалости подобно видеть несчастных поистине героев, которые терпят такие страшные лишения без ропота. Живут в землянках, на морозе, на одних сухарях. Да, велик Русский солдат!». И Ю.П. Вревская служит ближнему – русскому солдату. Ее назначают ассистентом при ампутациях. Бялы – это практически линия фронта. В сражении у Мечки она выносит раненых под градом пуль, оказывает первую помощь. Ее последнее письмо сестре Наталье Петровне 12 января 1878 года: «Война вблизи ужасна, сколько горя, сколько вдов и сирот».

Сестры милосердия все без исключения заразились тифом. 24 января 1877 года Ю.П. Вревской не стало. Начальник госпиталя врач М. Павлов писал: «Как до болезни, так и в течение ее ни от покойной, ни от кого от окружающих я не слышал, чтобы она выражала какие-либо желания, и вообще была замечательно спокойна...» [14]. Ее похоронили у православного храма Святого Георгия.

В 1907 году, когда в городе Бяле открывали музей истории Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, то среди экспонатов поместили портрет сестры милосердия Ю.П. Вревской со словами Виктора Гюго: «Русская роза сорвана на болгарской земле сыпным тифом».

Литература

1. Баронесса милосердия Юлия Вревская – Женщины России в войнах XIX века [Электронный ресурс] // Vuzlit. 2017-2022. URL: https://vuzlit.com/383695/baronessa_miloserdiya_yuliya_vrevskaya (дата обращения: 20.01.2022).
2. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережившем: 1805-1850. 1882. СПб.: А.С. Суворин, 507 с.
3. Воспитанницы института и их преподаватели [Электронный ресурс] // Вечерняя Одесса. 2014. URL: <https://odessa1.com/articles/moi-duhovnye-nastavnicy.html> (дата обращения: 20.02.2022).
4. Ганнибал А.С. Бальзак О. Прощание. Рассказ. 1914. М.: Польза, 68 с.
5. Ганнибал А.С. В поместье прадеда Пушкина // Новое время. 1912. № 13129.

Шмелева А.В., Ломатова А.Е., Лунёва Е.Д.
Сестра милосердия – баронесса Ю.П. Вревская. К
вопросу создания художественного образа
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 67–82.

Shmeleva A.V., Lomatova A.E., Luneva E.D.
Sister of Mercy – Baroness Yu.P. Vrevskaya. On the Issue
of Creating an Artistic Image
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 67–82.

6. Ганнибал А.С. Ганнибалы. Новые данные для биографии // Пушкин и его современники. Т. 5, вып. XIX—XX. 1914. СПб. С. 231-238.
7. Ганнибал А.С. Княгиня Бельджойозо и её роль в освобождении Италии // Вестник Европы. 1907. Т. IV. № 7-8.
8. Ганнибал А.С. Новый вклад в историю 1812 года // Военный вестник. 1910. № 3.
9. Жуков Е.М. Апрельское восстание 1876 года // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т.1. 1961. М.: гос. науч. изд-во «Советская энциклопедия», С. 662-663.
10. Жуков Е.М. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т.1. 1961. М.: Советская энциклопедия. С. 662-663.
11. Козьменко И. Русское общество и Апрельское восстание 1876 года [Электронный ресурс] // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 95-108. URL: https://elib.gsu.by/bitstream/123456789/31681/1/%d0%9a%d0%be%d0%b7%d1%8c%d0%bc%d0%b5%d0%bd%d0%ba%d0%be_%d0%a%d1%83%d1%81%d1%81%d0%ba%d0%be%d0%b5.pdf (дата обращения: 20.02.2022).
12. Кретьова М.А. Письма Ю.П. Вревской с войны // Баронесса Вревская: роман-альбом. 1998. М.: Армада, 48 с.
13. Максимова Л.Ю., Савичева Т.В., Черепанова М.Ю., Шмелева А.В. Образ женщины в русской литературе. Первая половина XI – начало XXI века. Хрестоматия в 4-х частях. Часть 1. Древнерусская словесность. Жены Древней Руси. 2017. М.: Физматкнига, 112 с.
14. Назарова Л.Н. И.С. Тургенев и Ю.П. Вревская // Русская литература. 1958. № 3. С. 185-192.
15. Ободовский К.П. Рассказы об И.С. Тургеневе // Исторический вестник. 1893. Т. 51. № 2. С. 359-366.
16. Полонский Я.П. Под Красным Крестом // На закате: Стихотворения. 1877-1880. 1881. М.: К.Т. Солдатенков. С.53-57.
17. Польшинкин А. Генерал Вревский – герой Кавказской войны [Электронный ресурс] // Малоархангельск: Неофициальный сайт г. Малоархангельск (Орловская обл). 2010. URL: <https://maloarhangelsk.ru/general-vrevskiy/> (дата обращения: 28.01.2022)
18. Поповкин А.А. Деятельность славянских обществ России в контексте социального развития славянских народов (1858-1917 гг.) // Вестник ТГУ. Серия Гуманитарные науки. История и политология. 2012. № 6 (110). С. 234-247.
19. Прокуровская Ю.И. Сестра милосердия Юлия Вревская // Вопросы истории. 1992. № 11-12. С. 170.
20. Рихтер П.А. Красный крест в Румынии и Северной Болгарии. 1877-1878: Отчет Главноуполномоченного Общества попечения о раненых и больных воинах П.А. Рихтера. 1879. СПб.: Российское общество Красного креста, 370 с.
21. Склярченко В.М. Вревская Юлия Петровна [Электронный ресурс] // 100 знаменитых женщин. URL: <https://history.wikireading.ru/127258> (дата обращения: 22.02.2022)
22. Скончалась сестра А.С. Пушкина [Электронный ресурс] // Новая Вечерняя Газета. 1825. № 14. С. 5 URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000212857/view/?#page=1> (дата обращения: 22.02.2022)
23. Тихонова Т.К., Абашиш В.Г., Цвелев Ю.В. К 200-летию со дня рождения Н.И. Пирогова. Женский труд на войне. Сестра милосердия в русско-турецкой (1877-1878) войне. Баронесса Юлия Петровна Вревская // Журнал акушерства и женских болезней. 2010. Т. LIX. №. 3. С. 114-121. URL: https://jowd.ru/arhiv/JOWD_2010_pdf/jowd_3_2010_s.pdf (дата

обращения: 22.02.2022)

24. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 1978-2014. М.: Наука.

25. *Чарыков А.* К воспоминаниям о М.Ю. Лермонтове // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. 1989. М.: Художественная литература. С. 318-320.

26. *Шамарина Е.В.* Культурный смысл материнства в западноевропейской и отечественной философской мысли: Автореферат дисс. ... канд. философ. наук. Барнаул, 2008. 28 с.

27. *Шмелева А.В.* Графине А.Д. Блудовой // Ф.И. Тютчев: Школьный энциклопедический словарь. 2004. М.: Просвещение, 440 с.

References

1. Baronessa miloserdiya Yuliya Vrevskaya – Zhenshchiny Rossii v voynakh XIX veka. *Vuzlit*, 2017-2022. Available at: https://vuzlit.com/383695/baronessa_miloserdiya_yuliya_vrevskaya (Accessed 20.01.2022). (In Russ.).

2. Belyaev A.P. *Vospominaniya dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom: 1805-1850.* 1882. Saint-Petersburg: A.S. Suvorin, 507 p. (In Russ.).

3. *Vospitannitsy instituta i ikh prepodavateli. Vechernyaya Odessa*, 2014. Available at: <https://odessa1.com/articles/moi-duhovnye-nastavnicy.html> (Accessed 20.02.2022). (In Russ.).

4. Gannibal A.S. Bal'zak O. Proshchanie. *Rasskaz.* 1914. Moscow: Pol'za, 68 p. (In Russ.).

5. Gannibal A.S. V pomest'e pradeda Pushkina. *Novoe vremya*, 1912, no. 13129. (In Russ.).

6. Gannibal A.S. Gannibaly. *Novye dannye dlya biografii. Pushkin i ego sovremenniki. Vol. 5, vyp. XIX–XX*, 1914. Saint-Petersburg, pp. 231-238. (In Russ.).

7. Gannibal A.S. Knyaginya Bel'dzhoiozo i ee rol' v osvobozhdenii Italii. *Vestnik Evropy*, 1907. Vol. IV, no. 7-8. (In Russ.).

8. Gannibal A.S. *Novyi vklad v istoriyu 1812 goda. Voennyi vestnik*, 1910, no. 3. (In Russ.).

9. Zhukov E.M. *April'skoe vosstanie 1876 goda. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya: in 16 vol. Vol. 1.* 1961. Moscow: gos. nauch. izd-vo "Sovetskaya entsiklopediya", pp. 662-663. (In Russ.).

10. Zhukov E.M. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya: in 16 vol. Vol. 1.* 1961. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, pp. 662-663. (In Russ.).

11. Koz'menko I. *Russkoe obshchestvo i April'skoe vosstanie 1876 goda. Voprosy istorii*, 1947, no. 5, pp. 95-108. Available at: https://elib.gsu.by/bitstream/123456789/31681/1/%d0%9a%d0%be%d0%b7%d1%8c%d0%bc%d0%b5%d0%bd%d0%ba%d0%be_%d0%a0%d1%83%d1%81%d1%81%d0%ba%d0%be%d0%b5.pdf (Accessed 20.02.2022). (In Russ.).

12. Kretova M.A. *Pis'ma Yu.P. Vrevskoi s voiny. Baronessa Vrevskaya: roman-al'bom*, 1998. Moscow: Armada, 48 p. (In Russ.).

13. Maksimova L.Yu., Savicheva T.V., Cherepanova M.Yu., Shmeleva A.V. *Obraz zhenshchiny v russkoi literature. Pervaya polovina XI – nachalo XXI veka. Khrestomatiya v 4-kh chastyakh. Chast' 1. Drevnerusskaya slovesnost'. Zheny Drevnei Rusi.* 2017. Moscow: Fizmatkniga, 112 p. (In Russ.).

14. Nazarova L.N. I.S. Turgenev i Yu.P. Vrevskaya. *Russkaya literature*, 1958, no. 3, pp. 185-192. (In Russ.).

15. Obodovskii K.P. *Rasskazy ob I.S. Turgeneye. Istoricheskii vestnik*, 1893. Vol. 51, no. 2, pp. 359-366. (In Russ.).

16. Polonskii Ya.P. *Pod Krasnym Krestom. Na zakate: Stikhotvoreniya. 1877-1880.* 1881.

Шмелева А.В., Ломатова А.Е., Лунёва Е.Д.
Сестра милосердия – баронесса Ю.П. Вревская. К
вопросу создания художественного образа
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 67–82.

Shmeleva A.V., Lomatova A.E., Luneva E.D.
Sister of Mercy – Baroness Yu.P. Vrevskaya. On the Issue
of Creating an Artistic Image
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 67–82.

Moscow: K.T. Soldatenkov, pp.53-57. (In Russ.).

17. Polynkin A. General Vrevskii – geroi Kavkazskoi voiny. *Maloarkhangel'sk: Neofitsial'nyi sait g. Maloarkhangel'sk (Orlovskaya obl)*, 2010. Available at: <https://maloarhangelsk.ru/general-vrevskiy/> (Accessed 28.01.2022). (In Russ.).

18. Popovkin A.A. Deyatel'nost' slavyanskikh obshchestv Rossii v kontekste sotsial'nogo razvitiya slavyanskikh narodov (1858-1917 gg.). *Vestnik TGU. Seriya Gumanitarnye nauki. Istoriya i politologiya*=*Bulletin of TSU. Humanities series. History and Political Science*, 2012, no. 6 (110), pp. 234-247. (In Russ.).

19. Proekurovskaya Yu.I. Sestra miloserdiya Yuliya Vrevskaya. *Voprosy istorii*, 1992, no. 11-12, pp. 170. (In Russ.).

20. Rikhter P.A. Krasnyi krest v Rumynii i Severnoi Bolgarii. 1877-1878: Otchet Glavnoupolnomochennogo Obshchestva popecheniya o ranenikh i bol'nykh voynakh P.A. Rikhtera. 1879. Saint-Petersburg: Rossiiskoe obshchestvo Krasnogo kresta, 370 p. (In Russ.).

21. Sklyarenko V.M. Vrevskaya Yuliya Petrovna. *100 znamenitykh zhenshchin*. Available at: <https://history.wikireading.ru/127258> (Accessed 22.02.2022). (In Russ.).

22. Skonchalas' sestra A.S. Pushkina. *Novaya Vechernyaya Gazeta*, 1825, no. 14, pp. 5 Available at: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000212857/view/?#page=1> (Accessed 22.02.2022). (In Russ.).

23. Tikhonova T.K., Abashin V.G., Tsvetlev Yu.V. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya N.I. Pirogova. Zhenskii trud na voine. Sestra miloserdiya v rusko-turetskoi (1877-1878) voine. Baronessa Yuliya Petrovna Vrevskaya. *Zhurnal akusherstva i zhenskikh boleznei*, 2010. Vol. LIX, no. 3, pp. 114-121. Available at: https://jowd.ru/arhiv/JOWD_2010_pdf/jowd_3_2010_s.pdf (Accessed 22.02.2022). (In Russ.).

24. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: in 30 vol. 1978-2014. Moscow: Nauka. (In Russ.).

25. Charykov A. K vospominaniyam o M.Yu. Lermontove. *M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov*. 1989. Moscow: Khudozhestvennaya literature, pp. 318-320. (In Russ.).

26. Shamarina E.V. Kul'turnyi smysl materinstva v zapadnoevropeiskoi i otechestvennoi filosofskoi mysli. Avtoreferat diss. kand. filosof. nauk. Barnaul, 2008. 28 p. (In Russ.).

27. Shmeleva A.V. Grafine A.D. Bludovoi. *F.I. Tyutchev: Shkol'nyi entsiklopedicheskii slovar'*. 2004. Moscow: Prosveshchenie, 440 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Шмелева Анна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Ломатова Анастасия Евгеньевна, член научного общества воспитанниц им. С.П. Капицы, Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2249-3216>, e-mail: lomatova09@mail.ru

Лунёва Евгения Дмитриевна, член научного общества воспитанниц им. С.П. Капицы, Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9793-9967>, e-mail: yevgeniya_luneva@mail.ru

Шмелева А.В., Ломатова А.Е., Лунёва Е.Д.
Сестра милосердия – баронесса Ю.П. Вревская. К
вопросу создания художественного образа
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 67–82.

Shmeleva A.V., Lomatova A.E., Luneva E.D.
Sister of Mercy – Baroness Yu.P. Vrevskaya. On the Issue
of Creating an Artistic Image
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 67–82.

Information about the authors

Anna V. Shmeleva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Anastasia E. Lomatova, member of the Scientific Society of pupils named after S.P. Kapitsa, Moscow Cadet Corps “Boarding school of pupils of the Ministry of Defense of the Russian Federation”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2249-3216>, e-mail: lomatova09@mail.ru

Evgeniya D. Luneva, member of the Scientific Society of pupils named after S.P. Kapitsa, Moscow Cadet Corps "Boarding school of pupils of the Ministry of Defense of the Russian Federation", Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9793-9967>, e-mail: yevgeniya_luneva@mail.ru

Получена 01.03.2022
Принята в печать 15.03.2022

Received 01.03.2022
Accepted 15.03.2022

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES

Русские писатели XIX века в учебниках русского языка для американцев

Зенкевич И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО
МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

В статье рассматриваются учебники русского языка, созданные американскими авторами для американских учащихся, с целью выявления отношения их авторов к творчеству русских писателей XIX века. В статье раскрываются причины, побудившие автора использовать учебники как материал исследования, дается их периодизация в связи с нарастанием интереса к изучению русского языка в США. Автор статьи исследует более 50 учебников русского языка как иностранного, изданных в США в период с начала XX века до нашего времени; раскрывает подход американских создателей учебников русского языка к выбору текстового материала и принципы его презентации в учебниках. Методом сплошной выборки автор статьи отбирает контексты, связанные с русской литературой XIX века, и проводит количественный и качественный анализ лексических единиц, содержащих культурный компонент значения, связанный с русскими писателями XIX века. Наибольшую частотность имеют имена собственные русских писателей, наименования литературных произведений и жанров русской литературы указанного периода. Автор приходит к выводу, что общая частотность лексических единиц, связанных с русской литературой XIX века, в американских учебниках русского языка мала, что не позволяет американским учащимся создать четкое впечатление о русской литературе и русских писателях указанного периода.

Ключевые слова: учебники русского языка для американцев, текстовой материал, лексика языка, номинативные лексические единицы лексики, признаковые лексические единицы, русские писатели XIX века, литературные произведения, жанры.

Для цитаты: Зенкевич И.В. Русские писатели XIX века в учебниках русского языка для американцев [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 83–91. DOI:10.17759/langt.2022090107

Russian Writers of the 19th Century in Russian Language Textbooks for Americans

Irina V. Zenkevich

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

This article considers Russian language textbooks created by American authors for American students in order to identify the attitude of their authors to the creativity of the Russian writers of the XIX century. The article reveals the reasons that prompted its author to use textbooks as research material, and gives their periodization in connection with the growing interest in learning Russian in the United States. The article examines more than 50 textbooks of Russian as a foreign language published in the USA in the period from the beginning of the twentieth century to our time; reveals the approach of the American creators of Russian textbooks to the choice of text material and the principles of its presentation in their textbooks. The method of continuous sampling is used to select the contexts containing information about the Russian literature of the XIX century. The author conducts quantitative and qualitative analyses of lexical units containing a cultural component of meaning connected with the Russian writers of the XIX century. One of the conclusions of the analyses is that Russian writers' proper names, names of literary works and genres of Russian literature are of the greatest frequency. Another conclusion is that the general frequency of lexical units associated with the Russian literature of the XIX century in American textbooks of the Russian language is small, which does not allow American students to create a clear impression of the Russian literature and Russian writers of the XIX century.

Keywords: Russian language textbooks for Americans, text material, lexis, nominative lexical units, adjectival lexical units, Russian writers of the XIX century, literary works, genres.

For citation: Zenkevich I.V. Russian Writers of the 19th Century in Russian Language Textbooks for Americans. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 83–91. DOI:10.17759/langt.2022090107 (In Russ.).

В последнее время отношения России и США переживают кризис, связанный с геополитическими и экономическими разногласиями между нашими странами. В этих непростых обстоятельствах культурные контакты могли бы сыграть положительную роль в поддержании интереса и сохранении связей между американцами и россиянами, а русский язык мог бы быть посредником в этом процессе.

Преподавание русского языка в вузах и школах США ведется с рубежа XIX-XX вв.; с этого же периода в США начинают создаваться учебники русского языка как иностранного, которым, особенно в XX веке, т.е. в период отсутствия интернета и глобальных систем свободного обмена информацией, принадлежит, как нам представляется, важная роль в формировании представлений о России (СССР) у американской учебной аудитории. Форма и

содержание учебника зависят от целого ряда факторов, среди которых немаловажными являются личные предпочтения, личный опыт его создателей: то есть, учебник, с одной стороны, отражает взгляды и представления его авторов, с другой – он способен формировать представления у обучающихся студентов, которые размышляя о мире изучаемого языка, формируют свое собственное видение страны изучаемого языка. Особое место в этом процессе занимает лексика языка как наиболее открытая система, отражающая окружающую действительность в ее многообразии и изменчивости.

Сразу оговоримся, что нас интересовали именно учебники русского языка, составленные американскими авторами для американской учебной аудитории, а не книги для чтения, которые могут являться либо составным компонентом конкретного учебника (учебно-методического комплекса), либо самостоятельным учебным пособием, предназначенным для поддержания или повышения уровня владения языком. Материалом исследования послужили 50 учебников, изданных в США в период с начала XX до 10 гг. XXI века.

Когда речь не идет о книгах–сборниках текстов для чтения, а именно об учебниках русского языка, то следует сказать, что периодизация литературного процесса в нашей стране не столь важна для составителей учебников, поэтому американские обучающиеся прежде всего получают представление о литературе России (или СССР) как о «русской литературе», т.е. такой, которая создана в нашей стране, безотносительно времени ее появления. На полях заметим, что в книгах для чтения периодизация тоже не всегда оказывается актуальной. Например, Р. Фастенберг помещает произведения русских и советских авторов без комментария о времени и характере исторической эпохи, в которую они были созданы; эти произведения приводятся составительницей учебника в хронологическом порядке, однако ни дат, ни названий исторических периодов не дается [Fastenberg 1945]. Несколько другой подход к составлению книги для чтения встречаем у Н.Н. Сергиевского [Sergievsky 1947]. Он разбивает ту часть учебника, в которой даны примеры литературных произведений, на рубрики, например «Русская классическая поэзия», «Портреты России», «Советские авторы». При этом, в обеих книгах произведения писателей, представляющих русскую классическую литературу, составляют большинство. Таким образом, можно говорить о том, что для изучающих русский язык американцев литература нашей страны – это прежде всего «русская классическая литература», о чем свидетельствует как сам подбор авторов, упоминаемых в учебниках русского языка, так и выбор лексических единиц, которые сопровождают их имена.

Интересен сам подход авторов учебников к выбору текстового материала. В этой связи, все проанализированные нами учебники можно разделить на несколько групп: например, те, в которых используются тексты из русской классической литературы или тексты, взятые из русских книг для чтения, и те, авторы которых сами составляют материалы для чтения, исходя из потребностей американских студентов.

Например, Поль Бойер, автор учебника «Книга для чтения» 1932 г. по русскому языку и Самуэль Харпер (Samuel Northrup Harper), подготовивший это издание для американских студентов, пишут о том, что овладение русским языком для начинающего несет много сложностей и предлагают изучать его через чтение, которое сопровождается объяснениями всех сложных явлений грамматики и лексики. Цель их книги – дать студентам полное представление о разговорном русском языке и его выразительных средств в минимальном количестве текстов, чтобы не перегружать студенческую аудиторию. Источником текстов стали работы «великого писателя земли русской» Льва Толстого, написанные для детей.

Они, по мнению авторов, дают прекрасное представление о современном разговорном русском языке (книга вышла в 1932 г.) и должны быть интересны американским студентам. Рассказы распределены по степени сложности используемых в них грамматических конструкций и лексических средств, чтоб студенты могли двигаться от простого к сложному, что позволит им сохранить мотивацию к изучению русского языка [Boyer, Speransky 1915]; [Boyer, Speransky 1932].

Упомянутая выше Р. Фастенберг, автор учебника, вышедшего в 1945 г., заявляет, что выбирала те тексты, которые наиболее часто включаются в программу младшей и средней школы в СССР, что должно позволить американским студентам лучше понять русских, а значит, дать картину реальной жизни в России, а это, в свою очередь, всегда вызывает интерес у иностранной аудитории [Fastenberg 1945].

Со второй половины XX века наметилась еще одна тенденция подбора текстового материала. В учебниках 1960-1970-ых гг. кроме текстов, составленных самими авторами, находим выдержки из советских газет (с указанием выходных данных изданий) и энциклопедий, т.е. заметна тенденция разнообразить тексты учебников посредством привлечения аутентичного материала.

Авторы учебников («Тройка», «Голоса»), изданных после 1990 г., практически полностью отказались от использования текстов русской классической литературы как образца русского языка, поскольку преобладавший в эти годы коммуникативный подход к обучению иностранному языку предполагает использование современного языка в настоящих ситуациях общения, следовательно, тексты русской классической литературы не могли дать примеров употребления живого языка. В этих учебниках помещены в основном тексты диалогов, составленные самими авторами, а также большой спектр аутентичного материала: выдержки из российских газет, журналов, дайджестов; театральные и концертные билеты; зачётно-экзаменационные ведомости, программы телепередач и др.

Лексический материал учебников, потенциально способный создавать представление у обучающихся о литературе нашей страны, выглядит следующим образом. Методом сплошной выборки нами были отобраны единицы, содержащие культурный компонент значения, связанный с русской литературой XIX века, и был проведен их количественный анализ.

Среди номинативных единиц количественное превосходство имеют имена собственные писателей, среди которых самыми частотными являются (по степени убывания) фамилии Толстой (Толстая), Пушкин, Чехов, Достоевский, Горький, Тургенев.

В основном фамилия «Толстой» встречается в контекстах, связанных с названиями произведений писателя: *Отец купил сочинения Толстого* [Patrick 1935: 89]. *Кто герой «Анны Карениной» Толстого?* [Lunt 1958: 137]. *Вчера я прочитал книгу Толстого. ... Дайте мне, пожалуйста, «Войну и мир» Толстого* [Fairbanks, Leed 1964: 205]. *Роман «Война и мир» был написан Толстым* [Davis 1973: 353]. *Л.Н.Толстой автор романа «Анна Каренина»* [Golosa 2012: 179]; [Golosa 1993: 179].

Также встречаются контексты, в которых указывается роль Толстого в русской литературе: *Я видел дом великого русского писателя Толстого, когда я был в России* [Prince 1919: 44]. *Особенно важное место в русской литературе занимает Лев Толстой* [Doherty, Lamoureux, Lander 1970: 204]; и контексты, утверждающие наличие человека, по фамилии «Толстой», без конкретизации его рода деятельности и места в русской литературе: *Л.Н.Толстой родился в августе 1828 г. и умер 7 ноября 1910 г. ...* [Lunt 1958: 137] *Я видел*

Толстого [Bidwell 1969: 38].

В учебниках до XX века фамилия «Толстой» имеет отношение исключительно к Льву Николаевичу Толстому, в то время как учебники XXI века информируют обучающихся о существовании в русской литературы нескольких писателей с фамилией «Толстой»: **Какой Толстой? Лев Николаевич (1828-1910) «Война и мир», «Анна Каренина», Алексей Константинович (1817-1875), лирический поэт, Алексей Николаевич (1883-1945) – «Петр Первый», «Иван IV»** [Golosa 2012: 375]; [Golosa 1993: 375]. Также в этих учебниках появляется фамилия «Толстая», что может быть связано с тем, что Татьяна Толстая в 1990-е гг. жила и преподавала в США, работала там журналистом, а, значит, могла быть известна и интересна американским студентам: **Толстая Т.Н.: ... внучка писателя Алексея Николаевича Толстого. .. В 90-ые годы Толстая часто преподавала в американских вузах и публиковала статьи в американских и британских журналах** [Golosa 1993: 375]; [Golosa 2012: 375]. **Татьяна Толстая – это русский писатель. Татьяна Толстая – хороший писатель** [Troika 2011: 32].

Фамилия «Пушкин» встречается в основном в контекстах, связанных с вкладом писателя в становление русского литературного языка и русской литературы, а также с его поэтическим творчеством и его значительностью в русской культуре (находим такие словосочетания как «великий поэт», «великий писатель», «гений»): **А.С. Пушкин родился в Москве 26 мая 1799 г. [Lunt 1958: 187]. Великий поэт умер в Санкт-Петербурге 9 января 1837 г. ... При Пушкине новая русская литература только начиналась [Lunt 1958: 191]. Благодаря гению Пушкина русский стал языком не только бедных крестьян, но также языком русской народной литературы [Doherty, Lamoureux, Lander 1970: 201]. Вот стоит памятник Пушкину [Davis 1973: 168]. Пушкин является великим русским поэтом [Davis 1973: 195]. Произведение Пушкина везде известно [Davis 1973: 205]. Таня читала стихи Пушкина [English Grammar for Students of Russian 1993: 23]. А.С.Пушкин отец русской литературы [Golosa 1993: 179]; [Golosa 2012: 179]. Пушкин – это русский поэт [Troika 2011: 32].**

В одном учебнике нами был неожиданно обнаружен доклад Пушкина о саранче, подготовленный им весной 1924 г. в Херсоне, куда поэта отправил генерал-губернатор Новороссийского края граф Михаил Воронцов (Пушкин в этот период находился в ссылке в Одессе) для сбора сведений о мерах, принимаемых для уничтожения саранчи: **Вот что Пушкин писал о саранче в 1824 г.: Саранча Летела, летела – И села. Сидела, сидела, Все съела, И вновь улетела** [Lunt 1958: 204]. В учебнике ничего не рассказывается как об истории возникновения этого стихотворного доклада, так и о биографии самого поэта. Роль этого небольшого стихотворения в судьбе Пушкина остается не прояснённой (от себя скажем, что вскоре после его написания поэт был отправлен из Одессы в ссылку в свое имение Михайловское).

В одном из учебников, изданных в нашем веке, находим контекст, объединяющий Пушкина и Шекспира, имплицитно предполагающий равнозначимость обоих писателей для своих национальных литератур: **Он очень любит Шекспира и Пушкина... У него есть Пушкин, но у него нет ни одного Шекспира** [Golosa 1993: 334]; [Golosa 2012: 334].

Фамилия «Чехов» используется в контекстах, описывающих его как драматурга и автора рассказов, в том числе, юмористических: **Во втором отделении шло «Предложение» Чехова, очень смешная пьеса в одном действии [Cornyn 1961: 225]. Сегодня (в Художественном театре) идет пьеса «Три сестры» Чехова [Fairbanks, Leed 1964: 205]. Во главе юмористических писателей стоит А.П. Чехов [Doherty, Lamoureux, Lander 1970: 204]**

Когда **Чехов** писал свой последний рассказ, он был тяжело больным [Davis 1973: 62]. **А.П.Чехов** автор драмы «Чайка» [Golosa 1993: 179]; [Golosa 2012: 179]. *Что она будет делать в воскресенье? – Она будет смотреть «Чайку» Чехова* [Troika 2011: 316].

Интересно отметить, что в связи с фамилией «Чехов» мы встречаем контексты, в которых употребляется глагол «читать»: *Мы читаем работы Чехова в переводе* [Davis 1973: 380]. *Я прочитал рассказ Чехова* [Davis 1973: 90]. *Я стала читать Чехова снова* [The Big Silver Book of Russian Verbs 2005: гл. 474]. Таким образом, произведения Чехова становятся ближе американским студентам: о Чехове можно не только знать как о русском писателе и драматурге, Чехова можно самостоятельно прочитать. Подобные контексты нами также были обнаружены в связи с произведениями Льва Толстого (об этом см. ниже).

Фамилия «Достоевский» упоминается в контекстах, связанных с названиями произведений писателя и именованием их жанра («роман»), **Ф.М. Достоевский** родился 30 октября 1821 г. и умер в 1881 г. в январе. ... *Мой сосед, хорошо знающий русский язык, переводит роман – или скорее длинный рассказ – Достоевского «Бедные люди»* [Lunt 1958: 238, 240]. **Достоевский** написал роман «Преступление и наказание» [Davis 1973: 90]. **Ф.М. Достоевский** автор романа «Идиот». ... **Федор Михайлович Достоевский** написал роман «Братья Карамазовы» [Golosa 1993: 178, 179] [Golosa 2012: 178, 179]. *По-моему, Достоевский – очень хороший писатель* [Troika 2011: 73]; а также с предметом интереса Достоевского-писателя: *Вместо героев русского общества, Достоевского главным образом интересовали несчастливые и больные люди* [Doherty, Lamoureux, Lander 1970: 204].

Контексты, посвященные Горькому, именуют его, с одной стороны, «великим русским писателем», а с другой – «отцом советской литературы»: *Великий русский писатель Максим Горький родился на Волге, в городе, который носит теперь его имя* [Lunt 1958: 240]. **Горький** считается отцом советской литературы [Doherty, Lamoureux, Lander 1970 : 205]. *Эту надпись сделал великий русский писатель Максим Горький* [Davis 1973: 294].

Фамилией «Тургенев» встречается в учебниках редко, контексты, ее содержащие, скудны, из них сложно вынести какое-либо представление о вкладе писателя в русскую литературу. Приведем самый объемный из них: *Без Тургенева нельзя себе представить русскую литературу* [Doherty, Lamoureux, Lander 1970: 204].

Основными признаковыми лексическими единицами являются прилагательные «великий» и «русский», которые для индивидуализации представителей русской культуры иногда употребляются по отдельности, иногда вместе, например, о Пушкине сказано: **Великий поэт умер в Санкт-Петербурге 9 января 1837 г.** [Lunt 1958: 191]. *Пушкин является великим русским поэтом* [Davis 1973: 195]. *Пушкин – это русский поэт* [Troika 2011: 32]; [Troika 1996: 32].

Среди других адъективных единиц выделим прилагательные «выдающийся» (*Самый выдающийся русский литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский тоже жил в первой половине девятнадцатого века.* ... [Cornyn 1961: 263, 264].), «известный» и «гениальный» (*Гениальный русский беллетрист граф Лев Николаевич Толстой стал широко известен за границей* [Cornyn 1961: 263], «глубокий» (**Ф.М. Достоевский – глубокий психолог и большой знаток человеческой души** [Cornyn 1961: 263].).

Наиболее частотными наименованиями литературных произведений являются «Война и мир» и «Анна Каренина», при этом «Анна Каренина» выступает еще и как наиболее частотное наименование литературной героини: *Вот роман «Война и мир»* [Domar 1961: 42, 47]. *Я недавно перечитал «Войну и мир» и вспомнил учителя литературы. Он говорил, что*

нужно перечитывать **«Войну и мир»** каждый год [Domar 1961: 128]. Роман **«Война и мир»** [Bidwell 1969: 86]. Вы читали **«Войну и мир»**? - Да, читал [Davis 1973: 52]. **«Война и мир»** (Характеристика Платона Каратаева) [Fastenberg 1945: 85]. **«Война и мир»** – интересный роман [Troika 2011: 72]. Героиня называется **Анной Карениной** [Lunt 1958: 228]. **Анна Каренина** изменила своему мужу [Davis 1973: 169]. Ты читала **«Анну Каренину»**? [Golosa 1993: 368]; [Golosa 2012: 368]. Что такое **«Анна Каренина»**? – Это русский роман [Troika 2011: 69]. Отметим здесь употребление глагола «читать», применительно к произведениям Толстого, работающего на их сближение с обучающимися.

Среди других наименований литературных произведений можно выделить названия **«Преступление и наказание»** (Текст **«Комната»** (по Достоевскому, **«Преступление и наказание»**) [Doherty, Lander 1961]. Из **«Преступления и наказания»** Ф.М.Достоевского (о камерке Раскольникова) [Doherty, Lamoureux, Lander 1970: 70].), **«Братья Карамазовы»** (Федор Михайлович Достоевский написал роман **«Братья Карамазовы»** [Golosa 1993: 179]; [Golosa 2012: 179].), **«Идиот»** (Мы читаем **«Идиота»** [Lunt 1958: 137]. Ф.М.Достоевский автор романа **«Идиот»** [Golosa 1993: 178]; [Golosa 2012: 178].), **«Чайка»** (А.П.Чехов автор драмы **«Чайка»** [Golosa 1993: 179]; [Golosa 2012: 179]. Что она будет делать в воскресенье? – Она будет смотреть **«Чайку»** Чехова [Troika 2011: 316].), **Сегодня** (в Художественном театре) идет пьеса **«Три сестры»** Чехова. [Fairbanks, Leed 1964].).

Среди жанров русской литературы выделим такие как «роман» (**Роман** **«Война и мир»** был написан Толстым [Davis 1973: 353]. Достоевский написал **роман** **«Преступление и наказание»** [Davis 1973: 90], «пьеса» (Во втором отделении шло **«Предложение»** Чехова, очень смешная **пьеса** в одном действии [Cornyn 1961: 225]. **Сегодня** (в Художественном театре) идет **пьеса** **«Три сестры»** Чехова [Fairbanks, Leed 1964].), «рассказ» (Когда Чехов писал свой последний **рассказ**, он был тяжело больным. (62) / Я прочитал **рассказ** Чехова [Davis 1973: 90], «стихи» (Таня читала **стихи** Пушкина [English Grammar for Students of Russian 1993: 23].), а также существительные, имеющие более общее значение: «произведение» (**Произведение** Пушкина везде известно [Davis 1973: 205].), «сочинение» (Отец купил **сочинения** Толстого [Patrick 1935: 89].).

Количественный анализ показывает, что упоминание фамилий русских писателей и их произведений в учебниках русского языка для американцев мало частотно, в основном они присутствуют лишь в виде отсылки к авторству стихотворного или прозаического отрывка, помещенного в учебнике, или как часть большого списка фамилий известных русских писателей и их произведений, и только в небольшом количестве учебников. Создать сколь угодно четкое представление о русской литературе и о русских писателях в таких условиях затруднительно.

Литература

1. Bidwell Charles E. The Structure of Russian in Outline. 1969. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 124 p.
2. Boyer P., Speransky N. Russian Reader. Accented Texts, Grammatical and Explanatory Notes. 1915. Chicago: The University of Chicago Press, 386 p.
3. Boyer P., Speransky N. Russian Reader. Accented Texts, Grammatical and Explanatory Notes. 1932. Chicago: The University of Chicago Press, 381 p.
4. Cornyn W.S. Beginning Russian. Revised Edition. 1961. New Haven and London: Yale University Press, 312 p.

5. *Cruise E.J.* English Grammar for Students of Russian. The Study Guide for Those Learning Russian. Second Edition. 1993. Michigan: The Olivia and Hill Press, 171 p.
6. *Davis P.A., Oprendeck D.V.* Making Progress in Russian. A second year course. 1973. Lexington (Massachusetts): Xerox College Publishing, 518 p.
7. *Doherty J.C., Lamoureux C., Lander M.R.* Russian: Book Two. 1970. Lexington, Massachusetts: D. C. Heath and Company, 382 p.
8. *Doherty J.C., Markus Lander R.* First Course in Russian. Part Two. 1961. Boston: D.C.Heath and Company, 245 p.
9. *Domar R.A.* Basic Russian. A Textbook for Beginners. 1961. New York: McGraw-Hill Book Company, INC., 516 p.
10. *Fairbanks G.H., Leed R.L.* Basic Conversational Russian. 1964. New York: Holt, Rinehart and Winston, 350 p.
11. *Fastenberg R.* Everybody's Russian Reader. 1945. New York: Language Student Press, 129 p.
12. *Franke Jack E.* The Big Silver Book of Russian Verbs. 555 Fully Conjugated Verbs. 2005. New York: McGraw-Hill, 667 p.
13. *Lunt Horace G.* Fundamentals of Russian (First Russian Course). 1958. The Hague: Mout and Co. Publishers, 320 p.
14. *Patrick G.* One thousand commonly used Russian words With illustrative sentences 1935. New York: American Council Institute of Pacific relations, 107 p.
15. *Prince J.D.* Russian Grammar for Class and Reference Use. A Progressive Method of Learning Russian. 1919. New York: Columbia University, 218 p.
16. *Robin R., Robin J., Henry K.* Golosa: A Basic Course in Russian. 1993. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 347 p.
17. *Robin R.M., Evans-Romaine K., Shatalina G.* Golosa: A Basic Course in Russian. 5 th Edition. 2012. USA: Pearson, 426 p.
18. *Sergievsky N.N.* How to Read, Write and Speak Modern Russian. Second, Revised Edition. 1947. New York: Frederick Ungar Publishing Co., 291 p.
19. *Troika A.* Communicative Approach to Russian Language, Life and Culture. 2nd Edition. 2011. New York: John Wiley and Sons, Inc., 676 p.

References

1. Bidwell Charles E. The Structure of Russian in Outline. 1969. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 124 p.
2. Boyer P., Speransky N. Russian Reader. Accented Texts, Grammatical and Explanatory Notes. 1915. Chicago: The University of Chicago Press, 386 p.
3. Boyer P., Speransky N. Russian Reader. Accented Texts, Grammatical and Explanatory Notes. 1932. Chicago: The University of Chicago Press, 381 p.
4. Cornyn W.S. Beginning Russian. Revised Edition. 1961. New Haven and London: Yale University Press, 312 p.
5. Cruise E.J. English Grammar for Students of Russian. The Study Guide for Those Learning Russian. Second Edition. 1993. Michigan: The Olivia and Hill Press, 171 p.
6. Davis P.A., Oprendeck D.V. Making Progress in Russian. A second year course. 1973. Lexington (Massachusetts): Xerox College Publishing, 518 p.
7. Doherty J.C., Lamoureux C., Lander M.R. Russian: Book Two. 1970. Lexington, Massachusetts: D. C. Heath and Company, 382 p.

8. Doherty J.C., Markus Lander R. First Course in Russian. Part Two. 1961. Boston: D.C.Heath and Company, 245 p.
9. Domar R.A. Basic Russian. A Textbook for Beginners. 1961. New York: McGraw-Hill Book Company, INC., 516 p.
10. Fairbanks G.H., Leed R.L. Basic Conversational Russian. 1964. New York: Holt, Rinehart and Winston, 350 p.
11. Fastenberg R. Everybody's Russian Reader. 1945. New York: Language Student Press, 129 p.
12. Franke Jack E. The Big Silver Book of Russian Verbs. 555 Fully Conjugated Verbs. 2005. New York: McGraw-Hill, 667 p.
13. Lunt Horace G. Fundamentals of Russian (First Russian Course). 1958. The Hague: Mout and Co. Publishers, 320 p.
14. Patrick G. One thousand commonly used Russian words With illustrative sentences 1935. New York: American Council Institute of Pacific relations, 107 p.
15. Prince J.D. Russian Grammar for Class and Reference Use. A Progressive Method of Learning Russian. 1919. New York: Columbia University, 218 p.
16. Robin R., Robin J., Henry K. Golosa: A Basic Course in Russian. 1993. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 347 p.
17. Robin R.M., Evans-Romaine K., Shatalina G. Golosa: A Basic Course in Russian. 5 th Edition. 2012. USA: Pearson, 426 p.
18. Sergievsky N.N. How to Read, Write and Speak Modern Russian. Second, Revised Edition. 1947. New York: Frederick Ungar Publishing Co., 291 p.
19. Troika A. Communicative Approach to Russian Language, Life and Culture. 2nd Edition. 2011. New York: John Wiley and Sons, Inc., 676 p.

Информация об авторах

Зенкевич Ирина Валерьевна, старший преподаватель кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

Information about the authors

Irina V. Zenkevich, senior lecturer of the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

Получена 17.01.2022

Принята в печать 15.03.2022

Received 17.01.2022

Accepted 15.03.2022

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES

К вопросу о теории и практике коммуникативного подхода в обучении русскому языку как иностранному

Воителева Т.М.

Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9314-1758>, e-mail: voitelev@yandex.ru

Цао Ч.

Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8275-0750>, e-mail: 852835865@qq.com

Коммуникативный подход представляет собой важную составляющую в методике преподавания русского языка как иностранного. В статье рассматривается специфика коммуникативного подхода, обозначено развитие этого подхода в стране и за рубежом, описывается практика применения коммуникативного подхода в процессе изучения русского языка как иностранного, также проанализированы достоинства и недостатки названного подхода в практике обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: коммуникативный подход, русский язык как иностранный, практика.

Для цитаты: *Воителева Т.М., Цао Ч.* К вопросу о теории и практике коммуникативного подхода в обучении русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 92–99. DOI:10.17759/langt.2022090108

On the Theory and Practice of the Communicative Approach in Teaching Russian as a Foreign Language

Tatiana M. Voiteleva

Moscow Region State University, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9314-1758>, e-mail: voitelev@yandex.ru

Cao Chunhua

Moscow Region State University, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8275-0750>, e-mail: 852835865@qq.com

The communicative approach is an important component in the methodology of teaching Russian as a foreign language. Russian Russian as a foreign language The

article examines the specifics of the communicative approach, identifies the development of this approach in the country and abroad, describes the practice of using a communicative approach in the process of learning Russian as a foreign language, and analyzes the advantages and disadvantages of this approach in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: communicative approach, Russian as a foreign language, practice.

For citation: Voiteleva T.M., Cao C. Activity On the Theory and Practice of the Communicative Approach in Teaching Russian as a Foreign Language. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 92–99. DOI:10.17759/langt.2022090108 (In Russ.).

Введение

В связи с развитием международных отношений, экономических и политических связей, требования к специалистам, владеющим другим (неродным) языком, на рынке труда постоянно растут, соответственно усиливается мотивация к изучению иностранных языков.

Коммуникативный подход, целью которого является формирование у учащихся коммуникативной компетентности, впервые появился в 1960-1970 годах и сразу был широко использован в подготовке специалистов, изучающих иностранные языки. Определение коммуникативного подхода вытекает из его целей и направленности. Таким образом, коммуникативный подход – это подход, «направленный на формирование у учащихся смыслового восприятия и понимания иностранной речи, а также овладение языковым материалом для построения речевых высказываний» [3], «моделирующий общение, направленное на создание психологической и языковой готовности к общению, на сознательное осмысление материала и способов действия с ним, а также на осознание требований к эффективности высказывания» [1]. Появление коммуникативного подхода оказало глубокое направляющее влияние на преподавание иностранных языков.

Теория коммуникативной компетенции

Теория коммуникативной компетентности (D.Hymes), системно-функциональная лингвистика (K.Halliday), теория речевого акта (L.Austin), трансформационно-порождающая грамматика (N.Chomsky) получили широкое развитие в практике преподавания. Обобщим две причины появления коммуникативного подхода: С одной стороны, до 1960 годов использовался традиционный метод преподавания иностранного языка, основной акцент делался на обогащении словарного запаса, однако постепенно этот метод подвергся сомнениям ученых. Многие лингвисты считали, что только обогащение словарного запаса и знания грамматики не могут быть достаточным для формирования коммуникативной компетентности; С другой стороны, с 1970 годов контакты между странами стали более тесными, многие ученые считали обучение иностранным языкам очень важным. Культурные и образовательные организации в западных странах начали дискуссии о том, какие общие и своеобразные проблемы в процессе обучения иностранному языку есть и как решить эти проблемы.

Почему коммуникативный подход появился в России? До конца 60-х годов XX века главным и ведущим методом в методике обучения иностранным языкам в России являлся традиционный подход, основными методами которого являлись аудиolingвальный и

грамматический. Данный подход предполагал детальный анализ правил и законов письменной речи и грамматики, перевод текстов с иностранного языка на родной язык. Вскоре с наметившимся интересом в расширении экономических и культурных связей, появилась потребность в неформальном общении, и, как следствие, в новом подходе. Традиционный подход перестал удовлетворять преподавателей, поднимается проблема профессиональной подготовки студентов как языковых, так и неязыковых специальностей, вследствие чего появляется коммуникативный подход, который уже в большей степени направлен на формирование профессиональной компетенции у студентов при изучении иностранного языка.

Развитие коммуникативного подхода за рубежом можно разделить на три этапа: зарождение, развитие и совершенствование.

Начало 1970 годов – это первый этап развития коммуникативного подхода. В пером этапе были разработаны теоретические основы зарождения коммуникативного подхода: теория коммуникативных способностей, представленная D.Hymes, обсуждает способности к развитию языка с точки зрения социологии [7], в теории систематической функциональной лингвистики, представленной К.Halliday, обозначены функции языка с точки зрения лингвистики [6]; теория речевого поведения, представленная J. Austin и J. Searle, раскрыла значения, которые язык может выразить с точки зрения философии [11].

Второй этап развития коммуникативной педагогики пришелся на конец 1970-х годов. Н. G. Widdowson отметил, что значение языка можно разделить на усвоение основ грамматики и лексики самого языка, а также коммуникативное значение, которое создает язык в процессе общения, что позволяет обеим сторонам понять друг друга [12]. D.A. Wilkinsom был разработан функциональный план идей, в котором подчеркнуто, что учащиеся должны иметь реальный эмоциональный опыт и коммуникативные потребности в общении [13]. На этом этапе теория коммуникативного подхода получила дальнейшее развитие.

Третий этап развития коммуникативной педагогики, то есть этап совершенствования, начался после 1980-х годов. W. Littlewood классифицировал коммуникативные методы и подробно описал их использование в обучении языкам. Объединив теорию коммуникативной педагогики [9], К. Johnson и К. Morrow проанализировали и обсудили практику преподавания иностранного языка на начальном этапе [8]. Кроме того, такие лингвисты, как D. Numan, и другие, еще больше дополнили и усовершенствовали теорию коммуникативных методов, а коммуникативная педагогика нашла отражение в подготовке учебников и преподавании [10].

Коммуникативный подход в России получил свое название по предложению Е.И. Пассова, который обосновал концепцию метода в ряде публикаций. В основу метода положены идеи коммуникативной лингвистики, психологической теории деятельности, концепция развития индивидуальности в диалоге культур. В.Г. Костомаров и О.Д. Митрофанова в «Методическом руководстве для преподавателей русского языка иностранцам» указали принципы коммуникативного подхода [4], и Е.И. Пассов в пособии «Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению» предложил коммуникативную систему преподавания иноязычного говорения [5]. Особенность метода проявляется в попытке приблизить процесс обучения языку к процессу реальной коммуникации. Это обстоятельство определяет предметность процесса коммуникации,

которая выражается в тщательном отборе речевых тем, интенций и ситуаций общения, отражающих практические интересы и потребности учащихся и обучающихся во время занятий.

Метод коммуникации в практике применения

В качестве примера рассмотрим применение метода коммуникации на занятиях по русскому языку как иностранному при изучении темы «Описание внешности человека».

Учитывая основные идеи коммуникативного подхода, мы используем концепцию преподавания русского языка как иностранного “ЗП”: presentation-practice-production (презентация-практика-применение) [2]. Эта концепция была выдвинута педагогом-практиком W. Littlewood.

Занятие проводится с учащиеся русского языка как иностранного, которые учатся на первом курсе в МГОУ.

Цель занятия: формирование у учащихся коммуникативных способностей в описании внешности человека на русском языке.

Задачи занятия: познакомить обучающихся с лексикой описания внешности, научить их описывать портрет человека, воспитывать стремление к речевому идеалу и гармонии в речевых поступках.

Учебный процесс описания проходит в несколько этапов:

1. Презентация – знакомство с ходом занятия.

1) Определить тему этого урока: описание внешности человека посредством диалога. Описание внешности человека на русском языке часто встречается в жизни обучающихся, можно сказать, что эта тема актуальная и жизненная. Также описание входит в российскую государственную программу по русскому языку как иностранному: знакомиться с кем-либо, представляться или представлять другого человека.

2) Представить учащимся учебные материалы: слова и структуры предложений, которые будут использоваться на уроке. Показать студентам необходимые материалы, которые будут использованы на уроке, чтобы студенты могли заранее понять и ознакомиться со словарным запасом и шаблонами предложений.

3) Объяснить задачи. Объяснить учащимся основные учебные задачи этого урока. После того, как учащиеся усвоят учебные материалы, используемые на этом уроке, они научатся описывать внешний вид своего товарища вокруг себя на изученном ими русском языке.

2. Практика

Эта часть – важная составляющая урока. Учащиеся будут представлять описание внешности в диалогах. Диалог – важный метод в коммуникативной методике, отражающий речевую направленность этого подхода. Каждые два учащихся вместе составляют диалог с использованием изученного языкового материала. Учащийся А выбирает одного из одноклассников и описывает его внешность, учащийся Б угадывает, кто этот человек. Перед началом составления диалога учащиеся повторяют учебные материалы (лексику и грамматические конструкции), чтобы потом без затруднения использовать их

Ход урока:

1) Сначала учащиеся делятся на группы, потом они готовят диалог на пять минут, после

чего каждые подгруппы составляют диалоги, т.е. создают речевую ситуацию.

Пример диалога:

А : Расскажите нам о вашем лучшем друге или подруге.

Б : Хорошо. Я хочу познакомить вас с моей подругой.

А : Какого она роста?

Б : Она среднего роста.

А : Какого цвета у неё глаза?

Б : У неё серые большие глаза.

А : Какого цвета у неё волосы? Какая длина волос?

Б : У неё черные длинные волосы.

А : Какое у неё лицо?

Б : У неё круглое лицо.

Знаете ли вы, кто моя лучшая подруга?

А : Это Сяо Фан.

Б : Да, правильно!

Учащиеся должны назвать минимум пять деталей внешности человека. На практике (в ходе коммуникации) они усваивают условия использования речевых средств в различных коммуникативных ситуациях.

В этом процессе преподаватель выступает как помощник, консультант и советчик. Ему не следует сразу исправлять допущенные учащимися речевые ошибки. После представления диалогов он с помощью вопросов предлагает отвечающим самим найти и исправить эти ошибки.

2) Обобщение практики учащихся

После выступления всех учащихся преподаватель обобщает материал по теме «Описание внешности человека» и делает вывод об успехах учащихся в составлении диалогов.

3. Применение

На этапе применения изученного материала методом ролевой игры учащимся предлагается закрыть тетради и учебные материалы с изученными формами, удалить все подсказки и объяснения с доски или плакатов, так как на этой стадии происходит имитация реальной ситуации из жизни.

Заключение

Практика применения коммуникативного подхода показывает, что это эффективный метод, который представляет собой сочетание многих способов обучения иностранным языкам. Использование названного подхода позволяет учащимся быстро и с легкостью справиться с языковым барьером, потому что в процессе обучения применяются разнообразные методы, связанные с жизненными и реальными ситуациями. При коммуникативном подходе могут использоваться газеты, телепрограммы, Интернет и т.д., что создает у учащихся мотивацию не только к изучению языка, но и интерес к культуре,

истории и другим аспектам изучаемого языка.

В то же время следует отметить, что коммуникативный подход уделяет недостаточно внимания изучению грамматики, в результате чего учащиеся часто допускают грамматические ошибки в процессе коммуникации. Кроме этого, важно, чтобы учитель, наряду с прекрасным знанием языка владел бы межкультурной компетенцией и многообразными коммуникативными стратегиями, также умениями организовать учебный процесс. Одним словом, нужен высококвалифицированный учитель, чтобы реализовать коммуникативный подход в учебной аудитории.

Применение коммуникативного подхода в преподавании русского языка как иностранного заслуживает продолжения исследований. Практика данного подхода тесно связано со многими факторами, такими, как компетентность преподавателя, учебная среда и учебные материалы и др.

Литература

1. Баграмова Н.В. Коммуникативно-интерактивный подход как способ повышения эффективности овладения иностранным языком // Материалы XXXI Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов (г. Санкт-Петербург, 11–16 марта 2002 г.). Санкт-Петербург: СПбГУ, 2002. С. 3–6.
2. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учебное пособие для преподавателей и студентов. 2007. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 185 с.
3. Голуб Л.Н. Коммуникативный подход в обучении [Электронный ресурс] // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. Серия Народное образование. Педагогика. 2017. № 4. С. 64–67. URL: https://www.bgsha.com/download/education/library/v_4_2017.pdf (дата обращения: 15.02.2022).
4. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. 1976. М.: Русский язык, 160 с.
5. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. 1991. М.: Просвещение, 223 с.
6. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. 1985. London: Arnold, 132 p.
7. Hymes D. On Communicative Competence. 1972. Harmondsworth: Penguin, 119 p.
8. Johnson K., Morrow K. Communication in the Classroom. 1981. Essex: Longman, 132 p.
9. Littlewood W. Communicative language teaching. 1996. Cambridge: Cambridge University Press, 108 p.
10. Nunan D. Introducing Discourse Analysis. 1993. London: Penguin, 175 p.
11. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. 1970. Cambridge: Cambridge University Press, 110 p.
12. Widdowson H.G. Teaching Language Communication. 1978. Oxford: Oxford University Press, 120 p.
13. O'Connor J.D. Wilkins D.A. Linguistics in Language Teaching // Journal of the International Phonetic Association. 1972. Vol. 3. № 1. P. 42 – 44. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0025100300000682>

References

1. Bagramova N.V. Kommunikativno-interaktivnyi podkhod kak sposob povysheniya effektivnosti ovladeniya inostrannym yazykom. Materialy XXXI Mezhvuzovskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov (g. Sankt-Peterburg, 11–16 marta 2002 g.). Sankt-Peterburg: SPbGU, 2002, pp. 3–6. (In Russ.).
2. Balykhina T.M. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo (novogo): uchebnoe posobie dlya prepodavatelei i studentov. 2007. Moscow: Publ. Rossiiskogo un-ta druzhby narodov, 185 p. (In Russ.).
3. Golub L.N. Kommunikativnyi podkhod v obuchenii [Communicative approach in teaching]. *Vestnik Bryanskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii. Seriya Narodnoe obrazovanie. Pedagogika=Bulletin of the Bryansk State Agricultural Academy. Public Education series. Pedagogy*, 2017, no. 4, pp. 64–67. Available at: https://www.bgsha.com/download/education/library/v_4_2017.pdf (Accessed 15.02.2022). (In Russ.).
4. Kostomarov V.G., Mitrofanova O.D. Metodicheskoe rukovodstvo dlya prepodavatelei russkogo yazyka inostrantsam. 1976. Moscow: Russkii yazyk, 160 p. (In Russ.).
5. Passov E.I. Kommunikativnyi metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu. 1991. Moscow: Prosveshchenie, 223 p. (In Russ.).
6. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. 1985. London: Arnold, 132 p.
7. Hymes D. On Communicative Competence. 1972. Harmondsworth: Penguin, 119 p.
8. Johnson K., Morrow K. Communication in the Classroom. 1981. Essex: Longman, 132 p.
9. Littlewood W. Communicative language teaching. 1996. Cambridge: Cambridge University Press, 108 p.
10. Nunan D. Introducing Discourse Analysis. 1993. London: Penguin, 175 p.
11. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. 1970. Cambridge: Cambridge University Press, 110 p.
12. Widdowson H.G. Teaching Language Communication. 1978. Oxford: Oxford University Press, 120 p.
13. O'Connor J.D. Wilkins D.A. Linguistics in Language Teaching. *Journal of the International Phonetic Association*, 1972. Vol. 3, no. 1, pp. 42 – 44. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0025100300000682>

Информация об авторах

Воителева Татьяна Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9314-1758>, e-mail: voitelev@yandex.ru

Цао Чуньхуа, аспирант кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8275-0750>, e-mail: 852835865@qq.com

Information about the authors

Tatiana M. Voiteleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow State Regional University,

Voiteleva T.M., Цао Ч.
К вопросу о теории и практике коммуникативного
подхода в обучении русскому языку как
иностранному
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 92–99.

Voiteleva T.M., Cao C.
Activity On the Theory and Practice of the
Communicative Approach in Teaching Russian as a
Foreign Language
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 92–99.

Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9314-1758>, e-mail:
voitelev@yandex.ru

Cao Chunhua, postgraduate student of the Department of Methods of Teaching Russian Language
and Literature, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0001-8275-0750>, e-mail: 852835865@qq.com

Получена 01.03.2022
Принята в печать 15.03.2022

Received 01.03.2022
Accepted 15.03.2022

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES

Интерпретация поэтического текста Н.А. Заболоцкого позднего периода на уроках литературы

Воителева Т.М.

Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9314-1758>, e-mail: voitelev@yandex.ru

Зайцева Т.А.

Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8757-0668>, e-mail: tatiana12908@mail.ru

Использование поэтического текста для характеристики лингвистических и стилистических свойств языковых фактов, исторической изменчивости русского языка и его норм и правил; понимание языка как полифункционального явления, проникновения в его эстетическую функцию, дает широкие возможности для формирования языковой, лингвистической и коммуникативной компетенции учащихся. Проблема анализа художественного текста на уроках словесности получила теоретическое и практическое воплощение в трудах литературоведов и методистов XIX – XX веков. В статье рассматривается, как в процессе урока по интерпретации поэтического текста достигаются личностные, предметные и метапредметные результаты.

Ключевые слова: поэтический текст, интерпретация, метапредметные результаты, язык как полифункциональное явление, языковая компетенция, лингвистическая компетенция, коммуникативная компетенция.

Для цитаты: Воителева Т.М., Зайцева Т.А. Интерпретация поэтического текста Н.А. Заболоцкого позднего периода на уроках литературы [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 100–107. DOI:10.17759/langt.2022090109

Interpretation of N. A. Zabolotsky's Poetic Text of the Late Period in Literature Lessons

Tatiana M. Voiteleva

Moscow Region State University, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9314-1758>, e-mail: voitelev@yandex.ru

Tatiana A. Zaitseva

Moscow State Regional University, Moscow, Russia,

Войтелева Т.М., Зайцева Т.А.
Интерпретация поэтического текста Н.А. Заболоцкого
позднего периода на уроках литературы
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 100–107.

Voiteleva T.M., Zaitseva T.A.
Interpretation of N. A. Zabolotsky's Poetic Text of the
Late Period in Literature Lessons
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 100–107.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8757-0668>, e-mail: tatiana12908@mail.ru

The use of poetic text to characterize linguistic and stylistic properties of linguistic facts, historical variability of the Russian language and its norms and rules; understanding of language as a multifunctional phenomenon, penetration into its aesthetic function, provides ample opportunities for the formation of linguistic, linguistic and communicative competence of students. The problem of analyzing a literary text in literature lessons has received theoretical and practical embodiment in the works of literary critics and methodologists of the XIX – XX centuries. The article examines how personal, subject and meta-subject results are achieved in the course of a lesson on the interpretation of a poetic text.

Keywords: poetic text, interpretation, metasubject results, language as a multifunctional phenomenon, linguistic competence, linguistic competence, communicative competence.

For citation: Voiteleva T.M., Zaitseva T.A. Interpretation of N. A. Zabolotsky's Poetic Text of the Late Period in Literature Lessons. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 100–107. DOI:10.17759/langt.2022090109 (In Russ.).

Введение

Предметом филологии является весь человеческий мир, увиденный через текст, важнейшая характеристика которого – ориентированность на раскрытие мира, скрывающегося за словами. Использование поэтического текста для характеристики лингвистических и стилистических свойств языковых фактов, исторической изменчивости русского языка и его норм и правил; понимание языка как полифункционального явления, проникновения в его эстетическую функцию, дает широкие возможности для формирования языковой, лингвистической и коммуникативной компетенции учащихся.

Перед учителем русского языка и литературы современной школы стоит задача выявлять и характеризовать существенные признаки объектов; устанавливать приметы классификаций, критерии проводимого анализа; выявлять закономерности и противоречия в рассматриваемых объектах наблюдения, делать выводы с использованием дедуктивных и индуктивных умозаключений по аналогии, формулировать гипотезы о взаимосвязях. Данные базовые логические действия соответствуют ФГОС ООО и связаны с овладением обучающимися универсальными учебными познавательными действиями. С введением ФГОС третьего поколения в 2021 году, перед учителем также была поставлена задача перехода от формирования отдельных метапредметных результатов к формированию их целостной системы. Иными словами, обучающийся на уроках должен в полной мере овладеть метапредметными компетенциями. Несмотря на то что данные задачи касаются каждого учителя, особо остро они стоят перед учителями словесности на уроках литературы [16].

Проблема анализа художественного текста на уроках словесности получила теоретическое и практическое воплощение в трудах литературоведов и методистов XIX–XX веков. В области художественного речествовчества данную тему изучали Ф.И. Буслаев [3], Ю.М. Лотман, Л.В. Щерба [17], В.В. Виноградов [5] и др. В методике преподавания литературы к анализу поэтического текста обращались В.Ф. Чертов [2], О.Ю. Богданова,

В.Г. Маранцман [11].

Вопросы интерпретации художественного текста

Интерпретация текста – это форма истолкования текста с целью понимания его смысла, интерпретация текста поэтического – высшая его форма, овладение которой способствует не только пониманию текста, но и умению определять его языковые свойства, видеть текст как отражение событий индивидуального и мирового значений, что способствует лучшему пониманию историко-культурных событий и их отражению в творчестве автора. С этой целью на уроках литературы в школе мы предлагаем использовать биографический метод анализа текста.

Изучение творчества Н.А. Заболоцкого позднего периода по программе учебников литературы В.Я. Коровиной, В.П. Журавлёва, В.И. Коровина, И.С. Збарского происходит в 9 классе [10]. Поздняя лирика поэта изучается на основе произведений «Можжевельный куст», «Я не ищу гармонии в природе», «О красоте человеческих лиц», «Где-то в поле возле Магадана». На изучение биографии и творчества писателя в 9 классе отведено 3 урочных часа. В данной статье мы разберем только первый урок, в который входят такие вопросы: актуализация опорных знаний, изучение нового материала, анализ лирического произведения. Цель урока – обучить биографическому методу анализа стихотворений на примере лирики Н.А. Заболоцкого. Задачи: познакомить с биографией, тематикой и проблематикой стихотворений Н.А. Заболоцкого; развивать умения анализа и интерпретации лирического текста. Ведущей формой обучения на уроке будет являться эвристическая беседа, благодаря которой обучающиеся через поставленные вопросы, смогут прийти к собственным выводам на основе анализа текста.

Биографический метод предполагает изучение жизни писателя на основе знакомства с его мемуарами, анализа автобиографии, исследования дневников, записных книжек, эпистолярного наследия, различных архивных материалов [15]. Особую роль при использовании данного метода на уроке играет погружение обучающихся в соответствующую историческую эпоху. Для включения нового знания в систему ранее изученных рекомендуем начать первый урок с обсуждения историко-культурного контекста эпохи. Для этого предлагаем обучающимся познакомиться со следующим текстом:

«Начало XX века ознаменовалось огромными изменениями во всех отраслях жизни человека. Для России начало XX века – время революций и войн. Именно в это время появляются новые имена в искусстве, задавшие движение всему веку: В.В. Кандинский, К.С. Малевич, А.А. Ахматова, В.В. Маяковский, А.А. Блок, С.В. Рахманинов, И.Ф. Стравинский. Появляются новые направления в русской литературе, которые перерастают в группы и объединения: акмеисты, символисты, футуристы, имажинисты.

Группа ОБЭРИУ (Объединения реального искусства), созданная в 1927 году, в которую входил и Николай Александрович Заболоцкий, выдвигает идею о необходимости обновления методов изображения действительности с помощью гротеска, алогизма и поэтики абсурда. В своем манифесте от 24 января 1928 года члены ОБЭРИУ заявили, что необходимо отказаться от обиходно-литературного понимания действительности ради нового ощущения жизни и ее предметов. Они поставили своей задачей создать “реализм необычайного”. По идее объединения искусство не отражает жизнь, а живет по своим законам» [2].

После краткой информации о событиях начала XX века, повлиявших на творчество

писателя, необходимо обсудить только что прочитанный текст. Предлагаются следующие вопросы для обсуждения: «Как вы думаете какие исторические события пережила Россия в XX веке? Какие научные и технические открытия были совершены в начале XX века? Какая концепция повлияла на философию XX века? Какие направления в литературе XX века вы знаете?». Данные вопросы не только акцентируют внимание обучающихся на ключевых событиях данного периода, но и активизируют ранее полученные знания на уроках истории.

Затем следует перейти непосредственно к биографической справке. В учебнике она дана в форме воспоминаний современников о поэте. Эта информация позволит вспомнить об изученной ранее биографии писателя в 6 классе и сопоставить значимые моменты с прочитанным в учебнике текстом. Прежде чем перейти к анализу стихотворения, учащиеся получают справку о цикле стихов Н. Заболоцкого, с которыми им предстоит познакомиться.

Анализ стихотворения «Можжевельный куст» невозможно проводить без упоминания цикла «Последняя любовь», который вышел в 1957 году и написан поэтом в сложный жизненный период, когда его жена, Екатерина Васильевна Клыкова, уходит к его другу Василию Гроссману. Для Заболоцкого это был тяжелый удар. Однако вскоре он женится на Наталье Александровне Роскиной, девушке, которая восторгалась его творчеством.

В начале 1957 года Заболоцкий и Роскина расстались, и поэт погрузился в работу. После разговора с Е.В. Клыковой понял, что она вернется к нему, и в сентябре 1957 года это произошло.

Все перечисленные события нашли отражение в последнем московском цикле поэта «Последняя любовь». Сборник состоит из десяти лирических произведений и объединен темами любви, счастья, покаяния, обреченности и одиночества.

Формирование языковой компетенции

В рамках эвристической беседы с целью анализа стихотворения мы предлагаем следующие наводящие вопросы для обучающихся: «Какой эпизод из личной жизни поэта соотносится с его произведением? Как вы себе представляете образ главного героя? Его возлюбленной? Какова роль природы в данном стихотворении? С помощью каких приёмов возможно сопоставление героини и природы? С каким чувством соотносится образ можжевельного куста? Как вы понимаете последние строчки стихотворения: «Облетевший мой садик безжизнен и пуст... / Да простит тебя бог, можжевельный куст!» Каким чувством пронизано лирическое произведение? Знакомо ли вам это чувство?».

Далее мы предлагаем один из вариантов анализа стихотворения с помощью биографического метода. Познакомившись с историей написания произведения, обучающиеся могут выполнить анализ лирического текста, делая упор на значимые события в жизни автора.

В произведении «Можжевельный куст» лирический герой во сне идет по лесу, в ветках можжевельного куста он видит лицо своей возлюбленной, но это не находит отклика в его душе, из-за чего он чувствует себя опустошенным. С этой минуты для него закрылись золотые облака, рай для него стал невозможен. Появляется мотив неба, который отражает внутреннее смятение героя:

В золотых небесах за окошком моим

Облака проплывают одно за другим... [6, с.151]

Тема этого стихотворения – боль, которую причиняет любовь при расставании с возлюбленным. Стихотворение построено на основе метафоры: «аметистовых ягод услышал я звон», «я заметил во мраке древесных ветвей чуть живое подобье улыбки твоей», «остывающий лепет изменчивых уст». Лирический герой отождествляет себя с можжевельным кустом, и эпитеты дополняют его образ: «металлический хруст», «невысокие эти стволы», «древесные ветви», «легкий лепет», «смертоносная игла», «золотые облака», «садик безжизнен и пуст». Олицетворение «можжевельный куст, проколовший меня смертоносной иглой» показывает нам стремительность чувств главного героя. Увидев лицо возлюбленной, лирический герой сразу понимает, что теперь оно чужое, поэтому взор его уходит выше в поисках утешения, но и там его не находит.

В заключении автор проводит тонкую параллель между зимним садом и внутренним состоянием героя, его отворачивания к самому себе:

Облетевший мой садик безжизнен и пуст...

Да простит тебя бог, можжевельный куст! [6, с.151]

Данное стихотворение полно живого драматизма сложных человеческих отношений, пережитых и осмысленных самим Н.А. Заболоцким. В стихотворении реализуется идея, что любовь приносит не только радость. Она может тяжело ранить, но нужно уметь прощать родного человека.

Заключение

В результате проведенного анализа обучающиеся выделяют: тему, композицию, размер стихотворения, используемые стилистические приемы (метафоры, эпитеты, олицетворение).

Тема лирического произведения – любовь, которая заставляет страдать. Композиция произведения строится на переплетении образов главного героя, и его возлюбленной с природой:

Я заметил во мраке древесных ветвей

Чуть живое подобье улыбки твоей. [6, с.151]

Размер стихотворения – четырёхстопный анапест с парной рифмовкой. Метафоры: «аметистовых ягод услышал я звон», «я заметил во мраке древесных ветвей чуть живое подобье улыбки твоей», «остывающий лепет изменчивых уст». Эпитеты: «металлический хруст», «невысокие эти стволы», «древесные ветви», «лёгкий лепет», «смертоносная игла», «золотые облака», «садик безжизнен и пуст». Олицетворение: «можжевельный куст, проколовший меня смертоносной иглой». Настроение лирического героя мы можем проследить с помощью звукописи (металлический хруст, звон, лепет) и цветописи (аметистовый, золотой, прозрачный). На всем протяжении произведения оно меняется, но «золотые небеса» дают нам, читателям, надежду на счастливый конец этой истории.

Результатом урока будет являться проведенный анализ стихотворения Н.А. Заболоцкого «Можжевельный куст». При выполнении данного вида работы учитель должен делать упор на развитие образного мышления обучающихся. Личностным результатом урока будет сформированность навыка сопереживания и сочувствия, умение определить собственное отношение к произведению. Предметным результатом – освоение навыка анализа лирического текста. С помощью биографического метода при анализе лирики обучающиеся смогут осмыслить, насколько важен контекст, в котором существует произведение, и в

дальнейшем будут применять полученный навык не только на уроках литературы, но и на уроках истории, химии, биологии. Таким образом, в рамках урока мы достигли не только личностных и предметных, но и метапредметных результатов.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция. 1998. М.: Изд-во «Канон-пресс»; «Кучково поле», 384 с.
2. Богданова О.Ю., Леонов С.А., Чертов В.Ф. Методика преподавания литературы. Серия: Высшее образование. 2008. М.: Academia, 400 с.
3. Богданова О.Ю., Маранцман В.Г. Методика преподавания литературы: Учебник для педагогических вузов. В 2 ч. Ч. 1. 1994. М.: Просвещение, ВЛАДОС, 288 с.
4. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: учебное пособие для студентов пед. институтов по спец. «Рус.яз. и лит.». 1992. М.: Просвещение, 512 с.
5. Введенский А. Полное собрание произведений: в 2 т. Т.1. 1993. М.: Гилея, 285 с.
6. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. 1976. М.: Наука, 511 с.
7. Жеребило Т.В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: Словарь-справочник. 2011. Назрань: «Пилигрим», 108 с.
8. Заболоцкий Н. Полное собрание стихотворений и поэм. 2002. СПб.: Академический проект, 767 с.
9. Золина С.Г., Семёнова О.С. Информационное сопровождение процедур оценки качества общего образования: традиционный и современный подходы [Электронный ресурс] // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2019. Том 8. № 3. С. 138-141. URL: <https://rcokio.ru/files/upload/nmd/gurnal8.pdf> (дата обращения: 04.02.2022).
10. Иванова Е.В. Анализ произведений русской литературы XX века. 11 класс. 2-е изд., перераб и доп. 2012. М.: Экзамен, 256 с.
11. Коровина В.Я. Литература. 9 класс. Учеб. Для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. Ч. 2. 2017. М.: Просвещение, 383 с.
12. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Пособие для студентов. 1972. Ленинград: Просвещение, 271 с.
13. Миронова Н.А. Анализ стихотворения: учебно-методическое пособие 2-е изд., стереотип. 2008. М.: Изд-во «Экзамен», 383 с.
14. Осьмухина О.Ю. ОБЭРИУ // Большая российская энциклопедия: в 35 т. 2004-2017. М.: Большая российская энциклопедия.
15. Чудакова М.О. Литература в школе: читаем или проходим? Книга для учителя. 2-е изд., стереотип. 2014. М.: Время, 288 с.
16. Шмелева А.В., Воителева Т.М. Материалы Международной научно-практической конференции «Образование в XXI веке: традиции и новации». Выпуск 1. К 80-летию профессора Евгения Николаевича Колокольцева. 2018. М.: ИИУ МГОУ, 350 с.
17. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. 1957. М.: Учпедгиз, С. 26-44.

References

1. Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya. 1998. Moscow: Publ. “Kanon-press”; “Kuchkovo pole”, 384 p. (In Russ.).
2. Bogdanova O.Yu., Leonov S.A., Chertov V.F. Metodika prepodavaniya literatury. Seriya: Vysshee obrazovanie. 2008. Moscow: Academia, 400 p. (In Russ.).
3. Bogdanova O.Yu., Marantsman V.G. Metodika prepodavaniya literatury: Uchebnik dlya

Воителева Т.М., Зайцева Т.А.
Интерпретация поэтического текста Н.А. Заболоцкого
позднего периода на уроках литературы
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 100–107.

Voiteleva T.M., Zaitseva T.A.
Interpretation of N. A. Zabolotsky's Poetic Text of the
Late Period in Literature Lessons
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 100–107.

- pedagogicheskikh vuzov. In 2 p. P. 1. 1994. Moscow: Prosveshchenie, VLADOS, 288 p. (In Russ.).
4. Buslaev F.I. Prepodavanie otechestvennogo yazyka: uchebnoe posobie dlya studentov ped. institutov po spets. "Rus.yaz. i lit.". 1992. Moscow: Prosveshchenie, 512 p. (In Russ.).
 5. Vvedenskii A. Polnoe sobranie proizvedenii: in 2 vol. Vol.1. 1993. Moscow: Gileya, 285 p. (In Russ.).
 6. Vinogradov V.V. Poetika russkoi literatury: Izbrannye trudy. 1976. Moscow: Nauka, 511 p. (In Russ.).
 7. Zherebilo T.V. Terminy i ponyatiya: Metody issledovaniya i analiza teksta: Slovar'-spravochnik. 2011. Nazran': "Piligrim", 108 p. (In Russ.).
 8. Zabolotskii N. Polnoe sobranie stikhotvorenii i poem. 2002. Saint-Peterburg: Akademicheskii proekt, 767 p. (In Russ.).
 9. Zolina S.G., Semenova O.S. Informatsionnoe soprovozhdenie protsedur otsenki kachestva obshchego obrazovaniya: traditsionnyi i sovremennyyi podkhody [Information support of procedures for assessing the quality of general education: traditional and modern approaches]. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie otsenki kachestva obrazovaniya=Scientific and methodological support for the assessment of the quality of education*, 2019. Vol. 8, no. 3, pp. 138-141. Available at: <https://rcokio.ru/files/upload/nmd/gurnal8.pdf> (Accessed 04.02.2022). (In Russ.).
 10. Ivanova E.V. Analiz proizvedenii russkoi literatury KhKh veka. 11 klass. 2-e izd., pererab i dop. 2012. Moscow: Ekzamen, 256 p. (In Russ.).
 11. Korovina V.Ya. Literatura. 9 klass. Ucheb. Dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii. In 2 p. P. 2. 2017. Moscow: Prosveshchenie, 383 p. (In Russ.).
 12. Lotman Yu.M. Analiz poeticheskogo teksta: Struktura stikha. Posobie dlya studentov. 1972. Leningrad: Prosveshchenie, 271 p. (In Russ.).
 13. Mironova N.A. Analiz stikhotvoreniiya: uchebno-metodicheskoe posobie 2-e izd., stereotip. 2008. Moscow: Publ. "Ekzamen", 383 p. (In Russ.).
 14. Os'mukhina O.Yu. OBERIU. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*: in 35 vol. 2004-2017. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. (In Russ.).
 15. Chudakova M.O. Literatura v shkole: chitaem ili prokhodim? Kniga dlya uchitelya. 2-e izd., stereotip. 2014. Moscow: Vremya, 288 p. (In Russ.).
 16. Shmeleva A.V., Voiteleva T.M. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Obrazovanie v XXI veke: traditsii i novatsii". Vypusk 1. K 80-letiyu professora Evgeniya Nikolaevicha Kolokol'tseva. 2018. Moscow: IIU MGOU, 350 p. (In Russ.).
 17. Shcherba L.V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku. 1957. Moscow: Uchpedgiz, pp. 26-44. (In Russ.).

Информация об авторах

Воителева Татьяна Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9314-1758>, e-mail: voitelev@yandex.ru

Зайцева Татьяна Анатольевна, учитель русского языка и литературы МБОУ Андреевская СОШ, аспирант кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8757-0668>, e-mail: tatiana12908@mail.ru

Воителева Т.М., Зайцева Т.А.
Интерпретация поэтического текста Н.А. Заболоцкого
позднего периода на уроках литературы
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 100–107.

Voiteleva T.M., Zaitseva T.A.
Interpretation of N. A. Zabolotsky's Poetic Text of the
Late Period in Literature Lessons
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 100–107.

Information about the authors

Tatiana M. Voiteleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow State Regional University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9314-1758>, e-mail: voitelev@yandex.ru

Zaitseva Tatiana Anatolyevna, teacher of Russian language and literature of Andreevskaya school, postgraduate student of the Department of Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow State Regional University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8757-0668>, e-mail: tatiana12908@mail.ru

Получена 01.03.2022

Принята в печать 15.03.2022

Received 01.03.2022

Accepted 15.03.2022

Творческий путь Ф.М. Достоевского, рукописное наследие и герменевтика текстов: юбилейные издания РФФИ

Дергачева И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

В статье представлены краткие аннотации к монографиям, вышедшим в рамках масштабного проекта Российского фонда фундаментальных исследований при его поддержке к 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. В представленных изданиях серии «Источники и методы в изучении наследия Ф.М. Достоевского в русской и мировой культуре» на основании кропотливого изучения рукописных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, рассмотрены все важнейшие аспекты творческого пути, мировоззрения, проблемы поиска, интерпретации и комментария черновых и опубликованных текстов, а также рецепции творческого наследия писателя в мировой культуре в широком диахроническом аспекте от современного ему времени до наших дней.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Российский фонд фундаментальных исследований, текстология, рецепция, система образов, богословие, универсализм, рукописные источники.

Для цитаты: *Дергачева И.В.* Творческий путь Ф.М. Достоевского, рукописное наследие и герменевтика текстов: юбилейные издания РФФИ [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 108–119. DOI:10.17759/langt.2022090110

The Creative Path of F.M. Dostoevsky, Handwritten Layering and Hermeneutics of Texts: Anniversary Editions of the RFBR

Irina V. Dergacheva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

The article presents brief annotations to the monographs published as part of a large-scale project of the Russian Foundation for Basic Research with its support on the occasion of the 200th anniversary of the birth of F.M. Dostoevsky. In the presented editions of the series “Sources and methods in the study of the heritage of F.M. Dostoevsky in Russian and world culture” on the basis of a painstaking study of

manuscript sources, many of which are introduced into scientific circulation for the first time, all the important aspects of the creative path, worldview, the problems of searching and interpreting textual sources, as well as the reception of the writer's creative heritage in world culture in a wide diachronic aspect from contemporary times to the present day.

Keywords: F.M. Dostoevsky, Russian Foundation for Basic Research, textual criticism, reception, system of images, theology, universalism, manuscript sources.

For citation: Dergacheva I.V. The Creative Path of F.M. Dostoevsky, Handwritten Layering and Hermeneutics of Texts: Anniversary Editions of the RFBR. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 108–119. DOI:10.17759/langt.2022090110 (In Russ.).

Значение масштабного научного мероприятия Российского фонда фундаментальных исследований выходит далеко за рамки празднования знаменательного юбилея Ф.М. Достоевского, отмеченного во всем мире многочисленными научными международными мероприятиями – 200-летия со Дня рождения великого русского писателя. 30 научных монографий, посвященных презентации новых сведений, основанных на многочисленных рукописных находках исследователей, проливающих новый свет на этапы биографии и творческого пути писателя, его рукописное и книжное наследие, герменевтический и философский анализ его текстов, а также рецепцию художественного наследия в мировой культуре, подготовленных и изданных при поддержке РФФИ, явились исключительно ценным вкладом в мировое достоевковедение, значение которого трудно переоценить.

Каждая из монографий достойна подробных рецензий, однако в нашем обзоре, в котором хотелось представить все труды серии «Источники и методы в изучении наследия Ф.М. Достоевского в русской и мировой культуре», придется ограничиться перечислением научных трудов и краткой их аннотацией.

Бесценным введением к юбилейной серии научных монографий о Ф.М. Достоевском может послужить выпущенный Российским фондом фундаментальных исследований Каталог «След, оставленный на века: к 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского», состоящий из трех разделов: аннотированной библиографии монографий, изданных при поддержке Фонда в рамках как юбилейного, а также ежегодных издательских конкурсов; указателя научных проектов и статей в журналах «Вестник РГНФ» и «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки», посвященных изучению творчества Ф.М. Достоевского, а также разделе о вкладе РФФИ в развитие международного сотрудничества по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского, в том числе о поддержке деятельности Международного общества Достоевского [24].

В коллективной монографии, написанной под руководством И.Л. Волгина, биография и творчество Ф.М. Достоевского осмыслены в ретроспективе национального сознания [7]. Читатель узнает об открытии великим русским писателем Европы, о сближении Достоевского с Сувориным, о новых рукописных находках, связанных с пребыванием писателя в Омском остроге. Глава, написанная И.Л. Волгиным совместно с И.С. Андриановой о самоотверженной и верной супруге и помощнице писателя, Анне Григорьевне, поможет нам глубже понять, сколь положительную роль она сыграла в жизни и творческой судьбе Ф.М. Достоевского. Подробно освещены в широком диахроническом

аспекте и критические статьи о творчестве Достоевского в отечественной печати, театральные постановки и интерпретации его творчества. Завершает монографию глава об интертекстуальных связях поэтологии Ф.М. Достоевского и О.Э. Мандельштама.

В коллективном труде, основанном на широком использовании документальных источников, в полной ретроспективе раскрывается злосчастное «дело о куманинском наследстве», ставшее важным фактом биографии писателя и столь глубоко отразившееся в его художественном наследии [5]. Увлекательное, живописующее эпоху повествование читается буквально на одном дыхании. Вот лишь некоторые названия глав книги: «Мотив «рокового наследства» в романе Достоевского «Идиот»»; «Червонные валеты» в «деле о куманинском наследстве»; «Червонный валет» А.Т. Неофитов из окружения Достоевского; «Клуб червонных валетов» в романе Достоевского «Подросток» и др.

История усадьбы Даровое в широкой временной ретроспективе и ее роль в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского на основании анализа архивных и печатных источников, многие которых введены в научный оборот впервые, представлена в коллективной монографии, наглядно осветившей важнейшие моменты жизни и домашнего обихода семейной жизни писателя, его преждевременного ухода из жизни [9]. Перечислим лишь некоторые названия глав: «Церковная жизнь семьи Достоевских (по материалам архива храма Сошествия Святого Духа в Моногарове)»; «Деревенский круг знакомых семьи Достоевских в мемуарах, письмах, архивных документах»; «Смерть М. А. Достоевского в перекрёстном анализе архивных документов, семейных и фольклорных преданий»; «Путешествие в Даровое. Уникальные материалы. Семья и усадьба в жизни и творчестве Достоевского».

Материалы по истории редакционной деятельности Ф.М. Достоевского и его брата М.Ф. Достоевского приведены в коллективной монографии, в которой на комплексном анализе архивных источников, в том числе впервые опубликованных приходно-расходной книги и гонорарной ведомости, представлен процесс формирования редакционной политики изданий и приведена атрибуция анонимных статей «Времени» и «Эпохи» [2]. Особый интерес представляет Глава IV «Указатель содержания журналов», где приведен полный список публикаций «Времени» за 1861, 1862, 1863 гг. и «Эпохи» за 1864 и 1865 гг., а также Приложение «Документы по цензурной истории журналов «Время» и «Эпоха».

С помощью комбинации традиционных филологических и инновационных математических методов решена проблема выявления основных особенностей авторского стиля и определено авторство анонимных и псевдоанонимных статей в журналах «Эпоха» и «Время» и в еженедельнике «Гражданин» [22].

Описанию коллекции документов и изобразительных материалов, касающихся жизни и творчества Ф.М. Достоевского, хранящихся в фондах государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля, посвящена коллективная монография, в которой вводятся в научный оборот ранее неизвестные обстоятельства жизни Ф. М. Достоевского и по материалам коллекции А.Г. Достоевской представлена полная картина восприятия творчества писателя в России и за рубежом [18]. Монография состоит из трех частей, каждая из которых проливает новый свет на творческий путь писателя и рецепцию его творчества в мировой культуре: «Материалы к биографии Ф. М. Достоевского в отделе рукописных фондов Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля»;

«Наследие Ф. М. Достоевского в газетной периодике, собранной А. Г. Достоевской» и «Фонд фотографий Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля как источник биографических данных Ф. М. Достоевского».

Исключительно важное значение имеет монография, ставшая предтечей создания полной научной биографии Достоевского, в которой на междисциплинарном уровне изучены не введенные ранее в научный оборот документы, освещающие некоторые аспекты жизненного пути писателя, не нашедшие до сих пор полного отражения в научной литературе [19]. Читатель с огромным интересом узнает новые факты биографии писателя из следующих глав: «Когда родился отец Достоевского? Опыт практического анализа и систематизации источников»; «Сто четыре священные истории... И. Гибнера в жизни и творческой работе Достоевского»; «К проблеме генезиса «итальянской мечты» Достоевского». «Радклиф или псевдо-Радклиф?»; «Из юных лет Михаила и Федора Достоевских. Новые архивные материалы 1837–1839 гг.»; «Я, нижепоименованный Федор Достоевский. Присяга на верность службы 20 августа 1841 г.» и др.

Невозможно переоценить значение коллективной монографии, в которой описан полный репертуар известных к настоящему времени автографов Ф.М. Достоевского, дополненный копиями и стенограммами текстов, выполненными его супругой А.Г. Достоевской [1]. Этот бесценный труд состоит из десяти разделов, предваряемых вступительной статьей И.С. Андриановой «Современное состояние рукописного фонда Ф.М. Достоевского»: I. Записные книжки и тетради; II. Рукописи произведений; III. Записи в альбомах; IV. Записи на отдельных листах; V. Записи, связанные с редакторской и издательской деятельностью; VI. Письма; VII. Официальные документы и деловые бумаги; VIII. Записи и пометы на книгах и письмах; IX. Дарственные надписи на книгах и фотографиях; X. Шуточные стихи в записях А.Г. Достоевской». Во введении И.С. Андрианова подробно описывает этапы творческого пути писателя и сохранившиеся рукописные материалы, относящиеся к каждому из этапов, уделяя большое внимание самоотверженному труду Анны Григорьевны по сохранению бесценного творческого наследия своего супруга. Особое значение имеет описание архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Саратова, Твери, Тулы, Тобольска, Симферополя, а также зарубежных архивов Казахстана, Франции, Великобритании, Швейцарии, США, Чехии, Германии, Литвы, Италии, в которых хранятся автографы Ф.М. Достоевского.

Значительная часть монографий посвящена интерпретации и герменевтическому толкованию художественного наследия писателя. Так, коллективная монография И.А. Есаулова, Б.Н. Тарасова и Ю.Н. Сытиной представляет анализ и рецепцию творческого наследия Достоевского в малом и большом времени мировой культуры [15]. Большое внимание в работе уделяется методологическим терминам и корректировке сложившейся системы литературоведческих категорий. Монография включает три крупных раздела: «Раздел I. Достоевский «у себя дома»: в большом времени русской культуры»; «Раздел II. Достоевский в контексте европейской культуры»; «Раздел III. Преодоление *ratio* у Достоевского и проблемы интерпретации его творчества».

Проблемы текстологии, интертекста и рецепции творчества Достоевского с привлечением широкого круга рукописных источников рассмотрены в коллективной монографии Н.А. Тарасовой, С.А. Кибальника и В.М. Дмитриева [26]. В исследовании уточнены спорные

вопросы истории создания и публикации текстов Достоевского, восстановлен аутентичный авторский текст, с помощью анализа интертекста установлен биографический подтекст произведений, описана рецепция его произведений у писателей русского зарубежья.

Текстологическому анализу поздней публицистики Достоевского посвящено исследование коллектива авторов, представивших на основе работы с большим массивом рукописных источников, многие из которых впервые введены в научный оборот, издательскую и цензурную историю «Гражданина» и «Дневника писателя», описали читателей этих изданий и привели их указатель в главе «Диалог автора и читателей “Дневника Писателя”» [20]. Значительный интерес представляют два Приложения: «Подписчики “Дневника Писателя”» и «Документированная хронологическая роспись «Гражданина» за период редакторства Ф.М. Достоевского».

Научной публикации четырех записных тетрадей Достоевского, ставших основным источником, представляющим историю создания романа «Бесы» и некоторых иных произведений писателя, посвящен труд К.А. Баршта (руководитель исследования), С. В. Березкиной, А. А. Чевтаева, М. В. Чевтаевой, Ю. М. Чихаловой, И. А. Кравчук, В. В. Филичевой, А. Ю. Соловьева [27].

Описание роли античной культуры в образовании, формировании жизненного мировоззрения и влиянии на творческий процесс Достоевского всесторонне описано в коллективной монографии, состоящей из пяти глав: «Рецепция античного наследия в творчестве Достоевского»; «Античная культура в воспитании и образовании Достоевского»; «Латинский язык Достоевского»; «Рецепция античного наследия в творчестве Достоевского»; «Античные идеи в критике и публицистике Достоевского», за которыми следуют два Приложения: «Античные персоналии Достоевского» и «Латинский тезаурус Достоевского» [12].

Глубокой интерпретации художественного образа Христа в творчестве Достоевского, прежде всего в романах Великого пятикнижия, посвящена монография И.И. Евлампиева, в которой герменевтический анализ христианских мотивов дополнен исследованием философии истории и проблемой бессмертия в творчестве писателя и в мировой культуре, а также Приложением И.Ю. Матвеевой «Образ Христа в русской живописи XIX века» [14].

Авторы коллективной монографии, посвященной богословию Достоевского, представили свои материалы в пяти главах: «Богословие Ф.М. Достоевского и проблема нравственного истолкования догмата в русской богословской и философской мысли XIX–XX вв.» (А. Гачева); «Богословие Достоевского: описание изнутри» (Т. Касаткина); «Духовные пути Достоевского в период 1830-х – 1840-х годов» (Т. Магарил-Ильяева); «Масонский след в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского в связи с богословием писателя» (Н. Подсокорский); «Ф.М. Достоевский в католическом мире (материалы к теме)» (К. Корбелла) [4]. Т.А. Касаткина посвятила свою главу «стержневой идее Достоевского о человеческом единстве и о грехе как промахе человека мимо своей сущности, о грехе как ошибке определения человеком своей истинной мерности, своего масштаба и объема, из каковой ошибки исходят все искажения и повреждения мира, человека и человечества» [Там же, с. 7,8].

Описание аксиологических констант творчества Достоевского в качестве структурных элементов его универсума содержится в монографии, раскрывающей читателю тайны философии истории Достоевского, тесно связанной с проблемами эсхатологии [28].

Исследование представляет увлекательное «метафизическое путешествие по вертикалям и горизонталям многоцентричного Универсума Достоевского» [Там же, с. 11].

В монографии О.С. Соиной и В.Ш. Сабирова глубоко проанализирована философская антропология Достоевского как целостная система представлений писателя о человеке, основанная на его аксиологических представлениях о смысле жизни и природе человека [25]. Особый интерес представляют описания человеческих типов в творчестве Достоевского и художественно-антропологические эксперименты писателя.

Мощному влиянию личности и творчества Достоевского на мировую культуру конца XIX — первой трети XX в. посвящена коллективная монография, осветившая начальный этап осмысления рецепции наследия писателя на напряженные интеллектуальные искания той поры [29].

В.А. Викторovich и О.В. Захарова внесли важный вклад в научную историю восприятия творчества Достоевского, впервые представив полный репертуар критических высказываний о писателе в русской печати 1845–1881 гг., многие из которых были обнаружены в процессе исследования и введены в научный оборот впервые [6]. Ценность этого издания увеличивается не только сознанием того, что сам Достоевский был критиком и очень серьезно относился к критике собственных произведений, но и малой доступностью русской периодики XIX века. Данная публикация является важным этапом на пути создания электронной библиотеки «Достоевский в русской критике 1845–1881», которая в настоящее время находится в разработке.

Исследование личности Достоевского в оценке философов и писателей конца XIX–нач. XX веков, выполненное в виде антологии наиболее интересных работ, представляющих разные интерпретации мировоззрения писателя, вышло в серии «Русский Путь» в двух томах [30, 31]. В первом томе И.И. Евлампиев дает широкий обзор работ, исследующих творчество писателя, систематизировав их по духовным и философским направлениям, к которым принадлежали авторы. Во втором томе наследие Достоевского рассмотрено в малом времени советских и постсоветских десятилетий и в большом времени русской культуры с особым вниманием И.А. Есаулова и Ю.Н. Сытиной к христианскому контексту, близкого самому писателю.

Коллективная монография «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки», отв. ред. Е.Д. Гальцова, пролила новый свет на малоизученные аспекты западного восприятия повести, осветила проблемы ее переводов на западноевропейские и английский языки, описала их философскую, литературную, литературоведческую, театральную и кинематографическую рецепции в Европе и Америке [16]. В Приложении впервые введены в научный оборот текст первой в мире театральной инсценировки повести — «Подпольный дух» («L'Esprit souterrain», 1912) А.-Р. Ленормана (на французском и русском языках) и архивные материалы М. де Унамуно и Ж. Пудж-и-Ферретера, предисловия к ранним переводам и др.

Обобщает тему рецепции творчества Достоевского в мировой культуре коллективная монография Пушкинского Дома РАН, в которой представлены специально подготовленные и переведенные эссе, созданные современными деятелями культуры из 15 стран [21].

Коллективная монография, также посвященная рецепции творчества Достоевского в мировой культуре, отличается широким диахроническим размахом исследования — от

классики до постмодерна [3]. Авторы справедливо утверждают, что Достоевский более других писателей в мире оказал влияние на зарубежную культуру. Цель их исследования – убедительно, апеллируя к конкретным текстам и фактам, показать все нюансы рецепций его творчества в разных лингвокультурологических ареалах и на разных этапах культурной истории человечества. Международный коллектив авторов несомненно откроет читателю много захватывающих сюжетов. Вот лишь некоторые названия глав монографии: «Таинственный русский. Первое знакомство европейцев с Достоевским»; «Пророк или гений? Открытие Достоевского в начале XX века»; «Культ Достоевского на западе и востоке. В 20-е годы XX века. К 100-летию Ф.М. Достоевского» и пр.

Венчает тему восприятия Достоевского в мировой культуры остро современная коллективная монография, развенчивающая многолетние мифы и представляющая рецепцию творчества Достоевского в современном медийном пространстве [11]. Опираясь на передовые научные методы, авторы издания существенно корректируют распространенные сведения о личности и творчестве Достоевского, остроумно полемизируя с рядом современных любителей собственных интерпретаций, рассчитанных на шоковые эффекты, далекие от объективных фактов.

Бесценным источником для представлений о геополитической картине мира в мировоззрении Достоевского стала коллективная монография сотрудников Томского государственного университета, в которой описаны страны и регионы в восприятии писателя, в котором центральную роль всегда занимала Россия [8]. Это масштабное комплексное исследование выполнено в рамках междисциплинарного проекта представителями самого широкого круга научных специальностей – политологами, литературоведами, представителями Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского и Института Св. Фомы.

Подробному освещению роли Италии в жизни и творчестве Достоевского посвящена коллективная монография, в которой представлены результаты исследования архивных документов о путешествиях писателя по Италии, введен в научный оборот концепт «итальянский текст» писателя, представлено субъективное представление Достоевского о *genius loci* итальянских городов [10]. В монографии также обозначены темы, связанные с рецепцией образов Италии в творчестве Ф. М. Достоевского в его художественных произведениях и публицистике, описан репертуар итальянских художественных произведений XIX–XXI вв., отразивших рецепцию идейно-художественного наследия Ф. М. Достоевского – художественные тексты, театральные постановки, их экранизация.

Лингвистическое исследование корпусной модели идиостиля Достоевского описано в коллективной монографии, в которой корпусная модель идиостиля представлена на лексическом уровне [17]. Издание станет важным источником как для лингвистов, так и для литературоведов, занимающихся творчеством Достоевского. Оно включает 5 глав: «Лингвистическое исследование идиостиля»; «Семантические поля фразеологии Достоевского»; «Авторская фразеология Достоевского: состав и словосочетаемость»; «Дискурсивная семантика идиостиля Достоевского»; «Лексические острова».

Обобщение опыта преподавания творчества Достоевского в XX веке и презентация современной научно-методологической концепции изучения его работ в средней и высшей школе стало бесценным источником для преподавателей школ и высших учебных заведений

[13]. Большую практическую ценность представляет раздел 4 «Методические материалы для учителей и преподавателей литературы», в котором представлены «Антология для учителя», «Библиографический указатель исследований творчества Достоевского», «Аннотации методических материалов и учебных программ» и пр.

В рамках отдельного проекта РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края «Сибирь Ф.М. Достоевского: семиотика пространства и нарративные стратегии» подготовлена и издана монография Е.Ю. Сафроновой, исследовавшей сибирский период творчества писателя и на основании множества найденных и впервые введенных в научный оборот архивных источников и заявившей о правомерности понятия «сибирский текст Достоевского» [23].

Литература

1. Алексеева Л.В., Андрианова И.С., Вяль Е.Н., Заваркина М.В., Панюкова Т.В., Сосновская О.А., Тихомиров Б.Н. Рукописное наследие Ф.М. Достоевского. 2021. СПб.: Изд-во РХГА, 560 с.
2. Алексеева Л.В., Зинкова В.С., Мехралиева Г.А., Солопова А.И., Сосновская О.А. Редакционный архив журналов Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» и «Эпоха»: коллективная монография. 2021. СПб.: Изд-во РХГА, 560 с.
3. Андрущенко Е.А., Введенская В.М., Козьменко М.В. Ф.М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX — первой трети XX в. 2021. М.: ИМЛИ РАН, 386 с.
4. Багно В.Е., Димитриев В.М. Рецепция Достоевского в мировой культуре. История и современность: Коллективная монография. 2021. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 208 с.
5. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Корпусная модель идиостиля Достоевского. 2021. М.: ЛЕКСУС, 358 с.
6. Барит К.А. Текстологическое исследование записных тетрадей Ф.М. Достоевского к роману «Бесы»: Дипломатическая транскрипция. 2021. СПб.: Наука, 583 с.
7. Бессонова А.С. Даровое Достоевского. Материалы и исследования. 2021. Коломна: ИД «Лига», 544 с.
8. Богатырева Л.В., Волчек О.Е., Жуэйжун А., Капилуни С.М., Корконосенко К.С., Кузнецова А.В., Миллионщикова Т.М., Помпео Л., Потапова Г.Е., Самарина М.С., Якименко О.А. Достоевский в зарубежной рецепции: от классики до постмодерна, антология: в 2 т. Т. 1. 2021. СПб.: РХГА, 976 с.
9. Богатырева Л.В., Волчек О.Е., Жуэйжун А., Капилуни С.М., Корконосенко К.С., Кузнецова А.В., Миллионщикова Т.М., Помпео Л., Потапова Г.Е., Самарина М.С., Якименко О.А. Достоевский в зарубежной рецепции: от классики до постмодерна, антология: в 2 т. Т. 2. 2021. СПб.: РХГА, 872 с.
10. Борисова В.В., Шаулов С.С., Юхнович Ю.В. «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского. 2021. Уфа: «Печатник», 268 с.
11. Викторovich В.А., Захарова О.В. Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881. 2021. Коломна: ИД «Лига», 536 с.
12. Волгин И.Л., Андрианова И.С., Бурмистрова А.В., Калинин М.А., Кудимова М.В., Куликова Д.Е., Огородникова Е.Е., Подрябинкина А. Г., Проценко А.А. Достоевский в национальном сознании: проблемы биографии и творчества. 2021. М.: Изд-во «Фонд Достоевского», 648 с.

Дергачева И.В.
Творческий путь Ф.М. Достоевского, рукописное наследие и герменевтика текстов: юбилейные издания РФФИ
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 108–119.

Dergacheva I.V.
The Creative Path of F.M. Dostoevsky, Handwritten Layering and Hermeneutics of Texts: Anniversary Editions of the RFBR
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 108–119.

13. *Гальцов Е.Д.* «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки. 2021. М.: ИМЛИ РАН, 1024 с.
14. *Дергачева И.В., Достоевский А.Д., Литвин Е.А., Махмудова С.М., Михайлова М.В., Талалай М.Г., Шварц Н.В.* Достоевский и Италия. 2021. СПб.: Алетейя, 454 с.
15. *Евламиев И.И.* Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского. 2021. СПб.: Изд-во РХГА, 600 с.
16. *Евламиева И.И.* Ф.М. Достоевский: pro et contra, антология: в 2 т. Т. 1. 2021. СПб.: РХГА, 872 с.
17. *Есаулов И.А., Тарасов Б.Н., Сытина Ю.Н.* Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского: коллективная монография. 2021. М.: Индрик, 336 с.
18. *Есаулова И.А.* Ф.М. Достоевский: et contra, антология. Советский и постсоветский Достоевский: в 2 т. Т. 2. 2021. СПб.: РХГА, 748 с.
19. *Захаров В.Н., Казакова Р.А., Ровинская И.Л., Крекишина Л.С.* След, оставленный на века: к 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского: Аннотированный каталог изданий и исследований, осуществленных при финансовой поддержке РФФИ в 1995–2021 годах. 2021. М.: Российский фонд фундаментальных исследований, 120 с.
20. *Исупов К.Г., Богатырева Л.В., Сюндюкова Н.К.* Универсум Ф.М. Достоевского, антология. 2021. СПб.: РХГА, 888 с.
21. *Касаткина Т.А.* Богословие Достоевского. 2021. М.: ИМЛИ РАН, 416 с.
22. *Кибальник С.А., Кузнецова О.А., Муренина Е.К., Оробий С.П., Отева К.Н.* Достоевский в медийном пространстве современной русской культуры. 2021. СПб.: ИД «Петрополис», 304 с.
23. *Маскевич Е.Д., Тихомиров Б.Н., Тихомирова Н.А.* Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского. Коллективная монография. 2021. СПб.: Изд-во РХГА, 260 с.
24. *Нилова А.Ю., Скоропадская А.А., Агапитова Е.К.* Достоевский и античность: коллективная монография. 2021. СПб.: Изд-во РХГА, 472 с.
25. *Новикова Е.Г., Щербинин А.И., Вировец С.В.* Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского. 2021. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 288 с.
26. *Панюкова Т.В., Зинкова В.С., Кипрушьева О.О., Коновалова О.Л., Маскевич Е.Д., Михайлова А.К., Отливанчик А.В., Солопова А.И., Рак В.Д.* Проблемы текстологии публицистики Достоевского (1873–1881): коллективная монография. 2021. СПб.: Изд-во РХГА, 936 с.
27. *Рогов А.А., Абрамов Р.В., Бучнева Д.Д.* Проблема атрибуции в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин». 2021. Петрозаводск: «Острова», 400 с.
28. *Сафронова Е.Ю.* Сибирский текст Ф.М. Достоевского: монография. 2020. Барнаул: Изд-во Алтайского Университета, 446 с.
29. *Соина О. С., Сабиров В. Ш.* Философская антропология Ф. М. Достоевского. Монография. 2021. СПб.: Изд-во РХГА, 352 с.
30. *Тарасова Н.А., Кибальник С.А., Димитриев В.М.* Проблемы текстологии и поэтики романного творчества Ф. М. Достоевского. 2021. М.: Изд-во «Квадрига», 276 с.
31. *Фёдорова Е.А.* Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы. 2021. СПб.: Изд-во РХГА, 604 с.
32. *Фокин П.Е., Петрова А.В., Варенцова Е.М.* Неизвестные и малоизвестные источники

биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля: коллективная монография. 2021. СПб.: Росток, 448 с.

References

1. Alekseeva L.V., Andrianova I.S., Vyal' E.N., Zavarkina M.V., Panyukova T.V., Sosnovskaya O.A., Tikhomirov B.N. Rukopisnoe nasledie F.M. Dostoevskogo. 2021. Saint-Peterburg: Publ. RKhGA, 560 p. (In Russ.).
2. Alekseeva L.V., Zinkova V.S., Mekhralieva G.A., Solopova A.I., Sosnovskaya O.A. Redaktsionnyi arkhiv zhurnalov F. M. i M. M. Dostoevskikh "Vremya" i "Epokha": kollektivnaya monografiya. 2021. Saint-Peterburg: Publ. RKhGA, 560 p. (In Russ.).
3. Andrushchenko E.A., Vvedenskaya V.M., Koz'menko M.V. F.M. Dostoevskii v literaturnykh i arkhivnykh istochnikakh kontsa XIX — pervoi treti XX v. 2021. Moscow: IMLI RAN, 386 p. (In Russ.).
4. Bagno V.E., Dimitriev V.M. Retseptsiya Dostoevskogo v mirovoi kul'ture. Istoriya i sovremennost': Kollektivnaya monografiya. 2021. Saint-Peterburg: Publ. Pushkinskogo Doma, 208 p. (In Russ.).
5. Baranov A.N., Dobrovol'skii D.O. Korpusnaya model' idiosilya Dostoevskogo. 2021. Moscow: LEKSRUS, 358 p. (In Russ.).
6. Barsht K.A. Tekstologicheskoe issledovanie zapisnykh tetradei F.M. Dostoevskogo k romanu "Besy": Diplomaticeskaya transkriptsiya. 2021. Saint-Peterburg: Nauka, 583 p. (In Russ.).
7. Bessonova A.S. Darovoe Dostoevskogo. Materialy i issledovaniya. 2021. Kolomna: Publ. "Liga", 544 p. (In Russ.).
8. Bogatyreva L.V., Volchek O.E., Zhueizhun A., Kapilupi S.M., Korkonosenko K.S., Kuznetsova A.V., Millionshchikova T.M., Pompeo L., Potapova G.E., Samarina M.S., Yakimenko O.A. Dostoevskii v zarubezhnoi retseptsii: ot klassiki do postmoderna, antologiya: in 2 vol. Vol. 1. 2021. Saint-Peterburg: RKhGA, 976 p. (In Russ.).
9. Bogatyreva L.V., Volchek O.E., Zhueizhun A., Kapilupi S.M., Korkonosenko K.S., Kuznetsova A.V., Millionshchikova T.M., Pompeo L., Potapova G.E., Samarina M.S., Yakimenko O.A. Dostoevskii v zarubezhnoi retseptsii: ot klassiki do postmoderna, antologiya: in 2 vol. Vol. 2. 2021. Saint-Peterburg: RKhGA, 872 p. (In Russ.).
10. Borisova V.V., Shaulov S.S., Yukhnovich Yu.V. «Delo o kumaninskom nasledstve» v zhizni i tvorchestve F. M. Dostoevskogo. 2021. Ufa: «PechatniK», 268 p. (In Russ.).
11. Viktorovich V.A., Zakharova O.V. F. M. Dostoevskii v russkoi kritike. 1845–1881. 2021. Kolomna: Publ. "Liga", 536 p. (In Russ.).
12. Volgin I.L., Andrianova I.S., Burmistrova A.V., Kalinin M.A., Kudimova M.V., Kulikova D.E., Ogorodnikova E.E., Podryabinkina A. G., Proshchenko A.A. Dostoevskii v natsional'nom soznanii: problemy biografii i tvorchestva. 2021. Moscow: Publ. "Fond Dostoevskogo", 648 p. (In Russ.).
13. Gal'tsov E.D. "Zapiski iz podpol'ya" F.M. Dostoevskogo v kul'ture Evropy i Ameriki. 2021. Moscow: IMLI RAN, 1024 p. (In Russ.).
14. Dergacheva I.V., Dostoevskii A.D., Litvin E.A., Makhmudova S.M., Mikhailova M.V., Talalai M.G., Shvarts N.V. Dostoevskii i Italiya. 2021. Saint-Peterburg: Aleteiya, 454 p. (In Russ.).
15. Evlampiev I.I. Obraz Iisusa Khrista v filosofskom mirovozzrenii F. M. Dostoevskogo. 2021. Saint-Peterburg: Publ. RKhGA, 600 p. (In Russ.).

16. Evlampieva I.I. F.M. Dostoevskii: pro et contra, antologiya: in 2 vol. Vol. 1. 2021. Saint-Peterburg: RKhGA, 872 p. (In Russ.).
17. Esaulov I.A., Tarasov B.N., Sytina Yu.N. Analiz, interpretatsii i ponimanie v izuchenii naslediya Dostoevskogo: kollektivnaya monografiya. 2021. Moscow: Indrik, 336 p. (In Russ.).
18. Esaulova I.A. F.M. Dostoevskii: et contra, antologiya. Sovetskii i postsovetskii Dostoevskii: in 2 vol. Vol. 2. 2021. Saint-Peterburg: RKhGA, 748 p. (In Russ.).
19. Zakharov V.N., Kazakova R.A., Rovinskaya I.L., Krekshina L.S. Sled, ostavlennyi na veka: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya F.M. Dostoevskogo: Annotirovannyi katalog izdaniy i issledovaniy, osushchestvlennykh pri finansovoi podderzhke RFFI v 1995–2021 godakh. 2021. Moscow: Rossiiskii fond fundamental'nykh issledovaniy, 120 p. (In Russ.).
20. Isupov K.G., Bogatyreva L.V., Syundyukova N.K. Universum F.M. Dostoevskogo, antologiya. 2021. Saint-Peterburg: RKhGA, 888 p. (In Russ.).
21. Kasatkina T.A. Bogoslovie Dostoevskogo. 2021. Moscow: IMLI RAN, 416 p. (In Russ.).
22. Kibal'nik S.A., Kuznetsova O.A., Murenina E.K., Orobii S.P., Oteva K.N. Dostoevskii v mediinom prostranstve sovremennoi russkoi kul'tury. 2021. Saint-Peterburg: Publ. "Petropolis", 304 p. (In Russ.).
23. Maskevich E.D., Tikhomirov B.N., Tikhomirova N.A. Novye arkhivnye i pechatnye istochniki nauchnoi biografii F. M. Dostoevskogo. Kollektivnaya monografiya. 2021. Saint-Peterburg: Publ. RKhGA, 260 p. (In Russ.).
24. Nilova A.Yu., Skoropadskaya A.A., Agapitova E.K. Dostoevskii i antichnost': kollektivnaya monografiya. 2021. Saint-Peterburg: Publ. RKhGA, 472 p. (In Russ.).
25. Novikova E.G., Shcherbinin A.I., Virovets S.V. Geopoliticheskaya karta i kartina mira F. M. Dostoevskogo. 2021. Tomsk: Publ. Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 288 p. (In Russ.).
26. Panyukova T.V., Zinkova V.S., Kiprusheva O.O., Konovalova O.L., Maskevich E.D., Mikhailova A.K., Otlivanchik A.V., Solopova A.I., Rak V.D. Problemy tekstologii publitsistiki Dostoevskogo (1873–1881): kollektivnaya monografiya. 2021. Saint-Peterburg: Publ. RKhGA, 936 p. (In Russ.).
27. Rogov A.A., Abramov R.V., Buchneva D.D. Problema atributsii v zhurnalakh "Vremya", "Epokha" i ezhenedel'nike "Grazhdanin". 2021. Petrozavodsk: "Ostrova", 400 p. (In Russ.).
28. Safronova E.Yu. Sibirskii tekst F.M. Dostoevskogo: monografiya. 2020. Barnaul: Publ. Altaiskogo Universiteta, 446 p. (In Russ.).
29. Soina O. S., Sabirov V. Sh. Filosofskaya antropologiya F. M. Dostoevskogo. Monografiya. 2021. Saint-Peterburg: Publ. RKhGA, 352 p. (In Russ.).
30. Tarasova N.A., Kibal'nik S.A., Dimitriev V.M. Problemy tekstologii i poetiki romannogo tvorchestva F. M. Dostoevskogo. 2021. Moscow: Publ. "Kvadriga", 276 p. (In Russ.).
31. Fedorova E.A. Dostoevskii v srednei i vysshei shkole: problemy i novye podkhody. 2021. Saint-Peterburg: Publ. RKhGA, 604 p. (In Russ.).
32. Fokin P.E., Petrova A.V., Varentsova E.M. Neizvestnye i maloizvestnye istochniki biografii F. M. Dostoevskogo v sobranii Gosudarstvennogo muzeya istorii rossiiskoi literatury imeni V. I. Dalya: kollektivnaya monografiya. 2021. Saint-Peterburg: Rostok, 448 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Дергачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки,

Дергачева И.В.
Творческий путь Ф.М. Достоевского, рукописное
наследие и герменевтика текстов: юбилейные издания
РФФИ
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 108–119.

Dergacheva I.V.
The Creative Path of F.M. Dostoevsky, Handwritten
Layering and Hermeneutics of Texts: Anniversary
Editions of the RFBR
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 108–119.

современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

Information about the authors

Irina V. Dergacheva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department "Linguodidactics and Intercultural Communication" of the Institute "Foreign Languages, Modern Communications and Management", Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

Получена 01.03.2022

Received 01.03.2022

Принята в печать 15.03.2022

Accepted 15.03.2022